4
Р-17

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Развитие современного русского языка

Издательство Академии наук СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Под редакцией
С. И. Ожегова и М. В. Панова

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — 1963

4
Р-17

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

58555

Редактор тома

И. П. МУЧНИК

ОТ РЕДАКЦИИ

Развитие советского общества обусловило многочисленные изменения во всех сферах русского языка. Всестороннее изучение этих изменений ведется Институтом русского языка Академии наук СССР в связи с разработкой проблемы «Русский язык и советское общество».

Существо проблемы сводится к выяснению особенностей движущих сил развития языка в социалистическом обществе, к изучению внутренних и внешних факторов развития языка, к изучению процессов, в результате которых русский язык приобрел способность выполнять свои функции средства общения и орудия мышления в новой общественной формации. Действие общественного фактора изучается при этом в органической связи с внутренними законами языка.

Важную составную часть изучаемой проблемы составляет множество новых языковых явлений, обусловленных резким изменением социального состава носителей литературного языка. Возникновение новой интеллигенции, все более и более пополнявшейся выходцами из народа, рабочими и крестьянами, приобщение к литературному языку в связи со всеобщим обязательным обучением широких народных масс видоизменили прежние пути и традиции литературного языка. Новые пути развития привели не только к освобождению литературного языка от ряда особенностей, связанных с прежней формой его социального бытования, но и обусловили появление большого числа разнообразных инноваций в лексике и фразеологии, семантике, фонетике, грамматике и особенно в стилистике.

Большое число изменений в русском языке было вызвано потребностью назвать явления, порожденные новой эпохой. Неограниченное число новых явлений, возникших во всех без исключения областях жизни — в общественно-политическом строе, в экономике, технике, науке, идеологии, в быту — безотлагательно требовали своего наименования. Ранее действовавший механизм номинации был не в состоянии полностью удовлетворить новые потребности и претерпел ряд изменений. Происшедшие в системе словообразования сдвиги вызвали в свою очередь разнообразные,

в большей или меньшей мере опосредствованные морфологические, семантические и синтаксико-стилистические изменения.

Большое место в разработке проблемы «Русский язык и советское общество» должно занимать детальное исследование процессов современной речевой деятельности. В последнее время в нашей лингвистической литературе справедливо указывалось на необходимость тщательного изучения устной и письменной речи в конкретных актах их проявления, выяснения реальных условий так называемого языкового существования *. Только глубокий анализ речевых актов даст возможность установить соотношение в них элементов воспроизводимого и невоспроизводимого, общего и индивидуального, стихийного и сознательного, что столь важно для разработки многих составных частей проблемы «Русский язык и советское общество».

Изучение множества явлений, связанных с содержанием и формами современных речевых актов, должно активизировать процесс разрешения теоретически и практически чрезвычайно важного вопроса о возможностях сознательного вмешательства в современное развитие языка. Этот вопрос, имеющий столь большое значение в условиях перехода от социализма к коммунизму, был поставлен К. Марксом в его известной формуле: «Само собой разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода» (т. е. язык) **.

К сожалению, в настоящее время лингвисты мало уделяют внимания данному вопросу, между тем некоторые прогрессивные лингвисты уже в начале века сочли своим долгом категорически высказать свое отношение к нему. В частности заслуживает внимания следующее утверждение Бодуэна де Куртенэ в статье «К критике искусственных языков мира»: «Существует ли человек для языка или язык для человека? Язык не является ни замкнутым организмом, ни неприкосновенным идолом; язык представляет собой орудие и деятельность. Целесообразно совершенствовать свое орудие не только право человека, но и его общественная обязанность».

В связи с разработкой проблемы «Русский язык и советское общество» Институт русского языка приступил к изданию сборников, посвященных проблемам развития современного русского языка. В сборниках будут публиковаться статьи, относящиеся к разрабатываемой проблеме, статьи, освещающие различные стороны структуры современного русского языка, а также статьи и заметки, содержащие наблюдения над фактами развития языка в советском обществе.

* См.: Н. И. Конрад. О «языковом существовании». «Японский лингвистический сборник». М., 1959, стр. 8; В. В. Виноградов. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры. «Вопросы языкознания», 1961, № 4, стр. 11—12.

** К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3. М., 1955, стр. 427.

М. В. Панов

О СТИЛЯХ ПРОИЗНОШЕНИЯ

(в связи с общими проблемами стилистики)

I

1. Соотносительность произносительной стилистики со стилистическими разграничениями в лексике. * 2—6. Содержание стилистических противопоставлений в языке. Частотности стилистически соотнесенных слов и распределение их по стилям. * 7—9. Отношение системы одного стиля к системе другого. * 10—14. Особенности сочетания единиц разных стилей в пределах одного текста. Речевые жанры. * 15—16. Градации стилистической интенсивности внутри каждого стиля. * 17. Парадигматические и синтагматические связи стилистических единиц. * 18. Наслоение на стилистические разряды иных, нестилистических противопоставлений. * 19. Стиль как языковая (а не только речевая) категория.

1. Произносительные стили связаны со стилистическими соотношениями в лексике; в известном отношении они производны от лексических стилей. Поэтому в статье, посвященной стилистике произношения, необходим сжатый анализ лексических стилей.

2. Многие слова в толковых словарях русского языка даются с пометами: высокое, торжественное, риторическое, книжное; или: разговорное, просторечное. Эти пометы указывают стилистический разряд, к которому относится данное слово. Отсутствие пометы также стилистически значимо: «нулевая помета» говорит о принадлежности слова к нейтральному стилю [1]. Таким образом, вся лексика современного литературного русского языка распределена между отдельными стилистически сопоставленными разрядами.

Какова функция таких лексических разграничений? Сопоставив ряды стилистически соотнесенных слов (*очи—глаза—гля-*

[1] «Где начинающему лексикографу получить пособие, определяющее нейтральные слова языка? Где словарь с пометой „нейтр.“?» — с горечью спрашивает один из исследователей. Сетования эти напрасны: таких словарей немало, но вместо „нейтр.“, естественно, дается «нулевая помета».

делки; *грядет—идет*, *простой—немудреный*), замечаем, что стиль в лексике — категория оценочная: на лексические значения слова наслаиваются какие-то дополнительные оценки.

3. Можно предположить, что эти оценки направлены на сам называемый объект (вещь, лицо, действие, качество и т. д.) [2]:

Смотрят
Его гляделки в чистые глаза.

(А. А. Блок)

В страшный час мировой этой ночи,
В страшный час беспощадной войны
Только зоркие, чистые очи
Называться глазами должны.

(П. Г. Антокольский)

В данных примерах противопоставлены лексемы: *гляделки—глаза*, *глаза—очи*; они связаны с оценкой самих называемых предметов.

Но очевидно, что здесь перенесение оценки на объект называния является вторичным; оно не во всех случаях обязательно, оно задано только контекстуально; основной же смысл стилистических противопоставлений совсем иной. Ведь слова высокого стиля далеко не всегда называют предметы, оцениваемые положительно (ср. *гонитель*, *зоил*, *цербер*, *ворог*, *презренный*). С другой стороны, и слова сниженных стилей очень часто не вносят в речь никаких отрицательных оценок. Если же эти отрицательные или положительные оценки у отдельных слов и есть, то они являются «надстройкой» над стилистическими разграничениями. Слова, стилистически соотнесенные, характеризуются именно тем, что их л е к с и ч е с к о е значение совершенно тождественно; в этом смысле они подлинные синонимы.

Стилистические соотношения в языке очень часто строятся на использовании служебных слов (*ибо — так как*; *коли*, *кабы — если* и пр.) [3]. Они не имеют собственного предметного значения и противопоставляются, конечно, не потому, что можно по-разному отнестись к их семантике. У служебных слов стилистическая противопоставленность явно не связана с разной оценкой называемого; но ведь это та же самая противопоставленность, что и в ряду *очи—глаза—гляделки*. . . Очевидно, смысл стилистических противопоставлений не в разных оценках называемого.

---

[2] Ср. замечание в одной из стилистических штудий: «Гноящиеся, трусливо бегающие глазенки нельзя назвать *очами*. Вдавленный, покрытый прыщами лоб — это не *чело*. И делать кораблики из газетной бумаги не значит *созидать*».

[3] См.: И. С. И л ь и н с к а я. Из наблюдений над лексикой А. С. Пушкина. «Труды Института русского языка», т. II. М., 1950, стр. 83.

4. Исследователи обычно подчеркивают именно смысловую тождественность соотносительных стилевых единиц. «Одно и то же можно сказать и написать по-разному. Содержание, мысль могут остаться при этом вполне неизменными», — пишет Г. О. Винокур [4], объясняя сущность соотношения стилей в языке. По наблюдениям И. С. Ильинской, стилистическая «сниженность» просторечных слов не зависит от «реального значения слова, . . . а определяется так же, как и у слов разговорных, исключительно языковым восприятием и пониманием говорящего места данного слова в системе всех стилей . . . своего языка, пониманием, которое вырабатывается в общении между людьми. . .» [5] И автор приводит ряд убедительных примеров: «. . . Просторечные слова *натореть*, *пособить*. . . *спервоначалу*. . . по своему реальному значению полностью совпадают с соответствующими нейтральными: *привыкнуть*, *помочь*. . . *первоначально*. . .»[6]

Оценка, данная стилистическими противопоставлениями в лексике, очевидно, относится не к тому, что заключено в слове, а к тому, что является заключающим, т. е. к самому слову, к самой речи [7].

5. В современном русском литературном языке слова: *вечерком* (наречие), *взасос*, *висюлька*, *вихрастый*, *взмоститься*, *взгрустнуть*, *впрямь*, *всласть*, *глазастый*, *говорун*, *голубчик*, *давненько*, *девчушка*, *дескать* (частица), *деться*, *ехидничать*, *забияка*, *загвоздка* и т. п. — характеризуют речь как непринужденную, непритязательную, привычно-бытовую. Эти слова несут в себе намек на условия общения, на речевую обстановку, на отношения говорящих лиц и т. д. Слова: *вершитель*, *вещий*, *взлет*, *взывать*, *вкусить*, *владыка*, *властелин*, *властвовать*, *вознегодовать*, *вопиющий*, *венчать* (=успешно завершать), *воздвигнуть*, *воин*, *возмездие*, *возгореться*, *грядущий*, *держава*, *дерзать* — характеризуют речь как эмоционально-приподнятую, необычную, торжественную, противопоставленную привычной разговорной обыденности [8].

Наконец, есть слова, в которых не выражена оценка речи; это слова нейтрального лексического пласта: *ходить*, *знать*, *был*, *хлеб*, *вода*, *уменье*, *число*, *я*, *он*, *кто-то*, *синий*, *большой*, *двенадцатый*, *тридцать*. . .

Таким образом, намечаются три группы слов:

---

[4] Г. О. Винокур. О задачах истории языка. «Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та. Кафедра русского языка», 1940, вып. I.

[5] И. С. Ильинская. Указ. соч., стр. 83.

[6] Там же, стр. 84.

[7] В отдельных случаях эта субъективная оценка, как уже говорилось, может быть перенесена и на содержание высказывания, но это уже будет своеобразная «метонимия».

[8] Именно в этом смысле И. А. Бодуэн де Куртенэ противопоставлял язык будничный и язык праздничный (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 41, 81 полутом, «Язык», стр. 533).

а) слова редких речевых ситуаций — они формируют торжественный стиль [9];

б) слова частых речевых ситуаций — они создают «сниженный» стиль, стиль обыденной речи (обыденность, «сниженность» — вовсе не отрицательная оценка: в определенных речевых ситуациях только такой стиль уместен и лишь он является наиболее желательным; он так же может выражать положительное, «похвальное» содержание, как и любой другой стиль);

в) слова, не связанные с определенным образом квалифицированными ситуациями: это — «всегдашние» слова, слова любых ситуаций; они стилистически нейтральны и формируют нейтральный языковый стиль.

6. Дихотомически (членя все объекты классификации на две группы: А и не-А) получаем противопоставления:

А) слова, не закрепленные за ситуациями определенной частотности;

Б) слова, закрепленные за ситуациями определенной частотности; последние делятся на: $Б^1$ — слова частых ситуаций и $Б^2$ — слова редких ситуаций [10].

В системе языка эти соотношения не дихотомичны; схематически их можно изобразить так:

\+ 0 —

высокий стиль → нейтральный ← разговорный стиль [11]

---

[9] Разумеется, слова торжественного стиля используются не только в дни торжества, но также в дни гнева и печали. Их можно встретить и в речи прокурора, осуждающего какое-либо злодеяние, и в публикации о поражении армии, и в исступленном проклятии. Ср. концовку в новелле О. Генри «Proof of the Pudding» — новелле, сюжетом которой являются именно стилистические противопоставления (см.: The complete works of O. Henry, т. II, N-Y, 1953, стр. 1604; =«Попробовали — убедились» в кн.: О. Генри. Избранные произведения, т. II. М., 1954, стр. 378; в переводе отсутствуют соответствия фонетическим сигналам разговорного стиля, которые даны в оригинале).

[10] Частотность лексических ситуаций следует отличать от частотности самих лексем. Наиболее частотными, конечно, являются слова нейтрального стиля, затем — слова разговорного стиля; наименее частотны высокоторжественные слова.

Частотность слова лишь тогда показательна для стилистической характеристики, когда устанавливается в пределах синонимического ряда. Например, слово *фенек* (название зверька) вообще используется достаточно редко в общем литературном языке; но так как нет более частотного синонима, то слово это должно употребляться во всех ситуациях, когда нужно данное понятие; следовательно, слово это относится не к высокому, а к нейтральному стилю.

[11] Таким образом, Ломоносовская теория трех штилей «... заключает в себе очень важное теоретическое зерно: стили речи соотнесены с нейтральным стилем и расходятся от него в разные стороны — одни с «коэффициентом» плюс, другие с «коэффициентом» минус» (А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955, стр. 110). В каждом из этих трех стилей объективно запечатлены (кристаллизованы в формах языка) данные нашей субъективной оценки тех условий общения, которые порождают этот стиль.

Стиль высокий и разговорный в современном русском языке не соотносятся друг с другом непосредственно, а лишь через посредство связи с нейтральным. Это значит, что слова высокого стиля как правило имеют лексические синонимы в нейтральном, но далеко не всегда находят их в разговорном; с другой стороны, слова разговорного стиля обычно имеют соотносительные единицы в лексически нейтральном стиле и только изредка — в высоком. Полная парадигма стилистических «противней» (типа: *очи—глаза—гляделки*) встречается достаточно редко.

7. Существует закономерность: слова окрашенных стилей д о л ж н ы иметь синоним в нейтральном стиле; слово нейтрального стиля м о ж е т иметь синоним в окрашенном стиле. Таким образом, та сеть значений, которая существует в совокупности слов нейтрального стиля (и определенным образом распределена по лексическим единицам), не находит совершенно параллельного выражения в окрашенных стилях, например в высоком. В нейтральном стиле существует ряд наименований частей лица: *подбородок*, *щеки*, *губы*, *нос*, *брови*, *лоб*, *виски*. . . Значения данных слов взаимно ограничивают и определяют друг друга. В высоком стиле этому ряду соответствует только: *уста*, *чело* [12]. Поэтому отсутствует строгое взаимоограничение этих слов, подобное взаимоограничению в нейтральном стиле; поэтому возможны широкие индивидуальные сдвиги в значениях слов высокого стиля. Ср. у М. Е. Салтыкова-Щедрина: «И слезы, оросив глаза, обильными ручьями потекли по высокому челу его». К этому месту пародийного текста дано примечание (якобы от лица рецензента текста): «Красота слога не должна вредить естественности. Как реки не могут течь вспять, так и слезы не могут катиться снизу вверх» [13]. Таким образом, предполагается возможным восприятие слова *чело* в значении слова *лицо*.

Такое «распространение» значения характерно для окрашенных стилей: поскольку на р я д членов нейтрального стиля приходится о д и н член окрашенного, постольку возможна большая контекстная подвижность значений у членов окрашенных стилей (причем стержневое значение обычно остается все же неизменным) [14]. Например, *чело* в современном русском литературном

[12] Слово *ланиты*, вероятно, уже не существует как живой компонент высокого стиля (как «живой архаизм») в современном русском языке.

[13] М. Е. С а л т ы к о в - Щ е д р и н. Испорченные дети. «Лит. наследство», т. I, 1931, стр. 204.

[14] В некоторых случаях эта подвижность приводит к историческому изменению и стержневого значения. Ср.: *стогны* первоначально — 'улицы'; но в результате широких контекстных сдвигов данного значения, не определенного, не ограниченного значениями «соседей» по высокому стилю, постепенно закрепилось в языке другое осмысление этого слова: 'площади'. Ср. у А. С. Пушкина: «стояли стогны озерáми. . .» Точно так же и слово *уста* может восприниматься в расплывчато-расширительном значении: 'рот вообще'. Ср. у П. Потемкина: «. . . Что *губы уст* ее красны | И, словно лист весенний, клейки. . .»

языке синонимично слову *лоб*, но в очень большом кругу контекстов замена высокого синонима на нейтральный невозможна — именно благодаря «растеканию» значения у слова *чело*. Ср.:

Взор засверкал огнем, и гневное чело
Вдруг ужас помертвил и мщение зажгло.

(П. А. Катенин)

Они живут для музы песнопенья,
Для гордости поэтова чела!

(Н. М. Языков)[15]

8. Возможен и противоположный случай: одному слову нейтрального стиля соответствуют две единицы более ограниченного значения в окрашенном стиле, например высоком: *рука—шуйца, десница* [16].

Таким образом, система взаимоограничений семантических «отрезков» в нейтральном стиле и в соотносительных с ним окрашенных стилях может быть различной: отдельным единицам нейтрального стиля могут соответствовать лексемные нули в окрашенном стиле или — реже — две взаимоограниченных единицы.

9. В грамматике это невозможно, ввиду особого характера грамматической системы. Невозможно, например, чтобы система единственно-множественного числа (двухчленная) в высоком стиле заменялась одночленной или трехчленной. Количество — и, следовательно, качество — противопоставлений сохраняется.

Например, в поэтическом языке конца XVIII — начала XIX в. употребительна форма *крыле* — по происхождению форма двойственного числа. Ср.: *И успеху, и печали | На изменчивой земле | Боги праведные дали | Одинакие крыле* (Е. А. Баратынский); *Вас я зрю, святые стогны! | Спите вы в громовой мгле. | Ах, зачем мне с гласом Прогны | Не даны ее крыле* (В. К. Кюхельбекер); *Орел по громовой дороге | Купает в радуге крыле, | И серна, преклоняя роги, | Глядится в зеркальной скале* (А. А. Бестужев-Марлинский); *. . . Юной жизнью пламенея, | Развила она крыле* (В. А. Жуковский) и т. д.

Войдя в систему русского высокого стиля, эта форма получила значение множественного числа. Ср.: *Их паруса — крыле, их мачты — лес дремучий* (В. П. Петров) [17].

---

[15] Ср. у В. П. Буренина: «Он людей судил сурово, | Хмуря лысое чело. . .»

[16] Однако в связи с постепенным вытеснением слова *шуйца* даже из высокого стиля, *десница* приобретает расплывчато-расширительное значение; оно нередко обобщается до более широкого *рука*! Ср. в «Словаре современного русского литературного языка» (т. 3. М.—Л., 1954, стлб.739): «Десница — правая рука; иногда вообще рука»; там же примеры. Ср. также в «Словаре русского языка» (вып. 3. СПб., 1895, стлб. 1019): «Десница — . . . правая рука; в образном языке: рука. . .»

[17] Грамматическое значение, выпадающее из системы нейтрального стиля, может сохраниться лишь в том случае, когда какая-нибудь форма вводится явно цитатно. Ср.: *Мне тошно здесь, как на чужбине. | Когда я сброшу жизнь мою? | Кто даст крыле мне голубине, | Да полечу и почию* (К. Ф. Рылеев). Подобная инкрустация характеризует обычно индивидуальную речь, отдельные тексты-сообщения (ср., например, у Н. Н. Асеева: *А я на Дон, на Дон, на Дон | зову тебя очима*).

10. Итак, многие лексические единицы нейтрального стиля (даже большинство их) не находят соответствий в окрашенных стилях. Следовательно, не может существовать естественного текста, устного или письменного, состоящего только из слов высокого или слов разговорного стиля, но может встретиться текст целиком из слов нейтрального стиля [18]. Впрочем, такие тексты гораздо более редки, чем это обычно предполагается.

11. Следовательно, как норма, текст представляет собой сочетание слов разных стилей. Наиболее обычно сочетание слов нейтрального стиля (в любом тексте их огромное большинство) со словами одного из окрашенных стилей. Такие тексты, окрашенные примесью стилистически информирующих слов, например, слов высокого стиля, сами воспринимаются как окрашенные, например как высокие. Так вода, окрашенная несколькими чаинками, уже не вода, а чай. При этом вполне возможны и нормальны случаи, когда в данном тексте одно и то же понятие обозначается (и один и тот же предмет назван) то словом окрашенного, например высокого, стиля, то словом нейтрального. Ср.:

Все слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И гласу этому подвластны
И смерть и самая любовь.

(А. С. Пушкин) [19]

12. В пределах одного текста могут сочетаться и несколько окрашенных стилей. Но взаимоотношения становятся в этом случае иными. Если слова нейтрального стиля и каждого из окрашенных стилей сливаются друг с другом, то слова разных окрашенных стилей в пределах одного текста резко контрастируют; примеры легко привести.

13. В языке каждой эпохи существуют более или менее устойчивые типы сочетания слов разных стилей в пределах одного текста: эти типы можно назвать речевыми жанрами [20]. В современ-

---

[18] Ср. у С. И. Кирсанова в «Высоком райке»: «Слова уважения, почитания, умиления: *жертвоприношение*, *бракосочетание*, *благословение* — соединившие руки, как августейшие царствующие супруги. Слова простейшие: *есть*, *пить*, *небо*, *хлеб*, *день*, *ночь*, *сын*, *дочь*, *нет*, *да*, *вода*, *хлеб*, *стон*, *сон*, *я*, *он*, *ты*, *быть*, *жить*. . . Вполне годится обходиться ими одними» (С. И. Кирсанов. Этот мир. М., 1958, стр. 216).

[19] Ср.:

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

(М. Ю. Лермонтов)

Впрочем, этот случай сложнее, чем приведенный в тексте.

[20] Замечу, что наименования «высокий штиль», «низкий штиль» у М. В. Ломоносова относятся именно к стилистическим жанрам. Высокий

ном русском языке существуют, например, такие речевые жанры: жанр передовой статьи в газете, фельетона, дружеского разговора, военного рапорта, приказа по учреждению, спортивного репортажа, выступления на собрании, дипломатической ноты, речи на митинге, научной статьи, объявления в магазине, объяснения в любви, лирической песни, басни [21], лирико-философского стихоизлияния, объявления в газете, экзаменационного ответа и т. д. Большинство из этих жанров в лингвистической литературе не описано. В этих жанрах различны не только входящие в сочетание стилистические элементы, не только пропорции их «смешения», но и сами приемы сочетания, сами тенденции сочетаемости. Например, есть речевые жанры, которые ограничивают стилистическую сочетаемость слов, в этих жанрах уместны слова, незначительно разнящиеся стилистическими потенциалами (ср. жанр дипломатической ноты); наоборот, существуют жанры, главной отличительной чертой которых является широкая (даже всеобъемлющая) стилистическая включаемость, таковы некоторые жанры, представленные литературно-художественными текстами [22].

14. Бесспорно, что речевые жанры используются отдельными авторами индивидуально-своеобразно; особенно это характерно для художественной литературы. Здесь «типичность», «стабильность» речевых жанров отступает назад (или ощущается лишь как начало для отсчета по стилистическим координатам), а на первый план, как эстетическая ценность, выступают индивидуальные отклонения от этого «стандарта», со всей их сложностью, тонкостью, с той выразительностью, которую допускает талантливость автора. Поскольку сами эти индивидуальные отклонения основаны на использовании данных (в системе языка) качеств слова, исследование их является особой задачей языкознания, и не случайно эта задача привлекает внимание лингвистов.

15. Противопоставлены три языковых стиля; но внутри высокого и внутри разговорного стилей есть свои градации. Слова могут быть стилистически окрашены с разной степенью яркости; контраст с нейтральным стилем может быть меньшим или бóльшим. Слова *всепобедный*, *разверстый*, *алкать*, *чело* уместны в торжественной речи, поэтическом прославлении, но неуместны в передовой газетной статье, в государственной публикации. Слова *владычество*, *гонение*, *немеркнущий*, *вскормить* уместны в передовой статье, в государственной публикации, но неуместны в хрони-

стиль «составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских. . . Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды. . .» (М. В. Ломоносов. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке. Полное собрание сочинений, т. 7. М.—Л., 1952, стр. 589).

[21] Притом можно в речевом жанре басни написать нечто совсем не баснное в литературоведческом смысле этого термина или, наоборот, написать басню не в речевом жанре басни (см., например, басни Л. Н. Толстого). Таким образом, литературные и речевые жанры не тождественны.

[22] См.: В. Д. Левин. О месте языка художественной литературы в системе стилей национального языка. «Вопросы культуры речи», вып. I. М., 1955, стр. 92—93.

кальной заметке, в официальном уведомлении и т. д. Следовательно, обнаруживаются определенные пласты в пределах высокого стиля.

В разговорном стиле тоже есть разделение слов по интенсивности стилистической окраски, но расслоение, разграничение между слоями едва намечено: настолько они подвижны и изменчивы в своей стилевой окраске (в зависимости от контекста). В разговорном стиле существует тенденция к большей слитности лексических пластов, чем в строгом стиле [23].

Наконец, нейтральный стиль един и не имеет разновидностей. Его отличие состоит в неокрашенности; он не несет стилистической информации; и это категорическое, полное «нет» не знает оттенков.

16. Слова, резко контрастные с нейтральным стилем, всегда имеют синоним в нейтральном. Но те лексические единицы, которые лишь слегка окрашены стилистически, у которых чуть брезжит стилистический отсвет, могут и не иметь такого двойника. Чем менее ярко противопоставлено данное слово нейтральному стилю, тем менее необходим его синоним в нейтральном стиле. Слова, имеющие в словарях помету «торжеств.» и «высок.», всегда соотнесены с нейтральным синонимом; слова же с пометой «книжн.» (мало интенсивный оттенок строгого, высокого стиля) иногда такого нейтрального двойника не имеют [24].

Таким образом, обязательность синонима в нейтральном стиле прямо пропорциональна мере отстояния данного слова от нейтрального стиля.

17. Возможны случаи, когда два синонима имеют различную частотность — тем не менее принадлежат к одному и тому же стилю. Например, из двух синонимов *стачка — забастовка* второй сейчас гораздо чаще встре-

---

[23] Ср. в словарях: слова высокого стиля дифференцируются на риторические, торжественные, высокие, патетические, книжные; слова же разговорного стиля даются недифференцированно и отмежеваны лишь от просторечных слов, балансирующих на грани литературного языка и нелитературных городских диалектов.

[24] Редчайший случай — отсутствие нейтрального двойника для слов с очень заметной стилистической окраской — представлен русскими словами *юноша — парень — молодой человек*. Ни слово *юноша*, ни *парень*, ни тем более *молодой человек* нельзя считать стилистически нейтральными. Ср. реплику в разговоре: «Он скорее юноша, чем парень»; здесь стилистические различия метонимически использованы для характеристики самого объекта называния.

Девушка в любых речевых ситуациях может к своим подругам обратиться со словом: «Девушки!» (это слово нейтрального стиля, оно пригодно во всех случаях, когда нужно его лексическое содержание). Но ее сверстник далеко не во всех случаях может обратиться к своим товарищам со словом «Парни!» или со словом «Юноши!» или, тем более, со словами «Молодые люди!» (имеется в виду, конечно, не ироническое словоупотребление). Именно поэтому слова *юноша* и *парень* сдвигаются в область нейтрального стиля (причем в языке «Комсомольской правды» сильнее нейтрализовано *парень*, а в языке «Литературной газеты» — *юноша*).

чается, чем первый; но *стачка* тем не менее не стала компонентом высокого стиля.

Связи между единицами языка имеют два плана: парадигматический и синтагматический. Сопоставление: *дом—дома—дому. . .* дает парадигматический ряд в грамматике; сопоставление единиц *дом* и *строится* в сочетании *дом строится* — синтагматический ряд.

Эти же два плана существуют и в области стилистики. До сих пор речь шла о соотношениях, данных рядами: *очи — глаза — гляделки*; *ибо — так как* и под., т. е. рядами парадигматическими.

Ряд *дом—дома—дому* возможен как явление грамматическое потому, что в языке существует определенная системная единица: падежная парадигма, состоящая из нескольких, определяющих друг друга членов; каждый член (например форма дательного падежа) воспринимается на фоне других членов. Эти парадигматические отношения выражаются аффиксально. Подобно этому и в области стилистических противопоставлений есть своя парадигма, состоящая из нескольких определяющих друг друга членов: какой-то единицы нейтрального стиля и воспринимающихся на ее фоне единиц высокого и разговорного стиля. В отличие от грамматики, противопоставления здесь выражены не аффиксально, а «супплетивно» (ср. *глаза — очи — гляделки*).

Кроме парадигматического ряда, в стилистике важен также и ряд синтагматический, важны связи слов в определенного стилистического типа линейных сочетаниях. Слова высокого стиля характеризуются не только отталкиванием от определенных синонимов (в ряду *глаза — очи — гляделки*), но и постоянным соседством в речевых отрезках со словами той же стилистической окрашенности. Ср.: «чего не *зрят* равнодушные *очи*. . .»; «любви и *очи* и *ланиты*. . .»; «чьи не плачут суровые *очи*, чьи не *ропщут* немые *уста*».

Стачка — слово, встречающееся в любых синтагматических рядах, в любом соседстве (так же как и слово *забастовка*); и именно поэтому слово *стачка* не становится элементом высокого стиля.

Таким образом, парадигматические отношения стилей дополняются еще синтагматическими связями.

Из сказанного ранее (см. п. 16) следует, что для слов с резкой стилистической окрашенностью первостепенную важность имеют парадигматические противопоставления. Именно они и создают эту высокую стилистическую разность потенциалов.

Для слов же, имеющих слабые стилистические оттенки, важны чаще всего синтагматические сопоставления [25].

18. Каждый из окрашенных стилистических слоев может выступать в качестве основы для противопоставлений нового типа; так, например, высокие слова могут быть соотнесены со словами той же стилистической окраски—и притом (вдобавок) иметь, например, терминологический характер.

Другой пример: слова разговорного стиля могут нести дополнительный оттенок неодобрительности (оценка направлена на сам объект называния): *вояка*, *выкрутасы*, *нюни*. Иногда разговорные слова имеют, напротив, оттенок одобрительности: *девчушка*, *малюсенький*, *голубчик*. По сравнению с этими

---

[25] Может показаться, что при определении стиля вместо частотности ситуаций речевого общения нужно оперировать только относительной частотностью самих слов в стилистических парадигмах; однако это не так. Если есть 3 синонима, один с большей частотностью, другой с меньшей, третий — совсем с небольшой (и притом частотности резко контрастны), то ясно, что эти синонимы соответствуют нейтральному, разговорному и строгому стилю. Но могут быть всего два члена стилистической парадигмы: в таком случае ясно, что слово с бóльшей частотностью принадлежит к нейтральному стилю, а другое — к окрашенному, но к какому именно — определить чисто парадигматически нельзя.

двумя группами слов, «безоценочные» [26] разговорные слова выступают как нулевая категория. Таким образом, стилистические различия между лексическими пластами осложнены еще дополнительными смысловыми различиями, которые перекрещиваются со стилистическими.

19. Стилевую характеристику текста можно рассматривать как дополнительное сообщение, осложняющее то, что заключено в лексических значениях слов и в их грамматических сцеплениях. Это дополнительное сообщение говорящий волен делать или не делать. В большинстве случаев он имеет полную возможность оформить свое высказывание в нейтральных, нулевых стилистических тонах. Но он может выбрать окрашенный стиль; это дело его воли. Поэтому обычно и подчеркивается, что вопросы стилистики — это вопросы выбора («употребления») различных языковых средств. И возникают эти проблемы только тогда, когда в языке есть несколько «готовых возможностей» передать ее.

Зависимость стилистической выразительности высказывания от индивидуального выбора говорящего побудила многих исследователей изучать стиль именно в его речевых аспектах [27]. Однако многообразные возможности стилистического выбора закреплены в системе языка, поэтому и изучать стили надо в первую очередь именно «с точки зрения языковой системы» [28].

II

20. Соотносительность произносительной и лексической стилистики. * 21—31. Мена фонем как особенность высокого произносительного стиля. Другие его особенности. * 32—34. Особенности разговорного стиля произношения. * 35—41. Общее сопоставление произносительных стилей. * 42—48. Некоторые исторические изменения в системе русских произносительных стилей. * 49—52. Пересечение стилистических противопоставлений с иными, нестилистическими разграничениями в произношении. * 53. Заключение.

20. Произносительная сторона языка имеет свою стилистику. Иначе говоря, одни определенные произносительные особенности могут выполнять ту же функцию, что и слова разговорного стиля; другие же особенности функционально сопоставимы со словами торжественной окраски. Например, произношение [шыис'ат] [29] «шестьдесят» функционально является однозначным с употреблением слов *сотенка*, *голубчик* и т. п. (*Дай-ка*, *голубчик*, [шыис'ат] *вот этих*, *а еще лучше сотенку*); [шъз'д'э^{и}с'ат] придает

Таким образом, слова, формирующие высокий стиль в лексике, можно определить так: это такие слова в синонимическом ряду, а) которые имеют наименьшую частотность и б) при которых появление в том же контексте других слов, отвечающих условию а, наиболее вероятно. Соответствующим образом определяются и другие стилистические группы.

[26] Ср. *говорун*, *забияка*, *ладно*, *до завтра* и пр.

[27] См.: Г. О. Винокур. О задачах истории языка, стр. 19 и сл.; он же. Культура языка. М., 1929, стр. 33.

[28] В. В. Виноградов. О задачах истории русского литературного языка. «Известия АН СССР. ОЛЯ», 1946, т. V, вып. 3, стр. 225.

[29] См.: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1955, стр. 178.

речи ту же окраску, что использование книжных и вообще слабо окрашенных слов «высокого» стиля. Произношение же [ш ъ э'-д' и^{э} с' а́ т] стилистически нейтрально. Произносительные указания на стилистическую окраску данного текста заложены в самой системе языка, так же как системными являются лексико-стилистические и грамматико-стилистические противопоставления.

21. Произносительные указания на стилевую окраску текста могут быть двоякого рода: или в разных стилях оказывается различным позиционное варьирование фонем, или определенные стили требуют фонемных чередований. Последний случай характеризует всегда высокий стиль.

Так, в русском литературном языке начала XIX в. всякое [о́] после мягкого согласного перед твердым потенциально чередовалось с [э́] в том же слове, использованном как компонент высокого стиля. Если в каком-либо слове эта возможность никогда не осуществлялась — и тем самым переставала быть возможностью, — то лишь потому, что само это слово не использовалось в высоком стиле. Возникали совершенно регулярные, механически неизбежные чередования при перемещении слова из одного стилистического окружения в другое: [р'оф] — [р'эф], [н'ос]—[н'эс], *много* [с'л'ос] — *обитель* [с'л'эс] и т. д., и так в любом слове, для всякого [о́] в нейтральном стиле (после мягкого согласного перед твердым). Началом отсчета был именно нейтральный стиль: не [э́] высокого стиля менялось на [о́] (так как в словах, допустимых в текстах высокой окраски, например, *дело*, *век*, *грех*, *честный*, *смертный* и т. д., не появлялось [о], когда они попадали в окружение слов нейтрального стиля) [30], а [о́] нейтральное регулярно менялось на [э] в высоком стиле. Такая замена имела всеобщий характер, т. е. характеризовала все слова, которые в текстах высокого звучания выполняли функцию указателей этого высокого звучания. Появление отдельных слов с [о́] в указанной позиции было возможно в некоторых текстах высокой стилистической окраски (по всей вероятности — не предельно высокой; в послании или оде, но не в переложении псалма); такое соседство слов с разной стилистической окраской было воз-

[30] В отдельных случаях был возможен и такой «обратный ход» аналогии: произношение [с'эк] осознавалось как указание на высокий стиль (имела значение связь со словом высокого стиля *пресек*), тогда в нейтральном возникало [с'ок] (до сих пор не одобренное литературной нормой). Но это — факт уже не синхронных стилистических чередований, а истории языка.

До появления и распространения произношения [с'ок] произношение [с'эк] было единственным и поэтому нейтрально-стилевым; после появления [с'ок] оно получило (у некоторых лиц) права основной, стилистически нулевой формы произношения—и на ее фоне уже воспринималось [с'эк]. Таким образом, например, в тексте: «Где полукруг полярного сияния | Копьем алмазным небо *пересек*; | Где вековое грозное молчанье | Нарушить мог один лишь человек, — | Туда, туда!» (Н. А. Заболоцкий) — форма *пере*[с'эк] может осознаваться как стилистическое видоизменение более привычного (для данного лица) произношения.

можно именно потому, что жанры высокой окраски способны включать — и даже неизбежно включают — элементы нейтрального стиля (см. п. 9).

Таким образом, стилистические противопоставления и в области произношения являются строго системными в одном измерении — парадигматическом: [н'о с]—[н'э с], [р'о ф]—[р'э ф] (ср. в лексике системную сеть: *очи—глаза*, *уста—губы* и т. д.). Однако в другом ряду, синтагматическом, эта система не во всех случаях замкнута и не представляет однородно-системных отношений [31]. Это отмечено и в области лексической стилистики: незамкнутость определяется именно тем, что высокий стиль несамодостаточен; в нем нет особых единиц для выражения всех тех участков структуры, которые даны в нейтральном стиле. Таким образом, наряду с элементами высокого стиля в тексте неизбежно должны встретиться и слова иного стилистического плана — нейтрального. Это в области произносительной стилистики обусловливает сочетание разных фонетических подсистем в пределах одного текста.

22. Мена фонем, создающая высокую стилистическую окраску текста, не всегда может расцениваться как явление чисто произносительное, не ведущее к лексическим разграничениям.

Действительно, в произносительных формах [р'оф]—[р'эф]. [н'ос]—[н'эс] и пр. мена фонем не образует особых лексических единиц: [р'оф]—[р'эф] — одно и то же слово. Но формы *тожество — тождество* (ср. также: *тожественный — тождественный*, *мечет — мещет*, *берег—брег* и т. д.) не являются одним и тем же словом в двух стилистических произносительных вариантах.

Только в тех случаях мена фонем образует стилистические формы того же слова (не приводит к лексическому распадению этих форм), когда она производится «механически», т. е. возможна в любой лексеме, становящейся компонентом высокого стиля. Чередование [о] ‖ [э] (в указанных условиях) имело в XVIII в. именно такой характер. Напротив, чередование [ж] ‖ [жд] или [ч] ‖ [щ] не было в XVIII в. целиком механическим, повсеместно (во всех лексемах) допустимым.

23. В результате такой мены фонем в высоком стиле могут совпадать две фонематические единицы:

t'ot	‖	t'et
t'et		
(нейтральн.)		(высок.).

(Здесь t, t' — знак любого согласного). Это — фонетическая аналогия к тем случаям, когда в высокой лексике существует

[31] О замкнутости и разомкнутости стилистических систем см.: В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики. «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 68—70.

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

меньшее количество единиц для данного семантического типа, чем в нейтральной. Но есть и существенное отличие. В лексике остается соотнесенность единицы высокого стиля с одной единицей нейтрального, например, *чело* соотносительно со словом *лоб*; и хотя в высоком стиле отсутствует вся совокупность лексических единиц, которые разделяют между собой данное семантическое поле в нейтральном стиле и значение слов высокого стиля поэтому весьма вариативно, все же основное значение слова *чело* соотносительно только со значением слова *лоб*. Иначе говоря, нет нейтрализации двух единиц, нет их замены одной. Иное дело в фонетике: здесь мена фонем в высоком стиле произношения приводит к нейтрализации (в определенной позиции) двух фонем основного, нейтрального стиля (примеры см. выше). Таким образом, эти стилистические заменители, встречающиеся в высоком стиле вместо нейтральных единиц, удобно называть стилистическими вариантами [32].

Таким образом, все ячейки сети нейтрального стиля оказываются распределенными между участками сети высокого стиля. Это напоминает стилистические отношения в грамматическом ряду (см. п. 9).

24. Редко встречается иной случай: одна фонема в нейтральном стиле соответствует двум в высоком. Таково было положение с фонемами ‹э — ѣ› в середине XVIII в. В высоком стиле существовала фонема ‹ѣ›, отличная от ‹э›; в нейтральном же и разговорном стиле и той и другой соответствовало ‹э› [33].

Поэтому в письмах, дневниках и т. д. — т. е. в письменных жанрах, отражающих непритязательные, разговорные жанры речи, — в эту эпоху уже обычно смешение букв *е* — *ѣ* [34].

Таким образом, на одно «место» разговорного приходилось два «места» высокого стиля.

---

[32] Стилистика изучает языковые явления «с точки зрения функциональной дифференциации, соотношения и взаимодействия близких, соотносительных, параллельных или синонимических средств выражения. . .» (В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики, стр. 66). В расширительном смысле можно говорить о синонимии фонематических единиц (см.: Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, стр. 43). Таким образом, фонетическую стилистику можно характеризовать как дисциплину, изучающую фонетические синонимы определенного типа. Те фонетические синонимы, которые одновременно выступают как омонимы (т. е. совпадают с иной фонемной парадигмой), можно назвать стилистическими вариантами в фонетике.

[33] О существовании ѣ (=[îè]) в высоком стиле литературной речи в середине XVIII в. см.: В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики северно-русского наречия. «Известия ОРЯС», т. 24 (1919), вып. 2, 1922, стр. 267—270.

[34] О стилистическом разграничении ‹ѣ—э› ‖ ‹э› см.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 102—103.

25. До сих пор речь шла о том, что одно и то же слово, попадая в разные стилистические контексты, произносится по-разному. Это относится к словам нейтрального лексического стиля, поскольку именно они могут встречаться в контекстах разной стилевой окраски; это (в меньшей степени) относится и к словам, стилистически слабо окрашенным.

Но существуют группы слов, имеющих резко подчеркнутую стилистическую окраску, например окраску высокого стиля. Такие слова встречаются в контекстах только одного стилистического типа; в других же речевых окружениях они могут употребляться лишь иронически. Такие слова могут иметь стилистически невариантный фонетический облик — и все-таки восприниматься как носители стилистического указания в самом своем звучании. И это снова связано с фонемным составом слова.

Например, в XVIII в., в начале XIX в. полные страдательные причастия прошедшего времени в суффиксе под ударением имели всегда [э], а не [о]: *обнов*[л'э́]*нный*, *изможд*[д'э́]*нный*, *соверш*[шэ́]*нный*, *заклю*[ч'э́]*нный* и т. д.

Соотношения с произносительными формами *соверш*[о]*нный*, *заключ*[о]*нный* и т. д. не было, поскольку не было и самих этих форм [35]. Однако существовало соотношение с краткими формами: *совершён*, *заключён* и т. д., где [о] в суффиксе было нормой [36]. Грамматическая и стилистическая соотносительность данных форм, строгая регулярность мены звукосочетаний [эн] на [он] в этих формах [37] обусловили восприятие таких чередующихся звукосочетаний как одного и того же суффикса, т. е. чередование [эн] ‖ [он] воспринималось как стилистически оправданная мена фонем в составе одного и того же морфологического элемента слова. Следовательно, такая стилистическая мена фонем, будучи строго регулярной, обнаруживает известное функциональное сходство с чисто фонетической, позиционной меной звуков: она не вызывает образования новых строевых (в данном случае — морфологических и лексических) единиц в языке [38].

---

[35] Можно предположить, что в бытовой речи эти формы существовали, а в язык художественной литературы они не проникали, так как этот язык неполно — в данную эпоху — отражал различные стили языка и жанры речи. Однако некоторые факты противоречат данному предположению. Несомненно, существовала эпоха в развитии русского литературного языка, включающая начало XIX в., когда причастия были очень редкими гостями в разговорных жанрах, были инкрустациями в них; ср. известное замечание А. С. Пушкина о различии между разговорной и «писанной» формой речи.

[36] См.: С. И. Ожегов. Материалы для истории русского литературного произношения XVIII—начала XIX в. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. I. М.—Л., 1949, стр. 63.

[37] Всякое краткое причастие с [он] в суффиксе должно было в полной форме в суффиксе иметь [эн].

[38] При анализе системы позиций необходимо учитывать грамматическое строение слова (можно даже в грамматической характеристике видеть до-

26. Возможен и другой случай: слова, встречающиеся только в высоких речевых контекстах, имеют в своем составе фонемы, которые не присущи словам иных стилей или мало характерны для них. Например фонема ‹λ› встречалась в языке — XIX вв. в словах, употребительных в жанрах высокого стиля: *благо, благоденствие, благодать, благородство, бога* (*богу, богом...*)

С другой стороны, эта же фонема ‹λ› встречалась в некоторых междометиях, с ясной стилистической окраской разговорности, непринужденности, непритязательности: *эге, ага, ого, ей богу, господи* и пр.[39]

Таким образом, ‹λ› выступало в двух стилистических обликах: ‹λ*› было компонентом высокого стиля; а ‹λ**› (фонетически, конечно, ничем не отличное от первого) — компонентом разговорного. Следовательно, ‹λ› приобретало облик стилистически не нейтральной фонемы, сигнализировало о стилистической окрашенности текста.

27. Кроме мены фонем, стилистическими показателями могут быть особенности в фонетически обусловленных позиционных чередованиях вариаций и вариантов фонем. Так, например, в первом предударном слоге (после мягких согласных) различение фонем ‹а, о, э›, совпадающих в звуке [э^{и}], и фонемы ‹и›, реализованной звуком [и] или [и^{э}], характеризует в современном русском литературном языке высокий стиль.

Наиболее существенные случаи, когда позиционные чередования выступают в роли стилистических показателей, для современного литературного языка нетрудно перечислить.

а) Указанное выше «эканье». Р. И. Аванесов, дав фонетическую транскрипцию стихотворения С. Я. Маршака «Словарь» («Усердней с каждым днем гляжу в словарь...»), замечает: «В связи с торжественно-философским характером стихотворения икающее произношение было бы неуместно»[40].

б) Ассимилятивное смягчение согласных может быть ослаблено в словах высокого (или «книжного»)[41] стиля. «В словах обиходно-бытового характера смягчение производится полнее, чем в словах

полнительное определение фонетической позиции). Идя далее по этому пути, мы могли бы сказать, что характеристика фонетической позиции должна быть дополнена и стилистическим определением. Тогда мена [о] ‖ [э] может быть названа фонетически «позиционной»; но это, конечно, уже качественное изменение объема термина.

[39] Из слов разговорного стиля ‹λ› встречалось, пожалуй, только в словах *богатый* и *господин*, но эти слова были склонны (более чем другие) менять ‹λ› на ‹г›. Ср.: Д. Н. Ушаков. Звук «г» фрикативный в русском литературном языке в настоящее время. «Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского...» Л., 1928, стр. 239.

[40] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1954, стр. 168, ср. стр. 152.

[41] Книжный стиль считаем особой разновидностью высокого, см. п. 16.

книжных, в особенности иноязычного происхождения, где оно может вовсе отсутствовать» [42].

Например, отсутствует смягчение в словах *во*[зв']*еличить*, *благоде*[нств']*ие*, хотя в других стилях зубной перед мягким губным позиционно смягчается [43].

в) Слова, которые воспринимаются говорящими как заимствованные, в высоком стиле могут произноситься без редукции [о]: *с*[о]*нет*, *ф*[о]*нетический*, *н*[о]*ктюрн*; в нейтральном стиле этому соответствует *с*[ʌ]*нет*, *ф*[ъ]*нетический*, *н*[ʌ]*ктюрн*.

г) В словах этой же группы в высоком стиле могут не смягчаться согласные перед [э]; в нейтральном стиле найдем в этих же случаях смягчение: *со*[нэ]*т* — *со*[н'э]*т*; *фо*[нэ]*тика* — *фо*[н'э]*тика* и т. д. Если признать, как это обычно делается, смягчение перед [э] живым фонетическим процессом в современном русском литературном языке, то в данном случае налицо не мена фонем, а снятие определенной позиционной мены (аккомодации) согласных перед [э].

д) В обычной, обиходной речи сейчас произносится: *старые*, *милые*, *первые* и т. д. с [ыи^э] в исходе; в тщательном, строгом произношении полная ассимиляция йота устраняется; в исходе звучит [ыи̯^{э}] или [ыи̯ь].

В обычной речи произносится: *тоскует*, *знает*, *умеет* с [и^{э}т] в исходе (например, [ум'эи^{э}т]); и лишь в очень четком, чеканном произношении может появиться иной вариант: [и̯ьт], без полной ассимиляции йота.

28. Таковы основные позиционные мены, которые служат показателями высокого произносительного стиля. Их немного.

Существует, кроме того, несколько особых фонем, характеризующих высокий произносительный стиль современного русского литературного языка; употребляются они «в совершенно единичных случаях», например, *кабрио*[l]*ет*, [l]*ендлорд* [44] с [l], и некоторые другие случаи. Используется в некоторых лексемах «стилистически ограниченная факультативная фонема [ɣ] (ср. бо[ɣ]а, бо[ɣ]у и пр.» [45]

29. Признаком высокого произносительного стиля, может быть, следует считать произношение *тих*[ъи̯], *строг*[ъи̯], *ломк*[ъи̯] [46]. Действительно, случается слышать от одного и того же человека в одних условиях общения, в одних речевых жанрах например, *лóм*[къи̯], а в других — *лóм*[к'ьи̯]. Первое характеризует сейчас именно высокий стиль, поскольку оно ассоциируется со сцени-

---

[42] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, стр. 89.

[43] Вопрос о том, является ли данное смягчение в настоящее время вполне живым позиционным процессом, оставляем в стороне.

[44] Там же, стр. 130.

[45] Там же, стр. 136.

[46] Там же, стр. 114—115: теперь такое произношение «является нормой в строгом стиле произношения — в сценической речи».

ческой речью, освящено традицией; наконец — потому, что оно стало редкостью. (Следовательно, соотношение этих форм в настоящее время прямо противоположно их соотношению в XVIII—начале XIX в.).

Однако это стилистическое разграничение еще не упрочилось, не укрепилось в языке; оно принадлежит пока только индивидуальным формам современной литературной речи [47].

30. Стилистическая характеристика той или иной произносительной особенности может основываться на связях парадигматических; одна и та же лексическая единица произносится по-разному в разных стилях; парадигматически соотнесены сами типы произношения. Но стилистическая квалификация поддерживается и синтагматическими связями. Они используются даже шире, чем в лексической стилистике (см. п. 17). В области лексики синтагматические связи являются определяющими обычно для слабоокрашенных стилистических подгрупп (см. там же); в произношении же даже самая высокая окраска может создаваться без парадигматических связей (ср., например, п. 27б).

Например, лексема *благоденствие* произносится не с [н'], а только с [н] (ср. *женственно*, где [н'] как правило смягчено); нет соотношения двух типов произношения этого слова. Но сочетание [нств'] встречается чаще всего в тех случаях, когда есть налицо другие приметы высокого произносительного стиля, поскольку лексема *благоденствие* обычно включается в тексты, имеющие и другие торжественные слова и обороты; а эти слова и произносятся торжественно.

31. Наконец, для характеристики высокого стиля может быть использован и тембр голоса. Ср. у С. Волконского: «Большой открытый, круглый звук — торжественный, величественный. Трудно описать механизм этого голоса. Все широко, полно, глубоко. Думайте о больших явлениях природы — гроза, северное сияние, океан. . . Этот „круглый" голос получает различную окраску в зависимости от трех способов дыхания. . . Так, есть „нормально-круглый": пафос, торжественность, благоговение говорят в этом голосе» и т. д.[48]

32. Особенности разговорного стиля во многом однотипны с особенностями высокого, но в некоторых отношениях и отличны от него.

В современном русском литературном языке примет разговорного стиля очень много, значительно больше, чем примет высокого.

Вот некоторые из них:

редукция до нуля заударного гласного рядом с сонорным: *прó*[въл]*ка*, *скó*[връ]*ду*, *нé*[ктъ]*рые*; появление слоговых сонорных: *Ивá*[н̩]*на*, *в са*[м̩]*м деле* и пр.;

стяжение гласных в предударной части слова: *в*[ʌ]*бще*, *в*[ʌ]*бразить*, *с*[ъ]*рудил* и пр.

---

[47] Совершенно не имеют стилистического разграничения произносительные формы *покри*[къ]*вать* — *покри*[к'ь]*вать*, *взма*[хъ]*вать* — *взма*[х'ь]*вать*, *оттал*[къ]*вать* — *оттал*[к'ь]*вать* и т. д.

[48] С. Волконский. Выразительное слово. СПб., 1913, стр. 86—87.

редукция согласных в сочетаниях с другими согласными: *неве*[ск]*а*, *студе*[нк]*а*;

редукция согласных рядом с гласными (в некоторых наиболее частотных словах): [кла́], [тла́], [н'э́къдь], [то́къ], [шъи^{э}с'а́т] (= шестьдесят);

усиление (по сравнению с нейтральным стилем) ассимилятивного процесса смягчения согласных: *о*[д'б']*ил*, *по*[т'п']*ишет*, *о*[т'м']*етил* и пр.;

аккомодационное оглушение заударных гласных рядом с глухими согласными: *мо́н*[ъ̯]*т*, *хо́х*[ъ̯]*т* и пр.;

сильная качественная редукция заударных [ы], [у]: *че*[л'ъ]*сть*, *выб*[ъ]*л*;

усиление аккомодации гласных между мягкими согласными: *свид*[и^{э}]*тель* и пр.;

редукция конечных согласных в некоторых сочетаниях: *несколько семей*]ст] или *ходатай*[ст] и мн. др.

Этот перечень можно было бы увеличить в несколько раз [49].

33. Обычно появление этих оттенков связывают с ускорением темпа артикуляции звуков. Но, во-первых, сам этот темп определяется обычно не случайными особенностями общения (предотъездной спешкой; подозрением, что собеседник хочет скрыться, недослушав рассказ до конца, и т. д.), а именно стилистической установкой сообщения. Убыстренно мы сообщаем обычно то, что ориентировано на разговорный стиль. Напротив, чрезмерное убыстрение темпа в сообщениях высокого или нейтрального стилистического тона невозможно. Например, сообщение по радио о каком-нибудь стихийном бедствии (о стремительно надвигающемся лесном пожаре) вряд ли может быть дано скороговоркой.

Во-вторых, связь между темпом и описанными признаками произношения вовсе не столь обязательна. Человек спешащий отдает официальные распоряжения группе подчиненных, может быть, и ускоренным темпом, но, вполне вероятно, без фонетических элементов разговорного стиля [50].

---

[49] Все указанные здесь факты уже отмечены в многочисленных фонетических исследованиях. См. работы: А. М. Пешковский. 10.000 звуков (В книге: А. М. Пешковский. Сборник статей. М., 1925, стр. 170—179); Г. О. Винокур. Русское сценическое произношение. М., 1948, стр. 25, 27, 67; Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1954, стр. 15—20, 41, 42, 43, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 57, 73, 76, 79, 81, 82, 83, 84, 91, 95, 96, 97, 98, 100, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 113, 114, 116, 119, 120, 121, 122, 125, 126, 129, 130, 136, 137, 139, 145, 146, 148, 152, 161, 163, 164, 168, 170, 174, 175, 176, 177. Книга Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» впервые дает детальное описание русской произносительной стилистики. Правда, в некоторых случаях стилистические указания этой книги недостаточно определенны; но это — следствие неразработанности, неизученности произносительной стилистики русского языка.

[50] Ср. замечание Л. В. Щербы: даже «определение по метроному темпа речи, если бы такое и было возможно, ни к чему не привело бы, так как дело

34. Каждый из перечисленных выше сигналов разговорного стиля сам по себе маловесом, стилистически слабо окрашен, но встречаются эти сигналы обычно целой серией, пронизывают произносимый текст насквозь — и вместе могут создать весьма яркую стилистическую характеристику его.

Эта масса признаков «домашнего» (как удачно сказал В. И. Чернышев) [51] произношения очень слабо членится на подгруппы; они образуют общую, слабо дифференцированную массу. Можно сказать, например, что произношение [тóкʌ] (=только), встречающееся в литературной речи гораздо чаще, чем это обычно предполагается, более резко «снижает» стиль, по сравнению, например, с произношением [тóл'кʌ] — вместо обычного в нейтральном стиле [тóл'къ] [52]. Однако установление этих градаций обычно бывает зыбким и ненадежным.

Таким образом, произносительный разговорный стиль обладает некоторыми особенностями, очень напоминающими особенности лексического разговорного стиля (см. п. 14).

35. Высокий произносительный стиль не только достаточно четко членится на «подстили», но и резко отделен от нейтрального стиля. Это определяется прежде всего тем, что высокий стиль как правило строится или на чередовании фонем (а чередование фонем осознается говорящими), или на замене одного варианта фонемы другим, того же или меньшего диапазона. Например, [и^{э}] нейтрального стиля (соответствующее фонемам ‹а›, ‹о›, ‹э›, ‹и›) заменяется в высоком звуком [э^{и}] — но лишь тогда, когда отвечает фонемам ‹а›, ‹о›, ‹э›. Таким образом, диапазон варианта [э^{и}] меньше, чем диапазон [и^{э}]. Следовательно, переходя от нейтрального к высокому, говорящие должны в той или иной степени вводить более частные противопоставления своей речи, а это, разумеется, требует особых речевых навыков. Поэтому произношение высокого стиля и отделяется достаточно резко от нейтрального.

очевидно не только в темпе речи» (Л. В. Щ е р б а. О разных стилях произношения. «Избранные труды по русскому языку». М., 1957, стр. 22). С. И. Бернштейн в кн. «Вопросы изучения произношения» (М., 1937, стр. 29) пишет о фонетических нормах, существующих «в более медленном темпе, в рассудочном стиле речи»; таким образом, темп ставится в связь со стилистической характеристикой речи. Ср. важные замечания о связи стилей произношения и темпа речи в кн. Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» (М., 1954, стр. 17).

[51] В. И. Ч е р н ы ш е в. Заметки о делении слов в русском произношении. «Известия ОРЯС», 1911, кн. 2, стр. 65.

[52] Сейчас для нейтрального стиля (тем более для высокого) характерна реализация фонем ‹о›—‹а› в последнем открытом заударном слоге звуком [ъ]: *над*[ъ], *сильн*[ъ] (наречие и прилагательное среднего-женского рода), *был*[ъ], (средний-женский род) и т. д. Во всяком случае, реализация ‹о› звуком [ʌ] в этих стилях избегается. Но такая реализация вполне допустима в разговорном стиле.

Напротив, граница между нейтральным и разговорным стилем очень текуча и нечетка. Особенности высокого стиля в той или иной мере осознаются говорящими, но особенности разговорного остаются неосознанными [53]. В системе языка, очевидно, закреплены не те или иные конкретные особенности разговорного стиля, а лишь его общая тенденция и ее пределы [54]. Одно и то же слово в разговорном стиле может приобретать различный облик:

[здра́ствуит'и^{э}]
[здра́сст'ь]
[здра́ст']
[^{э}драс$^{т'}$]
[зъ'с̄] ...

и т. д. (в нейтральном стиле: [здра́ствуит'ь]). Общей для всех этих случаев является тенденция: в этом стиле значительно уменьшается противопоставленность фонем. Все ранее описанные особенности разговорного стиля подтверждают этот вывод. В языке системно закреплен также и тот предел, до которого может доходить это сглаживание фонемных противопоставлений; за этой гранью начинается нелитературное просторечие [55].

36. Высокая произносительная окраска текста может быть создана введением в него слов с особым «торжественным» фонетическим обликом. Произносительные нормы высокого стиля обращены именно к словам; эти нормы могут не охватывать весь поток речи; отдельные лексические инкрустации (*ухищ*[р'э̄ы̄]*ый*, [р'эф]

---

[53] По словам А. И. Соболевского, «в обычной жизни адвокат иначе говорит, когда защищает на суде преступника; иначе, когда заказывает обед, и еще иначе, когда он рассказывает в приятельской компании веселый анекдот. Приспособление является у него само собой помимо его воли. Но оно может быть и по нашему усмотрению» (А. И. Соболевский. О стиле. Харьков, 1909, стр. 12). Приспособление явится, очевидно, само собой, когда адвокат заказывает обед или болтает в приятельской компании. Но во время речи на суде оно, возможно, явится и по сознательному усмотрению.

[54] К системе языка могут относиться, как было установлено А. И. Смирницким, и материальные строевые единицы (слова, морфемы, фонемы), и относительно-материальные (например, типовая схема предложения; ее конкретное «наполнение» словами уже относится к области речи). Очевидно, что к языковой системе могут относиться строго закрепленные чередования (морфологические: *ходить—хожу*; грамматические: *земля—земли*; стилистические: [р'оф] — [р'эф]. . . К языковой системе могут относиться, далее, не чередования, а их типовые схемы; [а] в *пять* (например при пении) чередуется в обычной речи со звуком более аккомодированным; он может иметь десятки обличий: [ӓ]—[ä]—[е^{а}]. . .

[55] Например, проф. В. А. Филиппов к двум произносительным формам: *здраствуйте* и *здрасьте*, указанным Г. О. Винокуром, добавляет еще: *здравствуйте*, *здравстуйте*, *вдрясьте*. . . (см. предисловие в кн.: Г. О. Винокур. Русское сценическое произношение. М., 1948, стр. 6). Все эти формы, если они возможны в речи, находятся за пределами литературного языка. Ср. также у И. Л. Сельвинского: «Он г'ваил: „Асьте. . .“ Но Картышев hоворил: „Здыравствуйте“.

и пр.), имеющие особый фонетический облик, подымают весь текст в особый стилистический план.

Особенности разговорного произносительного стиля обращены не столько к отдельным словам, сколько ко всему тексту вообще; имеет значение общая тенденция, проявляющаяся во всех произносительных особенностях данного текста. Почти каждая из этих особенностей может быть и достоянием нейтрального стиля, но все они вместе выделяют стиль разговорный. (Разговорный стиль, следовательно, от нейтрального отличается именно широтой допусков и частотой использования этой широты).

37. Слова нейтрального лексического стиля могут иметь 3 произносительных облика (в нейтральном, высоком и разговорном стиле; пример см. в п. 19). Для того, чтобы иметь такую троичность, эти слова должны обладать определенным фонемным строем: а) они должны в своем составе иметь такие фонемы и сочетания фонем (притом в определенных позициях), которые имеют своих заместителей (в этих же позициях) в высоком стиле; б) они должны обладать такими звуковыми сочетаниями, на материале которых могут осуществляться тенденции разговорного стиля. Совпадение обоих этих условий — очень редкостно; поэтому так трудно привести бесспорные примеры троякого варьирования слов — по трем стилям.

Слова же высокого стиля могут иметь только два фонетических облика: в высоком и нейтральном стиле. Слова разговорные представлены в нейтральном произношении и в нерасчлененной серии разговорных произношений; таким образом, и здесь налицо два стилистических произносительных типа.

38. В некоторых (единичных) случаях слово в современном русском литературном языке имеет только стилистически окрашенное произношение, обусловленное его закрепленностью за высоким или за низким стилем. Например, слово [тыш'о́нкъ] всегда имеет такое произношение; поскольку жива связь с [ты́с'ьчь] (нейтральный стиль) — [ты́ш'ъ] (разговорный), постольку данное произношение — с редукцией заударного гласного до нуля и ассимиляцией (‹с'ч› → [ш']) — осознается как разговорное[56].

Иногда слово в разных стилях приобретает различные оттенки значения (см. п. 4). При этом оно может по-разному произноситься в том и другом стиле. Например, слово *недоразумение* произносится двояко: *не*[дъръ]*зумение* и *не*[дръ]*зуменье*. Последнее произношение свойственно разговорному стилю, первое — нейтральному. С разными произношениями бывает связано и разное осмысление слова. *Не*[дъръ]*зумение* может означать «недопонимание»: «Здесь явное не[дъръ]зумение самых простых фактов». Во втором случае,

---

[56] В этом случае стилистически соотносятся не слова, а морфемы: [тыс'ьч]. . . — [ты́ш']. . . (ср. также пример с суффиксами [эй]—[он], см. п. 25).

когда произносится *не*[дръ]*зумение*, слово имеет иной смысл — «ошибка, неприятное происшествие»: «Здесь какое-то не[дръ]зуменье: я не знаю никакого Варфоломеева». В этом втором случае и заударная часть скорее прозвучит: [н'иъ] или даже [н'ьь], а не [н'иıъ], как она могла бы прозвучать в первом случае.

Другой пример: глагол «выцарапать» тоже может быть произнесен двояко: «На бересте надо костяным острием выцарапать буквы»; «Она готова всем глаза выцарапать». В первом случае несомненно *вы*[цръ]*пать*; во втором случае (разговорно-просторечный стиль) почти так же несомненно — *вы*[цър]*пать*; значение там и здесь не совсем одинаково.

39. Большинство исследователей, говоря о стилистике произношения, выделяет два соотносительных стиля. Л. В. Щерба, впервые поставив проблему произносительных стилистических различий в русском языке, писал о полном и разговорном стилях произношения [57].

Г. О. Винокур упоминал о необходимости «считаться по крайней мере с двумя вариантами образцового произношения: более строгим и менее строгим. Примером может служить хотя бы параллель *здравствуйте—здрасьте*» [58].

Р. И. Аванесов называет три стиля литературного произношения: книжный (или академический, или строгий), разговорный (стилистически нейтральный) и просторечный. Это очень важное и безусловно верное теоретическое положение. И все же дальше автор считает нужным заметить: «Представляется целесообразным различать две разновидности ... стиля произношения»: строгий и свободный стиль [59]. Чем объясняется эта постоянная замена троичности произносительных стилей их расчленением надвое?

Причин несколько. Важнейшая — та, что в языке правилом является колебание произношения каждого слова в пределах двух стилей: нейтрального — высокого или нейтрального — разговорного. Многие слова нейтрального стиля имеют только один тип произношения (*дом*, *ты*, *хлеб*, *глаза*, *один*, *ходить*, *читать* и пр.). Иногда и слова окрашенных стилей имеют одно произношение [60]. Лишь изредка одно и то же слово имеет произносительные варианты во всех трех стилях. Поэтому-то «тройные» соотношения в системе произносительных стилей могут ускользать от внимания. При необходимости наиболее просто, сжато, без детализации вопроса описать произносительные стилистические варианты в русском языке, является вполне понятным стремление свести все к противопоставлению: более четко — менее четко, или тщательно—небрежно, или приподнято—обыденно [61].

---

[57] Л. В. Щ е р б а. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов. «Избранные работы по русскому языку». М., 1957, стр. 21—25; ср.: Он ж е. Фонетика французского языка. М., 1953, стр. 21—22.

[58] Г. О. В и н о к у р. Русское сценическое произношение. М., 1948, стр. 27.

[59] Р. И. А в а н е с о в. Русское литературное произношение. М., 1954, стр. 19.

[60] А для XVIII в. это было даже законом (см. п. 41).

[61] Есть и другая причина. Отношения строгого (высокого) произносительного стиля к нейтральному имеют много качественных отличий (часть из которых описана выше) от тех отношений, которые связывают нейтральный и вольный стили. В поле зрения может попасть либо только один, либо только другой тип соотношений.

40. Ниже дан один и тот же текст в фонетической записи: **А** — нейтральный стиль; **Б** — разговорный стиль с максимальными отклонениями от нейтрального; все варианты произношения от нейтрального до предельно-разговорного также принадлежат разговорному стилю.

А. [уста́лъ̯ӣ лт̄н'и^{э}удӑч' || jàс'э́л вдэ'л'ьбл'шо́въ сто̄гъ | э̄лв'э́тр'ьнъ̯ӣ стърлны́ ||| икактӧ́л'къ jаастáлсъ б'и^{э}з'д'э̄лъ | ис'э̄л тъксрáзужъ | нъпусто́м | из'б'и́тъм вы́гън'ь | ув'и́д'ьл глло́фку кл'э̆́в'ьръ || ин'и^{э}дъл'и^{э}ко́ лт̄н'и^{э}jӧ | другáӣ̯ъ гл'и^{э}д'э́лъ нъм'и^{э}н'а́ | ата́м тр'э̆́т'ӣ̯ъ ||| дъва́стут мно̄гъ ||| склза̄лjайм фслух ||| имн'э́ ста́л'т̄а́к ||| буты̄н'и^{э}jӑих нъхлд'и́л || аан'и́фс'э фхлд'и́л'ь в'м'и^{э}н'а́ || ра́дуӣ̯ъс | штъjа́ ласта́лсъ б'и^{э}з'д'э̄лъ ||| илблка́ то̄жъ^{э} | т'и^{э}жо̄лыи^{э} т'э̆сныи^{э} || итрлп'и́нкъ пъхлму́ нлн'э̆б'ь || ита́м нъв'и^{э}рху́ | ма́л'ч'ьк скн'и́шкъ̯ӣ фшко̄лу ид'о́т || ииз'д'и^{э}р'э́вн'ь гд'эшко̄лъ | тамjэ̄л строгъ̯ъ | плч'т'и́ ч'о̄рнъ̯ъ | выгл'а́дывълъ изълатых лпла́д̄ӣ̯ъ ш̄'ьх л'и́п || има́л'ч'ьку шко́л'н'ьку выска́зывълъ ||| вотв'и́д'ьш | лн'ипа́дъ̯ут ||| уч'и́с ум'и^{э}н'ӑ́ || на́дъ уч'и́ц̄ъ | ин'и^{э}лплд'о̄ш].

Б. [уста́л^{ы}ъ̄ лт̄'н'ьудӑ́ч' | jæс'э́л | воз'л'^{ъ}бл'шов сто́гъ | э̄лв'э́тр'ьнъ^{ы} стърлны́ ||| и^{э}клктóкъ̯ӣæ ласта́лсъ̯ б'и^{э}з'д'э̄лъ и^{э}с'э̄л || тъксра́ӝжъ | нпусто́м из'б'и́тъм вы́г^{ъ}н'ь | ув'и́д'ьл глло́фку кл'э̆́в'^{ъ}рл ||| ин'ьдлл'о́кл лт̄'н'и^{э}jо́ друга́ӣ̯л гл'и^{э}д'э́лл нъм'и^{э}н'а́ || лта́м тр'э̆́т'^{ъ}л ||| д^{ъ}ва́стут мно̄гл | склза̄лjæи^{э}м фслух || и^{э}мн'э́ ста́лл та́к || буты̄н'ьjэ́и^{э}х нъхлд'и́л ълн'и́фс'э^{ы} | фхлд'и́л'ь в'м'и^{э}н'а́ || радъи^{э}с | штъjа́ ласта́лсъ̯ б'и^{э}з'д'э̄лл ||| и^{э}клблка́ то́ж^{ъ} | т'и^{э}жо́лыи^{э} т'э̆сныи^{э} | и^{э}трлп'и́нкъ̯ пъхлму́ | нлн'э̆б'ь | и^{э}та́м нв'и^{э}рху́ | ма́д'ч'ьк скн'и́шкъ̯^{ы} фшко́лу ид'о́т ||| и^{э}и^{э}з'д'и^{э}р'э́вн'ь гд'э^{ы}шко́лл | тамjэ̄л' строгъæ | плч'т'ьч'о́рнъ̯ил выгл'а́двълл изълатых лпла́д̄а^{ы}и^{э}ш'ьх л'ип | и^{э}ма́л'ч'ьку шко́л'н'ьку выска́звълл ||| вот·в'и́д'ьш | лн'и^{э}па́дъ̯ут || у̯ч'и́с у̯м'и^{э}н'а́ || на́дл у̯ч'ицъ̯ || и^{э}н'ьлплд'о́ш][62].

(М. М. Пришвин)

41. Далее даны две транскрипции одного и того же стихотворения; первая отражает нейтральный стиль, вторая — строгий.

I. [прлш̄'ӑит'и^{э} и́збы | м'о́рзлыи^{э} луга́ | ит'о́мнъ̯ӣ прут фс'и^{э}р'э́бр'ьнъ̯ӣ лпра́в'и^{э} || скӧл'ра́дъснъ ит̄'и́ ч'ьрьс̄'н'и^{э}га́ | нлфстрэ̄ч'у̯ с'м'э́рт'и^{э} | по́д'в'ьгу | ислáв'и^{э} ||| стрлна́ млгу́ч'л | инлро́т в'и^{э}л'и́к | ид̄л'ьнлро́дъ лу́ч'шъ̯ӣ н'э́т нлгра́ды || клгда́ б'и^{э}з'в'э́снъ̯ӣ къстрлмско́ӣ мужы́к | б'и^{э}с'м'э́рт'ьн | клкпр'и^{э}да́н'ьӣл эла́ды].

[62] В транскрипции **Б** отмечены только некоторые (обычно предельные) возможные варианты сниженного, разговорного стиля современного литературного языка. В транскрипции **А** также даны избранные варианты, но, конечно, уже не предельные, а наиболее распространенные. В транскрипции **Б** насыщенность произносимого текста разговорными показателями предельно высока; такое их скопление встречается в речи редко — но каждая из особенностей высокочастотна. Таким образом, транскрипция **Б** гиперболизирована двояко: учтены предельные отклонения от нейтрального стиля и дана предельная насыщенность текста этими разговорными отклонениями. В этой же транскрипции отражена (до некоторой степени) пестрота и непоследовательность разговорного произносительного стиля.

II. [прᴧш'а́ит'ь | и́збы | м'о́рзлыиъ луга́ | ит'о́мнъи прут фс'э^{и}-р'э́бр'э^{и}нъи ᴧпра́в'ь || скол'ра́дъстнъ ит'и́ ч'ьр'ьсс'н'э^{и}га́ | нᴧ-фстр'э́ч'у см'э́рт'ь | по́дв'ьгу | ислáв'ь ||| стрᴧна́ мᴧгу́ч'ъ | инᴧро́т в'э^{и}л'и́к | ид͡л'э^{и}нᴧро́дъ лу́ч'шъи н'эт нᴧгра́ды || кᴧгда́ б'э^{и}зв'э́стнъи къстрᴧмско́и мужы́к | б'и^{э}см'э́рт'э^{и}н | кᴧкпр'э^{и}да́н'иъ эᴧа́ды].

(С. Н. Марков).

42. Выше были описаны некоторые особенности стилей произношения в современном русском литературном языке. Эти стилистические отношения исторически изменчивы; в XVIII в. они были иными, чем сейчас. Например, степень замкнутости произносительного стиля различна для разных эпох. Для середины XVIII в. замкнутость высокого произносительного стиля была очень велика. Отсутствие качественной редукции гласных, наличие гласной фонемы ‹ѣ›, особое произношение многих грамматических форм, особая система ударений — все это были неотъемлемые признаки высокого стиля, отличающие его от стиля «низкого». Стили XVIII в. часто рассматривают как замкнутые диалекты, и это имеет известные основания. Нейтральный стиль в XVIII в. не приобрел того значения, какое он получил в языке XIX века; «высокий» стиль непосредственно соотносился с «низким»; предполагалось, что каждое слово высокого стиля противопоставлено определенному слову «низкого» [63]; если же в некоторых случаях такого двойного набора лексем не было, то это принимало характер стилистической омонимии. Это отражалось и на произносительных нормах: в высоком стиле тщательно устранялись особенности обыденного, бытового произношения; ни аканье, ни ‹э› вместо ‹ѣ› (которое произносилось как [i͡è]) совершенно не допускались в жанрах «высокого стиля» [64].

---

[63] В этом смысле для поэта XVIII в., решившего писать высокую оду, не было выбора. Он обязан был отвергнуть одно и взять другое. Отсюда категоричность рекомендаций:

Не *голос* чтется там, а сладостнейший *глас*;
Читают *око* все, хоть говорят все *глаз*;
Не *лоб* там, но *чело*; не *щеки*, но *ланиты*;
Не *губы* и не *рот*—*уста* там багряниты.

(В. К. Тредиаковский).

Но М. В. Ломоносов, выделив «средний штиль» (т. е. жанры с преобладанием неокрашенных слов), выделив сами эти неокрашенные слова («в обоих наречиях встречающиеся»), положил начало перестройке стилистической системы русского языка.

[64] Прекрасный образец фонетической транскрипции высокого стиля дает «Разговор об ортографии» В. К. Тредиаковского. Ассимиляция согласных строго указана; фонетически отмечено произношение ‹ѣ› (=[iè] и т. д., редукция же гласных «снята». Считают, что Тредиаковский не посмел посягнуть на орфографическую передачу гласных и изменил фонетике ради орфографии; таким образом, транскрипция Тредиаковского рассматривается как белорусский правопис наизнанку. Это мнение неверно: Тредиаковский стремился точно воспроизвести высокий стиль произношения, а в нем редук-

Точно так же для поэтических текстов XVIII в. (не только ломоносовских, но и державинских) чтение [ó] после мягких согласных перед твердым было невозможно.

Лишь с постепенным выдвижением на передний план нейтрального стиля — с перестройкой всей стилистической системы [65] — возникла возможность, например, читать в рифме [ид'ót], а в середине строки [ид'óт]. Эта традиция произношения стиха существует и в наше время [66].

Таким образом, замкнутость высокого произносительного стиля для разных эпох оказывается неодинаковой. От XVIII в. к нашему времени она постепенно уменьшается.

43. В языке XVIII в. лексические и фонетические сигналы языкового стиля должны были сопутствовать друг другу; лексические свидетельства подтверждались фонетическими. Поэтому слово, встречающееся только в одном из окрашенных стилей, могло иметь только ту фонетическую форму, которая соответствовала нормам этого стиля (см. п. 26).

В современном русском литературном языке нет такой принудительной связанности лексических и фонетических показателей. Текст, насыщенный торжественной лексикой, можно (а во многих случаях и необходимо) произнести в нейтральных фонетических нормах. Если же этот текст произносится в высоком стиле, то это уже дополнительная стилевая краска, усугубляющая лексическую торжественность. Таким образом, фонетические средства наслаиваются на лексические стилевые средства, варьируя стилевую отнесенность текста; ср. два типа чтения, указанные в п. 41. Вторая произносительная форма этого текста делает его стилистическую приподнятость, торжественность более напряженной [67].

ция гласных отсутствовала. Ср.: «. . . В трагедии [XVIII в.] правильным считалось произношение *γора* при бытовом произношении *гарá*» (Г. О. В и н о к у р. Русское сценическое произношение, стр. 25).

[65] Если ввести следующие обозначения: п — «содержит указание на»; п̄ — «не содержит указание на»; А — «торжественность речи»; Ā — «неторжественность речи»; то стилистическая система XVIII в. найдет выражение в формулах: пА←→пĀ. Система стилей XIX—XX вв. иная: пА←п̄А→пĀ (т. е. торжественный стиль←не торжественный стиль→ неторжественный стиль).

О преобразовании стилистической системы русского языка во второй половине XVIII—начале XIX в. на основе выдвижения среднего (нейтрального) стиля см.: В. В. В и н о г р а д о в. Вопросы образования русского национального литературного языка. «Вопросы языкознания», 1956, № 1, стр. 19, см. также: В. Д. Л е в и н. Наблюдения над стилистическими изменениями в лексике русского литературного языка в первой половине XIX века. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. IV. М., 1957, стр. 66—68.

[66] Именно эта традиция, к слову сказать, и позволяет литературоведам наслаждаться внутренней рифмой у Г. Р. Державина: *Глагол вре*[м'он], *металла звон. . .*

[67] Таким образом, если шкалу «подстилей», входящих в группу высокого стиля (риторический, торжественный, книжный. . .), представить как ряд

44. Сигналы высокого произносительного стиля могут обладать разной силой: они в разной степени противопоставлены нейтральному стилю.

При этом мена фонем дает тексту обычно более резкую, более интенсивную стилистическую окраску, чем способны дать позиционные чередования вариаций и вариантов фонем. Среди чередований вариаций и вариантов фонем тоже устанавливается шкала оттенков. Это напоминает более или менее четкое стилистическое расслоение лексики (см. п. 14); притом расслоение фонетических показателей в известной степени следует той же самой шкале, что и в «подстилях» высокой лексики.

Есть произносительные особенности, способные дать тексту окраску книжного стиля; стилевая «высота» при этом очень незначительна, она аналогична по характеру той, что дается введением книжных слов. Таким является отмеченное выше подчеркнуто четкое произношение йота в заударных позициях (*зна*[jь]*т*, *стары*[ии^{э}]).

Другие особенности гораздо более ярки в стилистическом отношении, например произношение предударного [э^{и}]; эта особенность соответствует примерно «торжественной» стилистической подгруппе в лексике (см. п. 16).

Диапазон стилистической окрашенности исторически постепенно возрастает; становятся возможными все более значительные контрасты с нейтральным стилем. Этот процесс удлинения стилистической шкалы протекает разными путями.

45. Число показателей, вносящих стилистическую окраску, может быть в данном тексте бóльшим или меньшим. Можно использовать все возможности сказать вместо *глаза* — *очи*, вместо *идет* — *грядет* и т. д.; но можно и сознательно не воспользоваться многими из них.

Благодаря этому текст получит в одном случае насыщенно-торжественную окраску, в другом же окажется сдержанно-торжественным. Исторически в русском языке развивается тенденция использовать все степени стилистической насыщенности и особенно такие, когда окрашенность текста создается немногими показателями [68].

величин: 10. . . 20 . . . 30. . . 40. . ., то фонетическая стилистика может варьировать эти величины, превращая 40 в 41, 42, 43, или 30 в 31, 32, 33. . .

[68] По сравнению с русским литературным языком XVIII в., современный язык строже нормирован, менее пестр. В противоречиво-неустоявшемся языке XVIII в. нужно было действие большой совокупности указателей, чтобы на фоне еще неуравновешенных, капризно-изменчивых, текуче-неопределенных речевых конструкций «низкого» стиля выделить особый ряд «высоких» речевых жанров. Отсутствие вполне сформировавшегося нейтрального стиля, как начала стилистических отсчетов, затрудняло выделение каждой стилистической группы. Это и вызывало необходимость в массовой сигнализации данного произносительного стиля. После укрепления строго нор-

Это ведет к тому, что частотность некоторых показателей высокого стиля уменьшается; они становятся подчеркнуто-редкостными; следовательно, более резкой становится их высокая стилевая окрашенность, сильнее они придают тексту торжественный тон. Таким образом, уменьшение показателей высокого стиля не приводит к сокращению шкалы стилистической выразительности. Напротив, эта шкала растет. Например, произношение причастий с суффиксальным [эн̄] — теперь очень резкая стилистическая краска; она иногда необходима, например, при чтении стихов: ср. такие рифменные сочетания, как *мгновенных — увлеченных*, *постепенно — умудренный* и т. д. Однако произношение причастий с суффиксальным [эн̄] необходимо только в рифме, а не в середине строки: этого будет достаточно и для сохранения структуры стиха, и для стилистических целей. Такое произношение, более или менее обычное для поэтической речи в XIX в., сейчас стало редкостным; сами эти формы приобрели более интенсивную стилистическую окраску. В современном исполнении достаточно немногих слов с такими подчеркнуто-торжественными произносительными приметами, чтобы создать то отстояние от нейтрального стиля, которое в XIX в. создавалось произношением всех причастий в торжественном стиле.

Но ведь и сейчас можно все причастия произнести с [эн̄] в суффиксе и тем самым поднять торжественность текста еще на одну ступень.

Следовательно, уменьшение средней насыщенности текста стилистическими показателями и вследствие этого уменьшение их частотности приводит к удлинению стилистической шкалы; появляются возможности более резко, чем раньше, противопоставить окрашенный стиль неокрашенному, нейтральному.

46. Описанный путь расширения шкалы стилевой окрашенности характеризует в первую очередь высокий (строгий) стиль. Но растет диапазон и разговорного стиля. Это происходит главным образом путем вовлечения в пределы разговорного литературного стиля тех произносительных особенностей, которые считались принадлежностью просторечия. (Может быть, этим объясняются постоянные жалобы «отцов», что произношение «детей» недопустимо небрежно).

47. Однако далеко не все произносительные приметы строгого (высокого) стиля могут быть вкраплены в общий нейтральный орфоэпический фон и при этом оставаться приметами высокого стиля. Если, например, в тексте встречается то эканье, то иканье (при произношении фонем ‹е, а, о› в предударном слоге), то

мированного нейтрального стиля стало излишним сигнализировать высокий стиль сплошным потоком произносительных особенностей, и количество показателей высокого стиля было сужено.

стилистический эффект эканья будет утерян. В лексике иное положение: там могут в одном и том же тексте встречаться и слова *глас*, *уста* и под., и слова *голос*, *губы* и под. — присутствие слов торжественной окраски определит восприятие текста.

Чем объясняется такое различие в восприятии, с одной стороны некоторых произносительных и, с другой стороны, лексических показателей стиля языка? Дело, очевидно, в том, что многие фонетические признаки сравнительно недавно переосмыслились и получили стилистическую функцию. Например, эканье до сих пор сохраняется у некоторых лиц как обычное произношение, как норма нейтрального стиля (например, у старшего поколения). Поэтому смешение иканья и эканья в одном тексте подчеркнет нефункциональность этого различия.

Чтобы эканье было признано стилистической приметой, необходимы: а) выдержанность его при произношении данного текста; б) отсутствие его в ряде других текстов (хотя бы и произнесенных тем же лицом).

Сказанное относится не только к эканью, но и ко многим иным стилистическим произносительным признакам.

Никто, говоря по-русски, сейчас не употребит слово *очи* в стилистически нейтральной функции: такое употребление его относится к очень далекому прошлому. Это характерно для лексических стилевых показателей вообще: огромное их большинство глубоко традиционно. Для большого количества фонетических показателей характерна двузначность; они (на уровне Kundgabe-information) сообщают, например, о возрасте говорящего, а в других случаях — о стилистических разграничениях. Стилистическая функция проявляется при нагнетании этих показателей в одних текстах и их отсутствии в других.

А это ведет к тому, что показатели разных стилей (нейтрального и строгого) оказываются нетерпимы в одном и том же тексте: нужно или эканье, или иканье, а не то и другое. Но именно такое соотношение присуще системе с двухчленным противопоставлением: nA — nĀ (см. выше, сноску 65). Очевидно, это обстоятельство и создает иллюзию, что в современном языке непосредственно противопоставлены разговорный и строгий стиль, что система произносительных стилей двучленна.

Однако все сказанное относится только к некоторым, сравнительно новым стилистическим показателям; основная же их масса допускает сочетание окрашенного со стилистически неокрашенным в пределах одного текста и, следовательно, система произносительных стилей трехчленна, так же как и система стилей в лексике.

48. По определению А. М. Сухотина, на протяжении XIX—XX вв. «. . . расширение области применения литературного языка вызывает рост дифференциации стилей, все большее их дробление, с одной стороны, а с другой — использование их противо-

поставлений на коротких отрезках, их композиционное сочетание» [69].

Иными словами, увеличивается дифференциация стилей в парадигматическом и синтагматическом плане. Этот процесс, очевидно, характеризует историю стилей не только в лексике, но также и в области произношения.

Уже говорилось, что насыщенность нейтрального фона приметами окрашенных стилей исторически изменчива: в XVIII в. она выше, чем в XIX или XX в. (при создании стилистической окраски равной интенсивности). Это связано с отношениями парадигматическими: отношения в стилистических парадигмах (*очи — глаза — гляделки*, *ибо — так как*, *потому что* и пр.) стали более определенными; выделился и четко отграничился нейтральный стиль, позволив единицам высокого и сниженного стиля стать всего лишь вкраплениями, вставками в неокрашенную словесную массу. С другой стороны, это уменьшение показателей окрашенности текста связано с отношениями синтагматическими. Если нужную окраску текста можно создать немногими вкраплениями, то увеличивается возможность чаще менять стилистическую характеристику текста, добиваясь особой выразительности от смены стилей на протяжении одного сообщения.

Таким образом, развитие стилей в парадигматическом плане и развитие их в плане синтагматическом оказываются взаимосвязанными.

Изучение эволюции произносительных стилей в синтагматическом плане встречает серьезные трудности. Ведь точная фиксация фактов произношения в достаточно длительных речевых произведениях принадлежит только XX веку. Однако косвенные свидетельства получить можно: сценическое произношение отражало возрастающие возможности переходить от пафосного, высокого, торжественного стиля к повседневному, непритязательно-бытовому. Театроведческая и мемуарная литература оставила ряд любопытных свидетельств на этот счет; их анализ может быть предметом особого исследования.

49. Особого рассмотрения заслуживает вопрос о художественно-выразительных разновидностях и их отношении к произносительным стилям. Г. О. Винокур писал: «Произношению в сценическом поведении актера принадлежит двоякая роль. Во-первых, произношение есть внешняя форма сценической речи, как и всякой иной: через его посредство зрителю передается содержание того, что говорят на сцене. Во-вторых, произношение в известных случаях служит также одним из средств актерской игры, наряду с жестом, голосом, костюмом, гримом. Необходимо различать обе функции сценического произношения — общую и художественную, тем более, что и практически на сцене каждая из них осуществляется при помощи произносительного материала» [70].

---

[69] А. М. Сухотин. Стилистика лингвистическая. «Лит. энциклопедия», т. 11, стлб. 39—40.

[70] Г. О. Винокур. Русское сценическое произношение, стр. 21.

Выполняя художественную функцию, сценическое произношение в отдельных случаях может значительно отклоняться от произносительных стандартов.

На сцене — Б. В. Щукин в роли Булычова. Щукин, разумеется, безукоризненно владеет литературной речью, а Булычов — окает. Оканье — дополнительная краска, особый компонент образа Булычова, такой же, «как и его кряжистая фигура, смазные сапоги, купеческий кафтан» [71].

У И. С. Тургенева читаем: «Упомянем кстати о Петре. Он совсем окоченел от глупости и важности, произносит все *е* как *ю*: тюпюрь, обюспючюн. Он тоже женился и взял порядочное приданое за своей невестой, дочерью городского огородника, которая отказала двум хорошим женихам только потому, что у них часов не было: а у Петра не только были часы — у него были лаковые полусапожки».

Оканье у Булычова — это то же, что его смазные сапоги, купеческий кафтан и т. д. *Тюпюрь* у Петра — это его лаковые сапожки. И то и другое — средство передать характерность образа, средство чисто художественное. И в том и в другом случае это художественное средство заключается в деформации литературной нормы. В одном случае эта деформация выражается подменой одного варианта данной фонемы другим вариантом той же фонемы, в другом случае вариация одной фонемы подменена вариацией другой фонемы.

Чтец декламирует стихи Н. Н. Асеева:

Была пора глухая,
Была пора немая,
Но цвел, благоухая,
Рабочий праздник мая.

Все заударные ‹а› чтец произносит слегка протяжно, очень слабо их редуцирует. Стих инструментован на [а]; естественно, является стремление (возможно — интуитивное, не рационалистически-прямолинейное) усилить заударное ‹а› в рифме. Здесь одна вариация фонемы заменяется другой, еле заметно отличающейся от первой.

В некоторых случаях выразительная функция звука определяется не волей артиста-исполнителя, а волей самого автора текста. И в этом случае внимание слушателя (читателя) может быть привлечено к таким оттенкам произношения, которые обычно (в языке, имеющем только коммуникативно-информационное назначение) не привлекают внимания читателя. С. И. Бернштейн писал: «Если в практической речи звуки различаются сознанием говорящих лишь постольку, поскольку они дифференцируют слова, то в стихотворном языке оттенки фонем могут явственно различаться вне этих условий — в зависимости от их роли в эвфоническом построении» [72].

---

[71] Р. И. Аванесов. Вопросы русского литературного произношения. «Русский язык в школе», 1937, № 3, стр. 88. Сам Щукин писал: «Язык Булычова — как стихи. Фраза закончена, кругла, ритмически четка... Она — как пословица. То, что мой Булычов говорит на „о", объясняется не только тем, что дело происходит в Костроме, а и тем, что особенность речи еще больше подчеркивает афористичность, особый игровой и звуковой ритм горьковского текста» (См.: П. Новицкий. Борис Щукин. М., 1948, стр. 127).

[72] С. И. Бернштейн. О методологическом значении фонетического изучения рифм. «Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова», М.—Пг., 1923, стр. 347. Ср. наблюдения над стихом М. Ю. Лермонтова в кн.: А. А. Артюшков. Звук и стих. Пг., 1923, стр. 35. Ср.: «... в стиховой речи в связи с художественным использованием звуковых качеств... в качестве самостоятельных фонетических элементов могут выступать не только фонемы, но и... комбинаторные оттенки фонем» (С. И. Бернштейн. Стих и декламация. «Русская речь», Новая серия, вып. I, 1927, стр. 23—24).

Все эти отличия художественной звучащей речи не стоят в одном ряду с теми, которые выше были названы стилистическими. Художественно-изобразительная и неизобразительная стороны речи — это иное речевое рассечение, чем рассечение на стилистические жанры.

Г. О. Винокур считал, что в «поэтическом языке» преодолевается различие между фактами системы языка и фактами говорения [73]. В особенностях произношения художественных текстов, как видно из примеров, достигается именно такое преодоление: все факты говорения оказываются «валентными», художественно значимыми, соотнесены с другими фактами и в этом смысле «системны». Очевидно, что принцип противопоставления «художественно-изобразительная речь — информационная речь» совсем иной, чем принцип рассечения на языковые стили. И все же у этих двух плоскостей есть точки соприкосновения. Когда различия в произношении служат для опознания стилистических градаций, фонемные вариации и варианты приобретают дополнительно-различительный смысл: [и^{э}] противопоставлено [э^{и}] в произносительных разновидностях [би^{э}да́]—[бэ^{и}да́]. Таким образом, оказывается значимым то, что находится в пределах одной строевой единицы языка. Это сближает стилистические противопоставления с художественно-изобразительными потенциалами речи. Все же остальное разделяет их.

50. Тончайшие звуковые оттенки могут быть использованы с художественно-выразительными целями. Но чтобы эти оттенки были восприняты, необходим строгий, ровный фон: на пестром фоне легкие изменения стилистических красок пропадут.

Именно поэтому основой, с которой соотнесен любой художественный текст, является строго нормированный нейтральный стиль произношения. Он может составлять основную ткань произведения, на которой выступают узоры художественно-оправданных отклонений от стандарта. В других случаях произведение может быть целиком построено на стилизации произношения диалектного, архаического, индивидуально-нестандартного и т. д., в этом случае нейтральное произношение окажется более далеким фоном (будет присутствовать как осознанная норма); но только в соотношении с этим фоном и играют все диалектные (или иные) краски. Оканье Булычова как черта, раскрывающая что-то в его образе, значимо лишь для тех, кто владеет литературным неокающим произношением.

Разговорный же, вольный стиль в равной степени склонен к разным вариантам, занимает по отношению ко многим из них, так сказать, «объективистскую позицию», равно приемлет и то и другое. Но и его терпимость не безгранична — иначе бы он перестал быть стилем литературного языка и опустился бы до просторечия. Вольный стиль индифферентен ко многим звуковым вариантам — и эти варианты в нем индифферентны.

Строгий стиль чужд такого равнодушия; он отвергает одно, принимает другое. Он небезразличен к звуковым вариациям — и поэтому звуковые вариации в нем небезразличны, не безличны, выразительны. Вывод прост до тавтологичности.

Но в этом тавтологическом однообразии скрыто противоречие. Материальное звуковое богатство вольного стиля дает содержательную бедность; наоборот; в высоком, строгом стиле содержательное (в данном случае стилистико-содержательное) богатство звука обусловлено материальной бедностью, однообразием звукового материала [74].

---

[73] Г. О. Винокур. Понятие поэтического языка. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 3, 1947, стр. 6.

[74] Это противоречие было замечено еще И. А. Бодуэном де Куртенэ. «На низшем уровне, при сильной редукции, — писал он, — разнообразие психическое нисходит до минимума, но зато появляется разнообразие исполнения. . .» Слова Бодуэна подчеркивают не столько стилистическую, сколько фонологическую содержательность и разнообразие. Но важно, что исследователь указал противоречие того же типа, что отмеченное выше.

51. «Чем более унифицировано литературное произношение, — пишет Р. И. Аванесов, — чем строже придерживаются говорящие орфоэпических норм, тем большую выразительность приобретают отступления от них, тем острее воспринимаются все отклонения от литературного произношения, которые неминуемо приобретают в сознании лиц, владеющих орфоэпическими нормами, определенную выразительность» [75].

Таким ровным фоном может являться только нейтральный стиль. Однако язык художественной литературы и театра консервативнее языка информации, и это его достоинство: стабильность языка позволяет соотносить, сопоставлять разные стилевые системы (начала XIX в. и середины XX в.) на фоне одной, неизменной сетки координат — на фоне стабильного литературного языка. Поэтому тот нейтральный стиль произношения, который принят, например, на сцене московских театров, отличается от нейтрального произносительного стиля, которым пользуются зрители в фойе этих же театров. В этом особом «сценическом нейтральном стиле» скрещиваются функционально-художественные и стилистические деления речи и языка.

52. Произносить текст можно протяжно: — Ва-а-а-ня-а-а!

Можно чеканить слова по слогам. Наконец, существует обычное, «говорное» произношение, не посложное и не протяжное. Эти разновидности можно было бы назвать (за отсутствием лучшего наименования) с п о с о б а м и п р о и з н о ш е н и я.

Особо важная форма «протяжного» произношения — пение. Оно тоже имеет свои стилистические градации; во многих чертах (не во всех!) нейтральный стиль пения сходен с высоким стилем говорного произношения. Например, нормальным для пения является эканье; икающее произношение исключено. Ср.: «. . . если в разговорной речи в словах «тебе», «меня» гласная *е* приближается к *и*, то в пении, особенно если первый слог обладает известной длительностью, открытое *и* делается вульгарным и потому неприемлемым. . .» [76] Но некоторые особенности нейтрального стиля в пении не находят себе аналогии в говорных стилях. Сюда относится, например, произношение (а) на месте фонем ‹а›—‹о› во всех безударных позициях. Именно этот нейтральный стиль пения был кратко описан Л. В. Щербой под названием полного стиля. Ср. транскрипцию этого стиля:

я пáмятник себé ваздвúг нерукатвóрный
к немý не зарастéт нарóдная трапá

---

[75] Р. И. А в а н е с о в. Русское литературное произношение. М., 1950, стр. 15—16; О н ж е. Вопросы русского литературного произношения. «Русский язык в школе», 1937, № 3, стр. 88. Эту мысль (но применительно ко всему языку, а не только к «произношению») любил подчеркивать Л. В. Щерба: «Чем выше в обществе произносительная культура, . . . тем большую выразительность приобретают отступления от стандарта» (Л. В. Щ е р б а. Современный русский литературный язык. «Русский язык в школе», 1939, № 4, стр. 26); ср.: «Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-то начинает он чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее» (Л. В. Щ е р б а. Спорные вопросы русской грамматики. «Русский язык в школе», 1939, № 1, стр. 10).

[76] Г. К р и с т и. Работа Станиславского в оперном театре. М., 1952, стр. 93. В «Воспоминаниях о русских художниках» В. С. Мамонтова (М., 1951) читаем об одном певце-любителе: «Становясь в позу Онегина, начинал он: Вы мне писали, не отпирайтесь. . . и т. д. и каждый раз обязательно пел он: *Мне ваша искренность мела*, не обращая никакого внимания на мои замечания и поправки» (стр. 70). Следовательно: а) этот певец-любитель не привык в своей обыденной речи в первом предударном слоге различать ‹и› и ‹э›; б) он знал, что в пении они различаются; в) но он не обладал стабилизированными навыками этого различения, особые орфоэпические нормы пения были ему чужды.

вазнёсся вы́ше он главо́ю непако́рнай
александри́йскава сталпа́ [77].

Совершенно ясно, что ни в одном говорном стиле такое произношение невозможно; но оно характерно для пения [78].

Пение осуществляет перекрещивание трех произносительных разделений: оно определяется, во-первых, способом произношения, во-вторых, — особенностями художественной речи, в-третьих, оно отражает стилистические противопоставления в языке; к тому же оно связано с музыкальной партитурой; поэтому исследование орфоэпии пения особенно трудно, и сделано здесь исключительно мало.

53. Стилистика русского произношения изучена совершенно недостаточно; фактов собрано немного. Но их дальнейшему собиранию препятствует именно неразработанность теории. В настоящей статье автор на основании определенного круга наблюдений рискнул предложить решение некоторых вопросов стилистики произношения, вполне отдавая себе отчет в дискуссионности многих из этих решений.

---

[77] Л. В. Щ е р б а. Фонетика французского языка. М., 1953, стр. 24.

[78] Ср. такие фонограммы пения: «Голос пел: Ва краа-а-ю чужом далёёоо-кааам вспа-ми-на-ю я ти-бя» (А. Б е л ы й. Симфония вторая, драматическая. Собр. соч., т. IV. М., 1917, стр. 258). Ср. замечания о пении в руководствах для певцов (например: В. П. С а д о в н и к о в. Орфоэпия в пении. М., 1958, стр. 12).

И. П. Мучник

КАТЕГОРИЯ РОДА И ЕЕ РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

I. К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СТРУКТУРЫ РОДА И ЕЕ КОМПОНЕНТОВ

Категория рода получает в лингвистической литературе отнюдь не единообразное истолкование, поэтому представляется целесообразным предпослать анализу современного состояния и развития этой категории в русском литературном языке некоторые положения, выясняющие ее сущность, структуру ее форм и их соотношений.

Категория рода относится к числу наиболее универсальных категорий грамматического строя русского языка, так как сфера ее функционирования охватывает три важнейших части речи: имя существительное, имя прилагательное (в том числе и прилагательное-числительное и прилагательное-местоимение) и глагол (формы прошедшего времени, формы сослагательного наклонения, причастия). С помощью форм рода достигается структурная спаянность и единство этих трех разрядов слов, столь резко различающихся по своим основным лексико-грамматическим особенностям.

Категория рода выступает на различных уровнях языковой структуры: синтаксическом, морфолого-словообразовательном и лексическом. Будучи одним из основных средств воплощения грамматического понятия предметности (субстанции) и включая в сферу своего действия весь чрезвычайно многочисленный словарный состав существительных, категория рода характеризуется, однако, большим разнообразием и сложностью форм своего обнаружения в разных слоях лексики.

Наибольшей универсальностью и единообразием обладает синтаксическая сторона обнаружения категории рода. Она состоит в том, что с формой рода существительного «согласуют» свои родовые формы поясняющие его слова (прилагательные,

глаголы в значительной части своих форм): *новый костюм*[1] # *висел* # — *новая юбка висела* — *новое платье висело*.

Основной причиной отсутствия единообразия в морфологическом обнаружении рода является то, что различия между существительными мужского и женского рода выражаются разными морфологическими способами, а в некоторых случаях морфологически не выражаются вовсе. Так, у одной группы существительных, противопоставленных в родовой системе по образцу *нос — рука*, родовые различия обнаруживаются уже в форме именительного падежа; конечные звуки — твердый согласный и гласный *а* — выступают в качестве отчетливых показателей родовой принадлежности. Окончания косвенных падежей играют здесь роль дополнительных, в какой-то мере, может быть, избыточных показателей рода [2]. У другой группы существительных, противопоставленных по образцу *локоть — копоть*, формы именительного падежа совпадают и поэтому не могут служить родовыми различителями; здесь в этой функции выступают окончания косвенных падежей, т. е. система склонения в целом. Ср. *локоть — локтя — локтю — локтем — о локте* и, с другой стороны, *копоть — копоти — копотью — о копоти*.

В значительно большей мере, чем морфологическим разнообразием, формы обнаружения категории рода осложнены тем, что к конструируемой родом структуре относятся две существенно отличающиеся друг от друга группы форм. Первую группу составляют синтаксико-морфологические формы рода, не облеченные категориальной семантикой, в другую же группу входят синтаксико-морфологические формы, облеченные категориальной семантикой различий по биологическому полу, ср., с одной стороны, противопоставленность существительных *пол — стена — окно*, с другой стороны, противопоставления типа *учитель — учительница* и *лев — львица*.

Сочетание в структуре одной категории асемантических и семантических противопоставлений свидетельствует о ее большом своеобразии. Связи и взаимоотношения этих существенно различных составных частей одной структуры требуют обстоятельного изучения. К сожалению, многие из исследователей категории рода чрезвычайно мало внимания уделяли этой проблеме. Это, надо полагать, отчасти объясняется значительно большей распространенностью асемантических синтаксико-морфологических про-

---

[1] # означает нулевую форму.

[2] Ср. факты болгарского языка, лишенного, как известно, склонения, где конечные звуки не изменяемых по падежам существительных выступают в качестве единственных и достаточных морфологических показателей родовых различий, например, *нос — ръка*. Ср. также в русском языке морфологическое выражение различий между существительными мужского и среднего рода только в именительном и винительном падежах, так как окончания всех других косвенных падежей у них одинаковые.

тивопоставлений форм рода по сравнению с семантическими. Но ограниченный лексический объем грамматического явления не умаляет ведь необходимости углубленного изучения его грамматической сущности. Между тем во многих из вышедших в последние десятилетия работ о роде основное внимание уделяется рассмотрению синтаксико-морфологического проявления этой категории, а семантические формы рода рассматриваются попутно и вскользь. Такая трактовка рода встречается, в частности, в статье Н. Н. Дурново «La cathegorie du genre en russe moderne»[3]. О сущности рода Н. Н. Дурново говорит: «Мы называем „родом" явление согласования существительных с поясняющими их прилагательными в том же падеже» [4]. Так понимая сущность категории рода, Н. Н. Дурново наметил следующую систему родовых форм. У существительных в единственном числе различаются четыре рода: 1) мужской — одушевленный, 2) мужской — неодушевленный, 3) женский и 4) средний. У существительных во множественном числе различаются два рода: 1) одушевленный, 2) неодушевленный.

Разбор семантических основ категории рода Н. Н. Дурново сводит к следующим замечаниям: «Невозможно установить семантическое различие родов в современном русском языке. Можно только наблюсти, что все слова, обозначающие лиц мужского пола, независимо от формы (*отец*, *дед*, *портной*, *слуга*, *мужчина* и др.) так же, как и обозначающие животных-самцов (*бык*, *жеребец*, *баран*, *козел*, *петух*, *гусак*) относятся к мужскому роду, тогда как названия лиц женского пола и животных-самок относятся к женскому роду (*жена*, *дочь*, *баба*, *учительница*, *докторша*, *корова*, *кобыла*, *гусыня* и др.); средний род охватывает преимущественно названия неодушевленных предметов, отвлеченных идей, собирательных понятий и, в виде исключения, несколько обобщенных названий одушевленных предметов, как *животное*,

---

[3] См.: «Revue des études slaves», t. IV, 1924, fasc. 1—2, p. 208—221.

[4] См.: Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 208. Аналогичное определение рода дает и П. С. Кузнецов: «Категория рода, как и в современном языке, состояла (в древности. — *И. М.*) в том, что все существительные, т. е. все слова предметного значения, разбивались на три класса (или рода) — мужской, женский и средний, причем различные слова, зависящие от существительных, а именно прилагательные, местоимения неличные, числительные, причастия, меняли свою форму в зависимости от того, определением (или сказуемым) при каком существительном они являлись» (Историческая грамматика русского языка. Изд-во МГУ, 1953, стр. 34).

Так же толкуется сущность рода и в работах, освещающих эту категорию в широком общелингвистическом плане. Следующее определение рода дает венгерский исследователь Фодор: «Род с синхронической точки зрения представляет собой грамматическую систему синтаксических соответствий, в которой член многоформенной парадигматической модели родоизменяемых элементов предложения согласуется с неродоизменяемым элементом предложения, и это согласование, сопровождаемое различием формы, не влечет за собой изменения в смысле данного отношения» (J. Fodor. The origin of grammatical gender, «Lingua», Vol VIII, 2, 1959, p. 212).

насекомое, *чудовище*, *страшилище*, к среднему роду относится и слово *лицо*, когда означает личность, а не часть тела» [5].

Некоторые лингвисты вовсе исключают семантику из структуры родовых форм. Так, А. Б. Шапиро в ряде своих выступлений указывал, что только морфологическое проявление рода надо считать грамматическим явлением; те же значения различий по полу, которые присущи определенным группам одушевленных существительных, являются, по его мнению, элементами их лексических значений.

Нам представляется, что связи и взаимодействие семантических и асемантических родовых противопоставлений получат адекватное отражение в теории, если они будут рассматриваться как специфические особенности отдельных ярусов единой структуры рода.

У обоих типов противопоставлений идентичные синтаксико-морфологические свойства, что дает основание считать их элементами единой структуры. Наряду с этим, следующие особенности существенно отличают один тип от другого.

1. Семантические противопоставления по своему лексическому составу корреляционны, ср. *ученик — ученица*, *звеньевой — звеньевая*, *лев — львица* и т. д. Асемантические противопоставления лексически разобщены, дизъюнктны, ср. *пол — стена — окно*, *лес — зима — вдохновенье*. Конечно, асемантические родовые противопоставления могут быть более или менее разнородными по лексическому составу, ср. второй пример с первым, однако по самой своей природе они не могут представлять ряд слов, отличающихся друг от друга только по родовому значению.

2. Семантические родовые противопоставления двучленны, асемантические трехчленны. Трехчленность последних обусловлена наличием трех разных моделей синтаксико-морфологического оформления существительных в русском языке [6], семантикой первых обусловлено то, что в них используются только две из трех существующих синтаксико-морфологических моделей.

3. В отличие от асемантических противопоставлений, в которых все три члена являются в одинаковой мере маркированными, так как в существительном каждого из трех родов синтаксико-морфологически обозначена его принадлежность именно к данному роду, в семантических противопоставлениях один из членов — обычно в этой роли выступает существительное мужского рода — является немаркированным [7].

---

[5] Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 211.

[6] В ряде других индоевропейских языков, например во французском, литовском и других, имеется только две таких модели — мужского и женского рода; в языках другого строя, в частности в ряде африканских языков, число этих моделей значительно больше.

[7] Имеющий теоретическое значение вопрос о маркированности или немаркированности членов противопоставления получает иногда своеобразное преломление в практике языкового общения. Иллюстрацией может служить письмо, направленное работниками Московского детского универсального

В силу этого некоторые существительные, хотя и противостоящие друг другу по роду как синтаксико-морфологически, так и семантически, но являющиеся в одинаковой мере маркированными (вследствие того что у них в самих лексических значениях обоих членов противопоставления содержится указание на принадлежность к определенному полу, например: *муж — жена*, *брат — сестра*, *жеребец — кобыла* и т. д.), не могут быть включены во второй ярус родовой структуры. Эти слова занимают особое место в лексико-грамматической системе средств выражения различий по признаку пола. Формируемые этими существительными родовые оппозиции непосредственно примыкают к родовым противопоставлениям второго яруса родовой структуры, но не являются ими вследствие отсутствия в них немаркированного члена.

Приведенные факты обнаруживают качественное различие между лексическим и структурно-грамматическим выражением значения рода у одушевленных существительных. Отсюда следует несостоятельность вышеупомянутых утверждений, будто значение рода у всех одушевленных существительных является элементом их лексического значения. Подобное утверждение есть результат неразграничения существенно различных языковых фактов, из которых одни относятся к области лексических значений, другие — к грамматической структуре языка.

Внешне сходные с только что разобранными противопоставления типа *селезень — утка*, *боров — свинья* должны быть отнесены с некоторыми оговорками ко второму ярусу родовой структуры. В самом деле, обладая основными признаками семантических противопоставлений, они отличаются двумя особенностями: 1) в качестве немаркированного члена здесь выступает существительное женского рода, 2) противопоставленность осуществлена здесь не при помощи аффиксов, а посредством супплетивации. Обе указанных особенности внутренно связаны и в одинаковой мере обусловлены тем, что эти противопоставления возникли в лексической сфере, а в структурную сферу родовых различий смогли включиться вследствие того, что не содержат ничего противоречащего ее основным признакам [8].

магазина в Институт русского языка АН СССР, в котором сообщается о том, что вывешенная в магазине надпись «Подарок первокласснику» вызвала претензии со стороны покупателей, заявивших, что этот текст вовсе игнорирует первоклассниц. Данное культработником магазина объяснение, что слово *первоклассник* имеет в виду как мальчиков, так и девочек, оказалось неубедительным, и неудовлетворенные покупатели внесли соответствующую запись в книгу жалоб и предложений. Из такого рода фактов должны, конечно быть сделаны определенные выводы. Они свидетельствуют о необходимости тщательного изучения степени рациональности существующих языковых норм и способов привития их массе говорящих.

[8] Аналогичным образом включились в сферу структурных видовых противопоставлений супплетивные пары глаголов типа *говорить — сказать*, *брать — взять*.

Семантические и асемантические родовые противопоставления, несмотря на указанные выше существенные различия между ними, представляют собой компоненты единой структуры, потому что все существительные мужского и женского рода одинаково субституируются местоимениями *он — она*, в которых семантические различия существительных разных ярусов нейтрализованы. Ср. под этим углом зрения русские местоимения *он — она* с английскими *he — she* [9]. В этой перспективе выделяется и особое место существительных среднего рода, так как эти существительные, субституируемые местоимением *оно*, не имеют вовсе точек соприкосновения с элементами второго яруса родовой структуры.

С точки зрения намеченной выше структуры рода должна быть подвергнута критике схема родовых противопоставлений, содержащаяся в статье Р. Якобсона «The gender pattern of Russian» [10]. Р. Якобсон прежде всего противопоставляет женский род в качестве маркированного неженскому роду, так как первый сигнализирует, что данное существительное не может служить названием человеческого существа мужского пола (a male human being). В сфере неженского рода средний род как маркированный противопоставляется мужскому, так как средний род сигнализирует отсутствие отношения к полу. «Мужской род, — указывает Р. Якобсон, — это вдвойне немаркированный род. В противоположность среднему роду он не сигнализирует асексуальный характер названного существа (entity), а в противоположность женскому роду он не содержит никакой спецификации пола» [11].

Как видим, в схеме Р. Якобсона не получили вовсе отражения все противопоставления первого яруса, что нельзя не считать существенным недочетом установленной им родовой структуры. Большое число фактов, связанных с родовыми противопоставлениями, не вмещается в рассматриваемую схему, поэтому она отнюдь не дает адекватного отражения языковой действительности во всей сложности взаимоотношений составляющих ее элементов.

Соответственно изложенным выше принципам построения родовой структуры, включающей все относящиеся сюда противопоставления, представляется возможным следующим образом определить категорию рода в современном русском языке. Категория

---

[9] Описанные отношения получили замечательное по своей выразительности и непосредственности отражение в следующем диалоге четырехлетнего ребенка с матерью:

— Мама, баран — он?
— Он.
— Овца — она?
— Она.
— А почему папа — он? Надо бы пап, а не папа.
(К. Чуковский. От двух до пяти. М., 1957, стр. 44).

[10] См.: Studii şi cercetări lingvistice», omagiu lui Al. Graur, XI. Bucureşti, 1960, стр. 541—543.

[11] Р. Якобсон. Указ. соч., стр. 541.

рода — это совокупность форм существительных, прилагательных и глаголов, посредством которых осуществляются две разнородных, однако структурно связанных функции: а) достигается синтаксико-морфологическое единство существительного и поясняющих его слов, б) конструируются формальные противопоставления существительных, различающихся по признаку биологического пола [12].

Выделением двух ярусов родовой структуры, синтаксико-морфологической и семантической, диктуется целесообразность подразделить всю проблематику категории рода на две части, которые должны исследоваться раздельно, с учетом, конечно, их взаимосвязанности.

Среди проблем, относящихся к сфере асемантических, синтаксико-морфологических форм рода, наибольшее значение имеют следующие:

1. Характерные черты синтаксико-морфологического механизма рода в русском языке. Более выразительной характеристике особенностей русского языка должны способствовать отдельные сравнения фактов русского языка с фактами других языков, прежде всего славянских.

2. Широта охвата каждым отдельным родом лексического состава существительных. Статистические данные здесь дополняются анализом семантических групп лексики, охватываемых каждым родом. Анализу подвергается семантика лексических групп, а не родовых противопоставлений.

3. Наблюдающиеся колебания в родовом оформлении отдельных групп существительных. Сопоставление под этим углом зрения фактов нашего времени с фактами XIX в.

4. Взаимодействие отдельных родовых групп и тенденции вытеснения одного рода другим. Здесь представляет большой интерес изучение влияния соответственных процессов в народных говорах на литературный язык.

5. Границы распространенности и характер действия различных словообразовательных моделей в сфере каждого отдельного рода.

6. Большой интерес представляет распределенность по отдельным родам неологизмов советской эпохи. Эти факты проливают свет на ныне действующие тенденции развития синтаксико-морфологической структуры рода.

Ко второму разделу проблематики относится ряд вопросов, связанных со спецификой различных типов семантических родовых противопоставлений. Наибольшее значение имеет здесь:

---

[12] Представляется необходимым напомнить известное указание В. И. Ленина о том, что каждое определение в той или иной мере ограничивает и обедняет существо определяемого явления. Это в особенности относится к данному случаю, так как очень трудно вместить столь сложное явление, как категория рода, в прокрустово ложе краткого определения.

1. Выяснение морфологических особенностей отдельных типов существительных, составляющих корреляционные родовые противопоставления.

Анализ различных типов противопоставлений выдвигает ряд вопросов о точках соприкосновения фактов словообразования с фактами формообразования [13].

2. Раскрытие существа современных процессов возникновения так называемых самостоятельных форм рода глаголов и прилагательных.

Эти процессы вызваны тем обстоятельством, что некоторые группы существительных, лишенных родовых коррелянтов, становятся элементами новых типов семантических родовых противопоставлений, реализующихся не синтаксико-морфологическими, а только синтаксическими средствами: *врач пришел — врач пришла*.

Следующие разделы излагают результаты изучения некоторых из перечисленных тем.

II. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИНТАКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РОДА

В отличие от семантической структуры, в сферу действия которой вовлечены только некоторые группы одушевленных существительных, синтаксико-морфологическая структура рода распространяется на весь словарный состав существительных.

Характерной чертой синтаксико-морфологической структуры рода в русском языке является параллельное морфологическое выражение рода у существительного и подчиненных ему слов: *новый костюм ## висел ## — новая юбка висела — новое платье висело*. Аффиксальная схема морфологического механизма различения вида выступает, таким образом, в следующем виде: *-ый* — ## — ## || *-ая* — *-а* — *-а*; *-ое* — *-о* — *-о*. Следовательно, родовые формы структурно объединяют члены аттрибутивной синтагмы, а в значительном числе случаев и предикативной, т. е. на основе своеобразного морфологического сингармонизма возникает структурная спаянность трех членов предложения: подлежащего, определения, сказуемого.

---

[13] В. В. Виноградов замечает: «. . . в современном русском языке есть 3 разных типа парных соотносительных по родо-половому признаку имен существительных в категории лица:

1. *муж — жена* при *супруг — супруга*;
2. *учитель — учительница*; *колхозник — колхозница* и т. п.
3. *причудник — причудница*; *озорник — озорница* и т. д.

Парные слова первых двух разрядов — бесспорно разные слова; коррелятивные слова третьего разряда ближе к формам одного слова, хотя и не являются таковыми» (В. В. Виноградов. О формах слова. «Известия АН СССР. ОЛЯ», 1944, т. III, вып. 1).

См. об этом также статью А. И. Смирницкого «Лексическое и грамматическое в слове» (сб.: «Вопросы грамматического строя». М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 27 и далее).

От этого типичного для языка образца синтаксико-морфологического выражения рода, основанного на соответствии морфологического облика разных членов предложения (resp. разных частей речи) имеются отступления только в следующих группах слов.

1. При существительных, которые содержат в своем составе суффиксы субъективной оценки *-ище*, *-ишко*, *-ина*; ср. *новый домище*, *домишко*, *домина*. Здесь морфологический облик противоречит доминирующему над ним синтаксическому показателю рода.

2. При существительных, лексически обозначающих лиц мужского пола или применяемых по отношению к лицам мужского пола, но имеющих конечные гласные *-а* (*-я*) или *-о*: *родной папа*, *дядя*, *Миша*, *Сидоренко* [14] и т. п.

3. При существительных так называемого общего рода в применении к лицам мужского пола: *новый книгоноша*, *противный плакса* и т. д. Сюда же относятся факты иного характера: *врач пришла*, *директор заявила* и т. д.

4. При заимствованных существительных, отличающихся чуждым грамматическому строю русского языка морфологическим обликом: *красивый кенгуру*, *вкусное рагу* и т. п. [15]

Перечисленные группы случаев [16] представляют собой периферийные для синтаксико-морфологической структуры рода явления, отнюдь не лишающие типичности основную модель синтаксико-морфологического родового различения, основанного на соответствии синтаксических и морфологических показателей.

Выдающейся ролью морфологического фактора в выражении рода русский язык существенно отличается от западноевропейских языков, которым это свойственно в значительно меньшей степени или не свойственно вовсе. Ср. отсутствие морфологических показателей у многих существительных в немецком языке, например, *der Held*, *das Feld*, *die Jagd*, *der Bruder*, *die Schwester*, *das Fenster*, *der See* 'озеро', *die See* 'море', или у существительных во французском языке: *le pain*, *la faim*, *le frère*, *la sœur* и т. п. В западноевропейских языках значительно у́же также область согласования форм прилагательных с родовыми формами существительных, что наблюдается, в частности, в итальянском и французском языках, где только часть прилагательных родоизменяемые, а прилагательные с конечным *-е* вовсе не имеют форм рода.

Как указывалось выше, система морфологических средств дифференциации рода осложнена тем, что у существительных

[14] В случаях последнего вида имеется аналогичное несоответствие и в применении существительного к лицам женского пола: *дорогая Сидоренко*.

[15] Данные случаи характеризуются не несоответствием между синтаксическими и морфологическими показателями рода, а отсутствием такого соответствия, так как здесь вовсе нет морфологических показателей рода.

[16] Те отступления, которые охватывают единичные или весьма малочисленные исключения, например морфологическое выражение рода у существительных типа *знамя*, могут здесь не учитываться.

женского рода, кроме типичной для них флексии *-а*, в форме именительного падежа встречается и нулевая флексия, являющаяся типичной для существительных мужского рода в этой же форме. Таким образом, в ряде случаев нет морфологических различий между номинативными формами существительных мужского и женского рода: например: *день — тень*.

Статистическое обследование свидетельствует, однако, о том, что данным фактам следует придать весьма ограниченное значение при общей характеристике всей системы морфологических дифференциальных средств рода. Правда, общее число существительных с подобным морфологическим обликом в номинативе довольно значительно — 3880 [17], но большинство из них имеет другие четкие морфологические показатели рода: 2700 содержат в своем составе суффикс *-ость*, указывающий на принадлежность к женскому роду, а 520 — суффикс *-тель*, указывающий на принадлежность к мужскому роду. Таким образом, всего существительных с действительно неопределенным с точки зрения рода морфологическим обликом только 660, из них 400 относятся к женскому роду, 260 — к мужскому роду. Если при этом учесть, что общее число существительных в словарях современного русского литературного языка равно приблизительно 34 000, то рассматриваемая нами группа существительных с недифференцированным морфологическим обликом в номинативе составляет несколько меньше двух процентов. Следовательно, подавляющее большинство существительных в своей исходной форме отчетливо различается по родам морфологическими средствами.

Процесс развития литературного языка в период после Великой Октябрьской социалистической революции вследствие чрезвычайно медленных темпов изменяемости грамматического строя не мог, конечно, внести какие-либо существенные сдвиги в охарактеризованную выше синтаксико-морфологическую структуру рода. Однако значительные изменения в области лексики и словообразования, происшедшие в советский период, способствовали возникновению новых явлений, расширявших репертуар несоответствий между морфологическими и синтаксическими формами проявления рода. Все соответственные инновации могут быть сведены к трем группам фактов.

1. Как известно, род аббревиатур типа *ГЭС*, *райфо*, *ТАСС*, *ООН*, *роно*, *райпо*, *тэц* и под. определяется родовой принадлежностью ведущего слова соответственных словосочетаний: государственная электрическая *станция*, районный финансовый *отдел* и т. д. Но принадлежность аббревиатуры *ГЭС* к женскому роду, а *райфо* к мужскому роду противоречит их морфологическому

[17] Эти, как и все другие цифровые данные, приводятся по материалам «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, нового четырехтомного «Словаря русского языка» и однотомного «Словаря русского языка» С. И. Ожегова.

облику. Таким образом, возникла новая разновидность синтаксико-морфологического выражения рода, характеризующаяся несоответствием морфологического облика отдельных членов словосочетания: в выражении *новая ГЭС* у прилагательного морфологическая форма женского рода, у существительного — мужского, в выражении *обновленный райфо* у прилагательного морфологическая форма мужского рода, у существительного — среднего.[18]

Вот ряд иллюстраций из источников различных жанров и разных периодов.

> . . . И Панферову, не устающему до сей поры лягать *ликвидированную РАПП*, не мешало бы всерьез пересмотреть вопрос о творческой группировке, которую сам он возглавляет. . . (М. Шолохов. Собр. соч., т. 8, 1959, стр. 86—87); Человек в солдатской шинели и фуражке (в 1918 году вся Россия носила солдатское одеяние, — *РСФСР воевала*) проходит быстро через прихожую в кабинет профессора (Вс. Иванов. Возвращение Будды. М., 1924, стр. 8); По проекту организации работ площадка *Али-Байрамлинской ГРЭС* оснащена передвижными инвентарными установками. . . («Строительная газета», 28 июня 1961 г.); С годами *ООН взрослела*, в нее влились десятки новых стран («Правда», 28 сентября 1961 г.); Возмутительно не то, что Оргкомитет ничего не делает. . . и все еще живет на «проработке» (отвратительное слово в применении к идейной борьбе) *бывшей РАПП*. . . («Лит. газета», 15 июня 1961 г.).

А. Селищев по поводу рассматриваемых фактов в свое время писал: «В отношении рода заметим следующее. Некоторые имена на твердый согласный воспринимаются как имена муж. р.: *стенгазета* (ж. р.), но *стенгаз* — м. р.: „Какой должна быть стенгазета?“ и в той же статье: „Каким должен быть стенгаз?“. . . Но бывает и так, что в отношении рода сохраняет свое значение основное слово. Например, *ВАПП*, *МАПП* — ж. р. „Старая ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей) умерла“»[19].

С разобранными словами сходны в рассматриваемом отношении аббревиатуры другого типа, как например: *комполка*, *начштаба*, *замминистра* и под.

---

[18] Указывают на то, что подобные аббревиатуры являются не словами в собственном смысле, а только своего рода номенклатурными знаками. Нельзя, однако, игнорировать то, что рассматриваемые аббревиатуры не только графически, но и произносительно выступают как целостные единицы, функционально тождественные словам; следовательно, действующие в языке синтаксико-морфологические модели выражения рода слов распространяются и на них.

[19] А. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928, стр. 165.

2. Своеобразные вариации в синтаксико-морфологическом выражении рода наблюдаются при употреблении особых типов словосложений, как *ракета-носитель*, *школа-интернат*, *печь-исполин* и т. д., где составляющие сложение элементы относятся к разным родовым группам. Согласование в роде прилагательных и глаголов с первой частью сложения воспринимается как необычное проявление норм, так как вторая (конечная) часть, обычно выступающая в качестве носительницы формы рода, как бы этому сопротивляется. Ср.:

Шесть с половиной месяцев *обращалась* вокруг земли *ракета-носитель* третьего советского искусственного спутника. . . *Ракета-носитель наблюдалась* десятками станций оптического наблюдения в разных странах мира («Веч. Москва», 7 декабря 1958 г.); Целью пуска была проверка надежности *новой ракеты-носителя* и точности ее системы управления. . . («Правда», 24 сентября 1961 г.); *Школа-интернат должна* воспитывать многосторонний характер, развивать способности учащихся, приучать их ориентироваться в разных отраслях знаний. . . Директор *Суджанской школы-интерната* («Правда», 28 сентября 1961 г.).

3. В принципиально ином отношении к действующей синтаксико-морфологической структуре (по сравнению с приведенными в двух предыдущих рубриках явлениями) находятся факты, наблюдаемые при употреблении возникающих сейчас новых, аналитических прилагательных типа *микрофильм*, *макропроцесс*, *электросани*, *электропоезд*, а также таких, как *рубашка-апаш*, *цвет хаки* и т. д. В сочетании с такими «прилагательными», независимо от того, функционируют ли они в качестве морфем или отдельных слов, существительные лишаются возможности синтаксически обнаруживать род в формах прилагательных, ср. *микрофильм*, и *микроскопический фильм*, *электропоезд* и *электрический поезд* и т. д.

Конечно, сфера распространения этих фактов очень узка и их влияние на функционирующую синтаксико-морфологическую структуру рода пока еще микроскопично.

Все же упомянуть об этих фактах при характеристике родовой структуры представляется необходимым с тем, чтобы учитывать, что наряду с ныне действующими синтаксическими средствами сочетания существительных с прилагательными уже выступают, пусть пока в эмбриональной форме, новые, аналитические формы. Доказательством того, что эти факты проявляют тенденцию к развитию, является то, что в одной статье встретились четыре случая употребления аналитического прилагательного *микро-* в сочетании с разными существительными:

— А как вы применили бы ваш *микрометод*, если бы. . . («Лит. газета», 9 сентября 1961 г.); Героическое чуждо нео-

романистам. Они посвящают свое творчество *микромиру* человеческих чувств. . . (там же); . . . На этих коврах баснословных цен, под светом драгоценных люстр и живет мир человеческого планктона — мир *микрочувств* и *микродуш*. . . (там же).

III. КОЛЕБАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ОТНОШЕНИИ РОДОВОЙ ФОРМЫ

Как и в предыдущие периоды развития литературного языка, в настоящее время некоторое число существительных колеблется в своем родовом оформлении.

Ниже приводится ряд существительных, которые в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова отмечены как слова, выступающие в двух (в единичных случаях — трех) параллельных формах рода. Вместе с существительными приводятся и соответственные стилистические пометы, а также отдельные пояснения значений; звездочками отмечены существительные, не включенные вовсе или включенные только в одном родовом варианте в состав четырехтомного словаря АН СССР (1957—1961).

1. амбушюр* и амбушюра* (муз.); 2. аневризма (разг.) и аневризм* (мед.); антимоний* и антимония* (хим. устар.); 4. арабеск и (чаще) арабеска — узорчатый орнамент; 5. бакенбард (устар.) и бакенбарда; 6. барок* и (чаще) барокко (искус.); 7. ботинок и (реже) ботинка*; 8. ботфорт и (устар.) ботфорта* (истор.); 9. георгин и (редк.) георгина; 10. глюкоз* и (чаще) глюкоза (хим.); 11. грозд (устар.) и гроздь (ж. р.); 12. гум(м)иластик* и (реже) гум(м)иластика* (тех. устар.); 13. жираф и жирафа (зоол.); 14. закут и закута (обл.); 15. зал, зала и (устар.) зало*; 16. заусенец и заусеница; 17. идиом и идиома (лингв.); 18. кайла и кайло (горн.); 19. каприфолий, каприфолия* и каприфоль (ж. р.) (бот.); 20. кремальер* и кремальера* (тех); 21. культурфильм* и культурфильма* (нов.) 22. лангуст и лангуста — съедобный морской рак; 23. маниок* и маниока (бот.); 24. нашест (разг.) и нашесть — то же, что насест (обл.); 25. нутри* (нескл.) и нутрия (ж. р.) (зоол.); 26. павозка* и павозок* (обл.); 27. пазанка* и пазанок* (охот.) 28. папах* (устар.) и папаха; 29. парадигм* и (чаще) парадигма; 30. парафраз и парафраза; 31. перифраз и (чаще) перифраза; 32. пиит и пиита (книжн. ритор. устар., теперь только ирон.); 33. повёртка* и поверток* (обл.); 34. подгнёт* и подгнётка* (обл.); 35. подклет (обл.) и подклеть (ж. р.); 36. подлаз* и подлаза* (простореч.); 37. подлинь — м. и ж. р. (спец. охот.); 38. подмен и подмена; 39. примак и примака* — человек, принятый в семью жены (обл. устар.); 40. просек и просека; 41. псальм* и псальма* — то же, что кант[2] (истор.); 42. рельс и (простореч.) рельса*; 43. ретирад и ретирада (устар.); 44. санаторий и (устар.)

санатория; 45. сангвин и сангвина (живопись); 46. свербеж и свербежь* (ж. р.) (простореч.); 47. сестерций* и сестерция* (устар.); 48. скирд и скирда; 49. сомнамбул и сомнамбула (мед.); 50. спазм и спазма; 51. ставень и ставня; 52. суспензий* и суспензия (хим.); 53. табель м. р. и (устар.) ж. р.; 54. тернослив* и тернослива* (бот.); 55. титла и (чаще) титло; 56. турнюр и турнюра* (истор.); 57. фаланстер и фаланстера* (истор.); 58. фарс и (устар.) фарса*; 59. ферзь м. р. и (устар.) ж. р.*; 60. фильм и фильма; 61. хиазм* и хиазма* (лингв., анатом.); 62. чинар и чинара (бот.); 63. шлихт* и шлихта (техн.); 64. шпон и шпона (техн.); 65. ятовь (ж. р.) и ятовье (обл.).

Подавляющее большинство приведенных существительных колеблется между мужским и женским родом, только отдельные — между мужским и средним или между женским и средним.

Всего существительных с неустойчивой родовой формой — 65, следовательно удельный вес их в лексическом составе языка чрезвычайно незначителен. Надо при этом принять во внимание, что большую часть этих существительных составляют слова специального или диалектного характера, а также и то, что материалы «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова отражают, хотя и не в полной мере, длительный период развития русского литературного языка (от Пушкина до Горького), и многие из более или менее общеупотребительных слов снабжены в словаре в одной из своих родовых разновидностей пометой «устарело»; сюда относятся такие формы, как *бакенбард*, *табель* (ж. р.), *санатория*, *зало*. К этому следует еще добавить, что и материалы этого словаря к настоящему времени уже не в малой мере устарели, и ряд форм, не снабженных соответственной пометой, на самом деле уже вышли из употребления. В частности, это подтверждается тем, что, как видно из приведенного перечня, многие формы, зафиксированные в словаре, уже не указываются в новом четырехтомном «Словаре русского языка» АН СССР.

Значительный интерес представляет сопоставление родовых колебаний существительных в наше время с теми колебаниями, которые были в XIX в. и в начале нашего века. Поучительные сведения о колебаниях прежних периодов содержатся в работе В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи» (изд. 2, Пг., 1915, стр. 119—123). В. И. Чернышев приводит обширный перечень существительных с неустойчивыми формами рода, причем там содержится множество исконно русских и заимствованных слов терминологического характера, а также слов, обозначающих понятия об обиходных фактах и явлениях. Среди слов, отличавшихся неустойчивым родовым оформлением в XIX и в начале XX века, в названных источниках встречаются следующие (исконно русские и заимствованные слова приводятся раздельно):

Баранок—баранка, взяток—взятка, жар—жара, жнива—жниво, завес—завеса, заморозок—заморозка, заработок—заработка, знамень (м. р.)—знамя, испуг—испуга, кишок—кишка, ковыль (м. и ж.) —ковыл, коленка—коленко, крылец—крыльцо, моль (м. и ж.), мышь (м. и ж.), начал—начало, недоимок—недоимка, облако—облак, ожог—ожога, озимь (м. и ж.), онуч—онуча, оттенок—оттенка, перечень (м. и ж.), поступок—поступка, привес—привеса, примес—примеса, протор—протора, сенокос—сенокоса, студень (м. и ж.), хмель (м. и ж.), юнош—юноша.

Авантюр—авантюра, арьергард—арьергарда, архив—архива, атом—атома, бандероль (м. и ж.), бисквит—бисквита, бланк—бланка, бордюр—бордюра, браслет—браслета, бреш—бреша—брешь, гардероб—гардероба, госпиталь (м. и ж.), гравюр—гравюра, диагонал—диагональ, дуэль (м. и ж.), кадриль (м. и ж.), каскад—каскада, комод—комода, контроль (м. и ж.), мавзолей—мавзолея, мир—мира, молекул—молекула, отель (м. и ж.), параллель (м. и ж.), профиль (м. и ж.), спиг (м. и ж.), станс—станса, такт—такта, террас—терраса, форс—форса, фасад—фасада, флегат—фрегата, цитат—цитата, штурм—штурма, эстафет—эстафета.

Почти все приведенные слова в современных словарях даны в одной родовой форме. Сопоставительный анализ дает основание утверждать, что морфологическая структура рода сейчас значительно устойчивее и единообразнее, чем в XIX в. Это в значительной мере представляет результат проводимой в советский период большой лексикографической работы, значительно превосходящей по своему объему и социальному резонансу лексикографическую деятельность дореволюционного времени. Представляется, однако, необходимым значительно усилить организующее научно обоснованное начало в процессе ликвидации колебаний родовых форм. Подобное регулирование процесса должно прежде всего опираться на углубленное изучение объективных особенностей каждого из имеющихся вариантов, с тем чтобы отобрать тот, который в большей мере соответствует внутренним закономерностям развития и функционирования структуры рода. Но в ряде случаев существующие варианты оказываются объективно равноценными, и в этих случаях решающее значение приобретает степень распространенности и употребительности каждого из них. Это может быть установлено с помощью распространения и научной обработки специальных вопросников. Подобная работа, начатая уже давно вопросником, составленным С. П. Обнорским и Л. В. Щербой, должна быть возобновлена и значительно расширена и углублена. Все это, несомненно, приведет к тому, что значительная часть ныне колеблющихся существительных будет дана в словаре в одной только родовой форме. В тех же случаях, когда ни один из вариантов нельзя будет считать полностью исключенным, один из них в результате прове-

денного анализа можно будет охарактеризовать как более предпочтительный.

Само собой разумеется, что организованный процесс устранения случаев неустойчивости родовых форм отнюдь не должен быть распространен на те факты, когда различия в родовом оформлении связаны с семантической и стилистической дифференциацией соответственных существительных, ср.: *метод—метода*, *манер—манера*, *глист—глиста*, *зал—зала* и т. д., но все эти различия должны получить отчетливое обоснование.

IV. ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЯЕМОСТИ КАТЕГОРИИ РОДА В ОТНОШЕНИИ СТРУКТУРЫ И ОХВАТА ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА

В процессе изменяемости категории рода надо различать две стороны: а) изменения в структуре, б) изменения в охвате лексического состава.

К структурным относятся такие изменения, как исчезновение форм рода у существительных множественного числа, изменение форм рода у существительных типа *воевода*, *владыка*, *судья*, переход существительных с суффиксами *-ишко*, *-ище*, *-ло* из сферы среднего в сферу мужского рода.

Такие изменения структуры в сфере литературного языка наблюдаются и в настоящее время. Здесь должны быть упомянуты: а) морфологическое переоформление слов мужекого рода с суффиксом *-ишко*, *-ло* по парадигме склонения существительных на *-а*: *домишко*, *домишки*, *домишке* и т. д.; б) обусловленный переходом в средний род слов из других частей речи, а также взаимодействием с категорией безличности процесс дальнейшей формализации значения среднего рода, превращения формы среднего рода в «форму ради формы» [20], в) сюда же надо отнести те явления, которые А. М. Пешковский называл в свое время возникновением самостоятельных форм рода у глаголов: *врач пришел—врач пришла*.

Необходимо, однако, иметь в виду, что характерной чертой структурной изменяемости категории рода в литературном языке является ее предельная заторможенность действующими нормами. Действуя с силой, не уступающей силе юридических законов, нормы всемерно сдерживают любые проявления изменяемости в языке, который и сам по себе представляет «консервативную стихию». По меткому выражению Е. Д. Поливанова, отличительная черта развития литературного языка заключается, в частности, в том, что он с течением времени все меньше развивается. История дает немало поучительных примеров, свидетельствующих о том, что многим активным процессам изменяе-

[20] См. об этом подробнее: В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. — Л., 1947, стр. 83 и далее.

мости грамматических категорий, протекавшим в живой народной речи, господствовавшими нормами преграждался путь в литературный язык. Это же наблюдалось и в сфере категории рода.

В этой связи представляется необходимым подвергнуть критическому разбору некоторые содержащиеся в лингвистической литературе высказывания, в которых, как нам представляется, без достаточных оснований распространены на литературный язык процессы, протекающие в родовой структуре диалектов.

Известно, что в русской народно-диалектной речи уже в течение длительного времени интенсивно протекают процессы, направленные к исчезновению форм среднего рода вследствие замены их формами женского и мужского рода.

Эти процессы уже с конца прошлого столетия привлекали к себе внимание лингвистов и являлись объектом исследования и описания в работах А. И. Соболевского, Н. Н. Дурново, С. П. Обнорского, в статьях Н. П. Гринковой, С. С. Высотского и ряда других авторов. Некоторые исследователи, однако, полагают, что данные процессы из народной речи проникли и в литературный язык и произвели в его родовой структуре глубокие изменения. Наиболее категорично высказали такую точку зрения С. П. Обнорский и М. Н. Петерсон. Так, С. П. Обнорский в своей насыщенной богатым материалом работе о русском именном склонении, утверждает:

«В литературном языке, с его южновеликорусским по происхождению вокализмом, категория среднего рода находится в начальном процессе разрушения. Ср. имена на *-ко*, *-ло*, *-ище* и многие другие факты перехода первоначальных имен среднего рода на *-о* преимущественно в категорию имен женского рода на *-а*. Нет никакого сомнения в том, что если бы не известная традиция языковых форм и не нормы грамматик, следов разрушения категории среднего рода в литературном языке было бы значительно более.

В живой южновеликорусской речи особенно сильно разрушение категории рода, в частности именно среднего рода вплоть до полного его — в отдельных говорах — исчезновения из языка.

Категория среднего рода, таким образом, как общий результат, в современной стадии русского языка в южновеликорусской области и отчасти в литературной речи должна быть признана наименее жизненной и жизнеспособной» [21].

Из цитированных положений следует, что к фактам разрушения категории среднего рода С. П. Обнорский относит не только переход имен с суффиксами субъективной оценки *-ко*, *-ло*, *-ище*, но и многие другие факты перехода из среднего рода существительных с ненаконечным ударением, а затем и с ударе-

[21] Именное склонение в современном русском языке, вып. I. М.—Л., 1927, стр. 65—66.

нием на конце. При этом совершенно определенно указывается, что эти факты характерны не только для народной речи, но в значительной мере и для литературного языка. В качестве иллюстраций приводятся некоторые цитаты из литературных произведений, например: «Какую ты имеешь *полную праву?*» (Л. Толстой. Власть тьмы); «А на нем *пятно черная* около правого уха» (И. Бунин. Ночной разговор) и др.

Подобного рода фактов в литературных произведениях, действительно, немало; в частности, значительное число их содержится и в произведениях советской литературы. Вот ряд примеров из произведений советских писателей.

Не боишься — гони меня на улицу. Чорт с ней и с *хозяйствой*. Пущай все падает (А. Неверов. Бабы. М., 1923, стр. 40); Шла сейчас я *мимо училищи*, а уж там идет, там идет. Песни какея-то поют, топают, руками машут (А. Неверов. Захарова смерть. М., 1923, стр. 62); Ребята. . ., у нас *плохая положения*, веселей надо, ребята. . .» (И. Бабель. Избранное, М. 1957, стр. 127); Дунь, приходи *в училищу* завтра вечером (А. Неверов. Шкрабы. М., 1925, стр. 22); — Игнатка, ой мы не люди. Которые живут у городу; там у них *вся богатства*, там музыка, там гулянье, девок всему обучают. . . (А. С. Серафимович. Рассказы о прошлом. М., 1937, стр. 308); Мы теперь сами навыкли *яичку* есть; *ее* сварить надо, а потом с сольцой, с сольцой ее, окаянную (Л. Леонов. Соть. М. 1932, стр. 136); Ты ж не нашего саду *яблок*. Ты ж оттуда. . . (Л. Леонов. Соть, стр. 90); . . . Сначала скотину заставят обществить, бабоньки, а после и под *общую одеялу* спать загонят. Это мне верный человек говорил. . . (М. Шолохов. Собр. соч., т. 8. М., 1959, стр. 180); И начикал я мигом *полнёхонькую ведерку* (М. Волков. Заковыка. М., 1923, стр. 40); — Должно, не похожая на турецкую выйдет война. Теперь ить вон *какая оружия* пошла (М. Шолохов. Тихий Дон, т. 1. М., 1936, стр. 241); Я его и ширнул концом палаша в глотку. . . Как *в чучелу* ширнул, а вышло — живого человека снял с земли. . . (М. Шолохов. Собр. соч., т. 8, стр. 10); — Знаешь, брат, что это — атаман ихний Карла. . . — вот запамятовал *прозвищу*. . . (М. Шолохов. Тихий Дон, т. 1, стр. 159).

Все приведенные цитаты, несомненно, являются яркими иллюстрациями фактов перехода существительных среднего рода в женский и мужской род. Однако нет оснований считать их фактами литературного языка. Все они встречаются не в авторской речи, а только в речи персонажей, притом только таких, которые явно не являются носителями литературного языка. Не подлежит сомнению, что подчеркнутые выражения для каждого носителя литературного языка выступают как резко противо-

речащие «традиции языковых форм и норм грамматики», и поэтому реальными фактами литературного языка считаться не могут.

Представляется, что из приведенных положений С. П. Обнорского, очень выразительно обобщающих тенденции развития категории рода в народной речи, в применении к литературному языку является актуальным вывод о том, что из всех категорий рода в современной стадии развития категория среднего рода должна быть признана наименее жизненной и жизнеспособной. Однако это обусловлено не только и даже не столько упомянутыми на стр. 54 структурными изменениями, сколько меньшим (в несколько раз!) ростом лексического состава категории среднего рода, по сравнению с мужским и женским, что в значительной мере зависит от действия внеязыковых факторов.

Расширение или сужение лексического состава [22], охватываемого различными родами (мужским, женским или средним), зависит прежде всего от того, в какой мере словообразовательные модели, относящиеся к тому или иному роду, способны удовлетворить потребности в обозначении возникающих в процессе общественного развития новых понятий. Очевидно, что чем бóльшим кругом словообразовательных возможностей обладает тот или иной род, тем бóльшая часть новой лексики будет вовлечена в его сферу.

V. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ РОДОВЫХ КАТЕГОРИЙ К РАСШИРЕНИЮ СВОЕГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ОБЪЕМА

Для исследования динамики развития каждого отдельного рода в отношении охвата лексического материала был подвергнут статистическому анализу, с одной стороны, весь современный состав существительных, с другой стороны, состав существительных-неологизмов советской эпохи. Ведь именно неологизмы показательны в отношении потенции каждого рода в охвате вновь возникающей лексики.

Всего по материалам обследованных современных словарей зафиксировано 33 952 существительных. По отдельным родам они распределяются следующим образом: мужского рода — 15 600 (46%), женского рода — 13 884 (41%), среднего рода — 4468 (13%). Следовательно, большинство существительных относится к мужскому и женскому родам, которые по количественному охвату существительных сравнительно мало отличаются друг от

[22] Могущее возникнуть возражение, что лексический состав, охватываемый отдельными грамматическими категориями, не может являться объектом грамматического исследования, несостоятельно. Лексический материал изучается здесь не сам по себе, а как мерило объема и продуктивности грамматических категорий.

друга, между тем как средний род охватывает относительно незначительную группу существительных.

Несколько иные соотношения обнаружил С. С. Высотский в результате анализа группировки по родам имен существительных, употребляемых в разговорной речи крестьянской среды [23]. Всего им было проанализировано 5049 существительных, которые по отдельным родам распределяются следующим образом: мужской род — 2006 (40%), женский род — 2225 (44%), средний род — 818 (16%). Как видно, резких расхождений в распределении слов по родам нет. Различие только в том, что в литературном языке несколько преобладает мужской род, в крестьянской речи — женский [24]. Нельзя, конечно, упускать из виду, что данные С. С. Высотского характеризуют только группу диалектов крестьянской речи.

Общее количество существительных-неологизмов, обнаруженных в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова, — 869. По отдельным родовым группам они распределяются следующим образом: мужского рода — 495 (57%), женского рода — 285 (33%), среднего рода — 89 (10%). Таким образом, только у существительных мужского рода удельный вес неологизмов выше удельного веса общего числа существительных: 46%—57%; у существительных женского и среднего рода обратные соотношения: 41%—33%; 13%—10%. Процент всех неологизмов по отношению к общему числу существительных — 2,5; по отдельным родовым группам соответственно: 3,2%—2%—1,9%. В следующей таблице все эти данные сопоставлены.

Весь материал существительных-неологизмов был подвергнут семантической классификации, целью которой является выяснение конкретных возможностей каждого отдельного рода в оформле-

---

[23] См.: С. С. Высотский. Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы. — «Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР», вып. I, 1948, стр. 86—87.

[24] В этой связи обращает на себя внимание то, что некоторые слова, вошедшие в последнее время в обиход, относятся в литературном языке к мужскому роду, а в народной речи — к женскому. Ср. отражение этих фактов в произведениях литературы:

Одна, говорят, надежда на *бронипоезду* (Вс. Иванов. Бронепоезд 14—69. Избранное. М., 1948, стр. 9); Он сел на камень подле китайца, сказал: — Подбери ноги, штаны измочишь. Пошто на *митингу* не шел, Сенька? (там же, стр. 30); — Вот замылют вас да еще в тюрьме за *большевизму* насидитесь! Шутки шутите? Время, вишь какое... (М. Шолохов. Тихий Дон, т. II, стр. 340); — Сама такая не живет и другому *горизонту* портит, — рассуждает о Фросе Кутузов (Д. Лаврухин. По следам героя. Л., 1932, стр. 234); Почему такое кость моя туго срастается? Видать плохо вы ее *гипсой* обложили (М. Шолохов. Собр. соч., т. 8, стр. 192); ... Иной раз в праздник соберемся мы, пожилые казаки, ну, выпьем на складчину *по литре* на брата, про старое вспомянем... (М. Шолохов. Собр. соч., т. 8, стр. 183); ...Конкретно за границей, где *социализму*, промежду прочим, не строют... (Л. Леонов. Соть, стр. 98).

Род	Количество существительных	Процент по отношению ко всем существительным	Количество неологизмов	Процент по отношению ко всем существительным данного рода	Процент по отношению ко всем неологизмам
Мужской . . .	15600	46	495	3,2	57
Женский . . .	13884	41	285	2,0	33
Средний . . .	4468	13	89	1,9	10
	33952	100	869	2,5	100

нии вновь возникших слов. Выделены четыре семантических разряда, среди которых может быть распределена, конечно при широкой и несколько условной трактовке установленной семантической рубрикации, вся совокупность неологизмов: 1) обозначения отдельных лиц, 2) обозначения предметов, 3) обозначения предприятий, коллективов, учреждений, 4) обозначения отвлеченных понятий. Ниже приводятся неологизмы каждого из семантических разрядов, распределенные по отдельным родовым группам. К неологизмам отнесены и слова, приобретшие в советскую эпоху дополнительные значения.

1. Обозначения отдельных лиц по тем или иным признакам

К мужскому роду относятся: активист, алиментщик, аллилуйщик, антиобщественник, антирелигиозник, безбожник, безотрывник, белобандит, беседчик, беспредметник, беспризорник, бетонщик, болельщик, бракодел, браток, бригадник, бузотер, бумажник, валютчик, вечерник, внешкольник, водник, военком, военкор, военмор, военрук, военспец, воздушник, волокитчик, врид, втузовец, вузовец, выдвиженец, выпускник, высотник, генштабист, главком, групповод, движенец, деловик, деловод, деревообделочник, децернент, дорожник, достройщик, дошколенок, дошкольник, единоличник, жанровец, живоцерковник, зав, завкомовец, завхоз, загибщик, заимодержатель, замнарком, заочник, звеновик, звеньевой, значкист, золотопогонник, избач, индивидуал, исполкомщик, киноактер, киноартист, кинооператор, кинорежиссер, киоскёр, колхозник, комбат, комбриг, комдив, комполка, комсомолец, корниловец, краском, красноармеец, краснознаменец, краснофлотец, кружковец, кружковод, культармеец, культработник, культурник, культшеф, куркуль, курсант, лакировщик, левак, ленинец, лесник, летун, ликбезник, лишенец, мариец, массовик, мешочник, миллионер, многостаночник, милиционер, нарком, нацмен, невозвращенец, нэпман, областник, обновленец, общественник, одногодичник, одноклубник, октябренок, операционист, оптант, опытник, орденоносец, основник, отлич-

ник, отопленец, отпускник, охранник, очеркист, очковтиратель, парашютист, паритель, парторг, партработник, партиец, педагог, перегибщик, передвижник, переменник, перерожденец, перестраховщик, пионер, пионерактивист, пионервожатый, плакатист, плакатчик, планерист, плановик, подкулачник, подшефник, политзаключенный, политкаторжанин, политотделец, политпросветработник, политпросветчик, политработник, политредактор, политрук, политэконом, пом, помзав, помбух, помнач, попутчик, портовик, порученец, посельчанин, починщик, почтовик, правозаступник, продавец, продовольственник, проектант, производственник, прораб, просвещенец, профбюрократ, профорг, профорганизатор, профработник, профсоюзник, профуполномоченный, рабкор, рабселькор, раббаковец, радиозаяц, радиолюбитель, радиослушатель, радиоустановщик, радиофоник, радист, рейдовик, рекордист, репатриант, рядовик, саботажник, санаторник, санврач, сверхурочник, связист, североморец, сезонник, секционер, селькор, сельсоветчик, середняк, середнячок, слаботочник, сменовеховец, снабженец, совработник, сопротивленец, соцсовместитель, спартаковец, спец, спецеед, стажер, стажист, сталинец, старорежимец, старорежимник, староцерковник, стахановец, стенгазетчик, стратонавт, стратоплаватель, страхделегат, табачник, танкист, твердозаданец, театровед, текстолог, телетайпист, техник-интендант, технорук, тонмейстер, торгпред, тракторист, трестовик, туалетчик, уклонист, управдел, управделами, управдом, уравниловец, утильщик, учетчик, учредиловец, фабзавучник, фашист, физкультурник, финработник, финагент, фининспектор, фотокорреспондент, фотолюбитель, фоторепортер, функционер, химизатор, хлебозаготовитель, хлебосдатчик, хлопкороб, хозяйственник, хронометражист, частник, цекист, чекист, чернорубашечник, швейник, экскурсовод, юнкор, юннат.

К женскому роду относятся: активистка, алиментщица, аллилуйщица, антирелигиозница, безбожница, бузотерка, буржуйка, вузовка, выдвиженка, горянка, дошкольница, женделегатка, значкистка, киноактриса, киноартистка, колхозница, комсомолка, кружковка, культработница, ленинка, лишенка, марийка, милиционерка, многостаночница, националка, нацменка, нэпманша, операционистка, оптантка, орденоноска, отличница, очеркистка, парашютистка, партийка, перерожденка, пионерка, планеристка, платьевщица, пловчиха, политпросветчица, производственница, просвещенка, рабфаковка, рекордистка, репатриантка, саботажница, санаторница, связистка, секционерка, селькорка, середнячка, совбарышня, стажерка, стажистка, стахановка, стационарка, табачница, техничка, трактористка, туалетчица, уклонистка, утильщица, фашистка, физкультурница, функционалка, хронометражистка, чекистка, швейница.

Слов, относящихся к среднему роду, в этом семантическом разряде нет.

2. Обозначения коллективов, учреждений, предприятий

К м у ж с к о м у р о д у относятся: актив, ВИК, военкомат, втуз, вуз, вытрезвитель, генштаб, гидрофлот, главк, группком, децернат, дозавуч, драмкружок, жакт, женотдел, жилсоюз, завком, загс, зверосовхоз, зоопарк, зоосад, избирком, исполком, исправдом, кафетерий, кинотеатр, колхоз, комбед, комбинат, комсомол, комсостав, конесовхоз, концлагерь, крестком, культпром, культфонд, лесозавод, ликпункт, местком, микрорайон, мясозавод, наркомат, начсостав, обком, овцесовхоз, партактив, партколлектив, партком, парторган, партсъезд, педвуз, пединститут, педтехникум, педфак, пионеротряд, политотдел, политпросвет, политсостав, продотряд, профактив, профбюро, профком, профорган, профсоюз, профилакторий, рабкооп, рабфак, радиофонд, радиоконцерт, радиомаяк, радиотеатр, радиоузел, радиоцентр, райком, район, райсовет, ревком, рик, свеклозавод, свинозавод, секретариат, сельмаг, сельсовет, сельхоз, семфонд, совдеп, совнарком, совсод, совхоз, стационар, танкодром, техникум, техперсонал, улус, утильзавод, утильцех, учком, фабзавком, фабзавуч, фабком, финотдел, хлебозавод.

К ж е н с к о м у р о д у относятся: автострада, аспирантура, аэропочта, братва, гидростанция, заградиловка, киносеть, кинофабрика, компартия, комсомолия, комфракция, комячейка, конармия, культячейка, многолавка, мотокада, мотопехота, новостройка, однолавка, палата, партколлегия, партконференция, парторганизация, партшкола, партячейка, передвижка, пионерия, политредакция, политчасть, политшкола, прослойка, профорганизация, профтехшкола, профшкола, рабсила, рада, радиосеть, санчасть, сберкасса, свиноферма, совпартшкола, спецшкола, страхкасса, учредилка, учредиловка, фабрика-кухня, централь, чека, юнсекция.

К с р е д н е м у р о д у относятся: домоуправление, заводоуправление, звено, отделение, партсобрание, педучилище, политбюро, политуправление, производство, профсобрание, сельпо, сенохранилище, середнячество, телекино, торгпредство.

3. Обозначения предметов (в обиходном смысле слова)

К м у ж с к о м у р о д у относятся: боевик, громкоговоритель, вездеход, грузовик, дензнак, заменитель, кожимит, коротковолновик, культурфильм, лежак, линкор, мандат, нейтрон, обрез, партбилет, полутораплан, профбилет, радиопеленгатор, радиопередатчик, радиоприемник, радиотелефон, самолет, светофор, сенокопнитель, сенонагрузчик, сеноподъемник, сеноспособиратель, сенофураж, снегоход, сталинит, стогометатель, стратодирижабль, стратоплан, стратостат, сучкорез, телеавтограф, телепередатчик,

торфолеум, турбовоз, утиль, форд, фордзон, фордик, фототелеграф, хлебофураж, хлопкокомбайн, ширпотреб.

К женскому роду относятся: агитка, времянка, жилплощадь, зарплата, картофелесажалка, квартплата, кинопередвижка, курсовка, буденовка, летучка, майка, манка, малолитражка, многотиражка, николаевка, пластмасса, площадка, прозодежда, путевка, радиовышка, радиогазета, радиограмма, радиола, радиолампа, радиопередвижка, радиоустановка, рампа, сберкнижка, сеносушилка, сенотаска, спецодежда, спецставка, стенгазета, стенновка, танкетка, турбовоздуходувка, физкультурка, фотокарточка, цеховка.

К среднему роду относятся: галифе, семзерно, утильсырье, эскимо.

4. Обозначения отвлеченных понятий

К мужскому полу относятся: активизм, главкизм, замер, копиручет, крекинг, ленинизм, либерализм, ликбез, листаж, литмонтаж, метраж, недовыпуск, недоучет, отсев, парашютизм, планетаризм, политехнизм, рекордизм, типаж, уклонизм, фашизм, фордизм, фотомонтаж, фоторепортаж, хозрасчет.

К женскому роду относятся: активизация, бескоровность, бесплановость, договоренность, значимость, картофелезаготовка, киносъемка, кинофикация, коллективизация, корниловщина, кустарность, кустарщина, большевизация, бомбежка, военизация, кинотехника, лесозаготовка, ликвидность, массобоязнь, массовость, машинизация, мясозаготовка, национализация, недовыработка, недоговоренность, неувязка, общественность, озимизация, оптация, очередность, партучеба, перевооруженность, перегрузка, переквалификация, перестройка, плановость, подкованность, политехнизация, политучеба, поточность, продразверстка, проработка, профвредность, радиография, радиоперекличка, радиотехника, радиофикация, репарация, репатриация, самокритика, самоокупаемость, самоуспокоенность, светомаскировка, сенозаготовка, сеноуборка, снегоборьба, снегоочистка, советизация, стажировка, старорежимность, стихология, текстология, телемеханика, теплофикация, техпропаганда, тракторизация, украинизация, уравниловка, фашизация, фордизация, химизация, хлебосдача, хлебозаготовка, хлебоуборка, шерстезаготовка, яйцезаготовка.

К среднему роду относятся: бузотерство, вредительство, выдвиженчество, выявление, деловодство, делячество, домостроение, жилстроительство, занижение, захоронение, комчванство, культурничество, кустарничество, левачество, молочение, недовыполнение, облучение, обновленчество, обрастание, обслуживание, овощеводство, опытничество, орабочение, оформление, очковтирательство, отстаивание, перевыполнение, перезахоронение, перерожденчество, планирование, попутничество, пораженчество,

правозаступничество, приспособленчество, профдвижение, профобразование, профпросвещение, радиовещание, радиопеленгирование, разукрупнение, районирование, саботажничество, саботирование, самолетовождение, самолетостроение, самообложение, самоуплотнение, самоустранение, селькорство, сменовеховство, снегование, снегозадержание, соцсовместительство, соцсоревнование, соцстроительство, спецеедство, стратоплавание, танковождение, театроведение, телевидение, телевещание, тракторострение, турбобурение, ударничество, укрупнение, упрощенчество.

Существительные, относящиеся к этим четырем семантическим разрядам, составляют подавляющее большинство всех неологизмов (87%). Остальные неологизмы объединяются в мелкие семантические группы, поэтому с точки зрения распределенности семантических разрядов неологизмов по родам они не характерны. Отметим только, что существительные мужского рода составляют там 60%, а женского — 40%.

Приведенные перечни показывают, что около 36% всех неологизмов составляют обозначения лица; это означает, что наибольшее число возникших в советскую эпоху новых понятий составляют понятия о лице, характеризуемом под углом зрения разнообразных проявлений общественной жизни. Вполне естественно, что в революционную эпоху в условиях чрезвычайно активной общественной деятельности и коренного преобразования форм социальной, производственной и культурной жизни возникла потребность в образовании большого количества новых слов для названия человека в его разнообразных новых функциях. Все множество новых обозначений лица оформлялось по уже сформировавшимся к тому времени или еще только формировавшимся тогда морфологическим моделям категории мужского рода. По справедливому замечанию В. В. Виноградова, «в категории мужского рода очень заметно значение социально активного лица» [25].

Следует здесь отметить, что вследствие оформления неологизмов со значением лица по морфологическим моделям мужского рода рост этого разряда слов в русском языке не расширяет несоответствие между морфологическими и синтаксическими формами обнаружения мужского рода, что наблюдается в ряде других славянских языков, где неологизмы со значением лица образуются во многих случаях по моделям женского рода. Ср. русск. *тракторист*, польск. *traktorzysta*, чешск. *traktorista*, сербско-хорватск. дублетное *тракторист(а)*, болг. *тракторист*; русск. *активист*; польск. *aktywista*, чешск. *aktivista*, болг. *активист*; русск. *рекордист*, польск. *rekordzista*; русск. *радист*, польск. *radiotelegrafista*, русск. *парашютист*, чешск. *parašutista*; русск. *танкист*, чешск. *tankista*, сербско-хорв. *теткист(а)*, болг. *танкист* и т. д.

---

[25] См.: В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове), стр. 68.

Содержащиеся в данном семантическом разряде существительные женского рода типа *активистка*, *антирелигиозница* в качестве обозначений лица существенно отличаются от соответственных существительных мужского рода. Ведь значение лица эти существительные женского рода унаследовали от своих производящих основ, а их собственные деривационные значения сводятся к указанию на принадлежность лица к женскому полу [26].

Поскольку изучаемым объектом в данном разделе являются асемантические родовые формы, здесь не место анализировать вопрос о том, почему среди 247 существительных мужского рода со значением лица только 69 имеют коррелятивные формы женского рода, а также специфику этого типа корреляций в отличие от других; это относится к проблематике раздела о семантических родовых противопоставлениях. Здесь должно быть только установлено что в наиболее многочисленном разряде неологизмов со значением лица 247 относятся к мужскому роду, 69 — к женскому, а существительных среднего рода здесь, естественно, нет вовсе.

В разряде слов, обозначающих коллективы, предприятия, учреждения, также резко выделяется по количеству охватываемых неологизмов мужской род. К нему относится 106 существительных, к женскому — 49, к среднему — 15. В разряде неологизмов, обозначающих предметы, число существительных мужского и женского рода почти одинаково: к первому относится 51, ко второму — 43 неологизма; количество существительных среднего рода здесь весьма незначительно — всего 4. Только в разряде слов, обозначающих отвлеченные понятия, находим существенно иные отношения: здесь на первом плане существительные женского рода — 78, довольно велико число существительных среднего рода — 67, а группа существительных мужского рода самая малочисленная — 24.

Следующая таблица содержит все данные о распределении основных семантических разрядов неологизмов по отдельным родовым группам:

Семантический разряд	Род			
	Мужской	Средний	Женский	Общее число
Обозначения лица	247	—	69	316
Обозначения коллективов, предприятий, учреждений	106	15	49	117
Обозначения предметов	48	4	40	92
Обозначения отвлеченных предметов	24	67	78	169

[26] Это не относится только к трем существительным; *женделегатка*, *платьевщица*, *техничка*, что объясняется в каждом случае специальными причинами.

Таким образом, анализ неологизмов XX века, проведенный с целью выяснения имеющихся у отдельных категорий рода возможностей удовлетворять потребности в обозначении явлений, возникающих во всех областях современной действительности, показал, что наиболее продуктивной является категория мужского рода. Во всех основных разрядах новообразований слов, кроме разряда слов, обозначающих отвлеченные понятия, наибольшая часть слов оформляется по моделям мужского рода. Следует указать, что и в разряде слов с отвлеченными значениями возможности категории мужского рода довольно значительны. Надо принять также во внимание, что в группе слов, не включенных в основные семантические разряды, довольно большое количество слов мужского рода имеет значения, в значительной мере отвлеченные. Женский род также обнаруживает значительную продуктивность во всех семантических разрядах.

Наименьшей продуктивностью отличается категория среднего рода. Из разряда слов со значением лица она исключается вовсе, в семантическом разряде предметности ее возможности микроскопичны, в области обозначений коллективов и учреждений ее возможности также весьма незначительны. Только в разряде отвлеченных понятий категория среднего рода обнаруживает значительную продуктивность. Именно этим объясняется большой удельный вес существительных среднего рода в различных жанрах книжного языка. Есть основание полагать, что в этих жанрах значение категории среднего рода не должно убывать. Более того, ряд обстоятельств свидетельствует о том, что темпы снижения удельного веса категории среднего рода и в других жанрах литературного языка будут предельно медленны. Ведь в настоящее время различные жанры литературного языка в несравненно большей мере влияют друг на друга, чем в прежние периоды развития литературного языка. А это приводит к тому, что многие слова с отвлеченным значением широко употребляются во всех жанрах языка, в том числе и в разговорной литературной речи. Ср. широкую распространенность как в книжном, так и в разговорном языке таких оформленных по моделям среднего рода слов, как *соцсоревнование*, *голосование*, *собрание*, *чтение*, *разрешение*, *получение*, *умножение*, *вычитание*, *увеличение*, *домоуправление*, *выполнение*, *выдвижение*, *строительство*, *обслуживание*, *самообслуживание*, *кустарничество*, *бузотерство*, *рвачество* и многие подобные. Все эти обстоятельства поддерживают некоторую степень продуктивности и у наиболее слабой в общей структуре рода категории среднего рода.

VI. О СЕМАНТИЧЕСКИХ РОДОВЫХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯХ

Все семантические родовые противопоставления объединены тем, что родовые формы облечены в них семантикой различий по признаку пола, однако по своим структурным особенностям они

образуют несколько существенно отличающихся друг от друга типов. Различия отдельных типов представлены в следующей схеме:

Iа. *Новый дежурный пришел — новая дежурная пришла*;

Iб. *Опытный тракторист работал — опытная трактористка работала.*

IIа. *Противный* плакса *заревел — противная* плакса *заревела.*

IIб. *Наш* врач *приехал — наш*(а) врач *приехала.*

В противопоставлениях типа I родовые различия получают синтаксико-морфологическое выражение (противопоставлен морфологический облик существительного и поясняющих его слов), в противопоставлениях типа II родовые различия получают только синтаксическое выражение (морфологический облик существительного неизменен).

Как показывает приведенная схема, в противопоставлениях типа I в зависимости от морфологического облика существительного выделены 2 подтипа: в первом подтипе родовая противопоставленность выражена формообразующими по своей исконной функции морфемами (*дежурный — дежурная*), во втором подтипе выступает корреляция существительных с типичными морфемами словообразовательного характера (*тракторист — трактористка, лев — львица*). Однако, как будет показано ниже, и эти парные образования выступают как словообразовательные корреляции sui qeneris.

Противопоставления типа II, где род различается только синтаксически, подразделены на 2 подтипа в зависимости от существенных различий в значении и форме существительных, лежащих в основе этих противопоставлений: *задира вошел — вошла, врач вошел — вошла.*

Каждая из приведенных разновидностей семантических родовых противопоставлений обладает множеством разнообразных особенностей, требующих детального анализа. В рамках данной статьи, в силу ограниченности места, первые три подтипа получают только самую общую характеристику и только четвертый подтип, получивший значительное развитие в нашу эпоху под влиянием социального фактора, будет подвергнут более развернутому анализу.

I. Противопоставления подтипа Iа (*дежурный — дежурная* и под.) распространяются на незначительную группу (в пределах ста) субстантивированных прилагательных и причастий со значением лица, характеризуемого по разнообразным признакам (по определенному занятию, профессии, физическому состоянию и т. д.).

Вот перечень многих относящихся к этому подтипу существительных, составленный по материалам «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова: арестованный, беглый, безработный, белый, беспартийный, беспризорный, благоверный,

больной, ведущий, верноподданный, верховой, военный, вожатый, возлюбленный, вошедший, глухой, горбатый, гулящий, дежурный, душевнобольной, заведующий, заключенный, звеньевой, знакомый, командированный, контуженный, кормчий, курящий, лесничий, неизвестный, незнакомый, некурящий, немой, новобрачный, новорожденный, обвиняемый, одержимый, отдыхающий, пионервожатый, политический, поверенный, подданный, подопечный, подручный, подсудимый, пострадавший, посыльный, первый (и другие порядковые числительные), председательствующий, приезжий, проезжий, прокаженный, прохожий, рулевой, связной, слепой, служащий, ссыльный, суженый, сыпнотифозный, тифозный, трудящийся, убитый, уголовный, управляющий, учащийся, ученый, умалишенный, уполномоченный, утопающий, штурвальный.

Чрезвычайно сложным оказывается решение вопроса, являются ли члены корреляции *дежурный — дежурная* разными словами или разными формами одного слова. Здесь должны быть учтены и характер того категориального значения, которым эти образования противопоставлены друг другу, и способы выражения (оформления) противопоставленных значений.

Как известно, с точки зрения семантики, различие слов зиждется на обозначении разных «предметов», меж тем как различие форм слов заключается в обозначении разных «отношений» при идентичности обозначаемого предмета [27]. Различия в значении образований *дежурный — дежурная* с трудом поддаются определению при применении данного критерия. В самом деле, они могут квалифицироваться как различия того и другого характера. Представляется, однако, что различия в обозначении отношений здесь все же превалируют. В самом деле, сопоставление корреляций типа *дежурный — дежурная*, *больной — больная*, с одной стороны, и *супруг — супруга*, *тесть — теща*, с другой стороны, показывает, что различие в отношении к полу во втором случае отчетливо влечет за собой разницу лексических значений, а в первом случае это различие отношения значительно менее существенно для обозначения лица по признаку занятий или специальности и поэтому в чрезвычайно малой степени затрагивает предметное (лексическое) значение и, следовательно, остается в основном только р а з л и ч и е м в о б о з н а ч е н и и о т н о ш е н и я. Таким образом, различия в значении *дежурный — дежурная*, характер которых под рассматриваемым углом зрения трудно со всей определенностью установить, все же приходится считать в большей степени реляционным, чем деривационным. Что же касается способа выражения этих различий, то он, несомненно, по своей природе должен быть отнесен к группе реляционных средств языка, так как морфемы *-ый—-ая* разносят члены этой

[27] См. об этом подробнее: А. И. С м и р н и ц к и й. Указ соч., стр. 20 и далее.

корреляции по двум противопоставленным парадигмам. Таким образом, анализ существа объективных возможностей отнесения корреляции типа *дежурный — дежурная* к группе деривационных или реляционных приводит к выводу, что будучи в значительной мере синкретичными по своему характеру, они все же ближе ко вторым, чем к первым.

Безоговорочная характеристика А. И. Смирницким образований *больной — больная* как разных слов не представляется адекватным отражением соотношений членов этой корреляции. Автор, аргументируя свою точку зрения, приводит следующие соображения: «Максимальный сдвиг в сторону грамматичности (еще больший, чем в типе *причудник — причудница*, выделенном академиком В. В. Виноградовым) наблюдается в случаях типа *больной — больная* («этот новый больной», «та же больная, что приходила вчера»), т. е. когда данные существительные образованы субстантивацией качественного прилагательного (или причастия: ср. *учащийся — учащаяся*) в формах мужского и женского родов (в отличие от таких случаев, как *ученый*, где использована форма только мужского рода: «Она выдающийся ученый»); ср. также *русский — русская*. В таких случаях можно было бы как будто предположить тождество слова в парных образованиях мужского и женского родов, т. е. грамматическое изменение существительных по родам. Однако давление всей системы соотношений, характерных для существительных, и то обстоятельство, что принадлежность к тому или другому полу вообще есть реальный признак, делают и те существительные, которые образованы из прилагательных путем субстантивации, неизменяемыми по родам, но принадлежащими к тому или другому роду и, следовательно, л е к с и ч е с к и обозначающими принадлежность лица к определенному полу»[28].

Видимо, А. И. Смирницкий в приведенных рассуждениях не учитывает того обстоятельства, что система родовых соотношений, характерных для существительных как отдельного грамматического класса, отнюдь не единообразна. Как это показывалось подробно выше, имеется существенное различие между родовыми соотношениями в семантических и асемантических противопоставлениях.

Вывод о том, будто в корреляции *больной — больная* родовая противопоставленность носит лексический характер вследствие давления системы соотношений, характерных для класса существительных в целом, представляется результатом неправомерного, на наш взгляд, перенесения закономерностей одного яруса родовой структуры на другой.

Второй из приведенных автором доводов в защиту своей точки

---

[28] А. И. С м и р н и ц к и й. Лексическое и грамматическое в слове, стр. 28.

зрения, заключающийся в том, что «принадлежность к тому или другому полу вообще есть реальный признак», не может считаться убедительным при анализе характера соотношений парных образований, являющихся единицами языковой системы. Ведь языковые единицы не представляют собой прямое, «зеркальное» отражение тех или иных элементов реального мира.

2. В отличие от весьма малочисленных корреляций подтипа Iа, корреляции подтипа Iб (*учитель — учительница, лев — львица*) охватывают несравненно большее число существительных. Большинство из них также являются названиями лица по определенному признаку, однако сюда относится и некоторое число названий животных. Это единственная подгруппа семантических родовых корреляций, выходящая за рамки категории лица.

Для выяснения сходства и различия корреляций подтипов Iа и Iб показательно сопоставление двух корреляций, относящихся к разным подтипам, но лексически однородных: *беспризорный — беспризорная* || *беспризорник — беспризорница*. Семантически почти одинаковые соотношения членов корреляции, выраженные в подтипе Iа словоизменительными морфемами, получают в подтипе Iб выражение морфологическими средствами, типичное для системы словообразования.

Исходя из того, что способ выражения имеет большое, а в ряде случаев и решающее значение для формирования существа той или иной языковой единицы, можно корреляции подтипа Iб, в отличие от корреляций подтипа Iа, безоговорочно отнести к группе корреляций, носящих словообразовательный характер.

Вместе с тем большая семантическая близость соотношений членов корреляций подтипов Iа и Iб (ср. *незнакомый — незнакомая* и *незнакомец — незнакомка*), граничащая с семантическим тождеством этих соотношений, с одной стороны, и, с другой стороны, функциональное тождество синтаксико-морфологического и только синтаксического обнаружения родовой противопоставленности, отчетливо выступающее при сравнении фактов, относящихся к подтипам Iб и IIб: а) *преподаватель вошел — преподавательница вошла* и б) *педагог вошел — педагог вошла*, — свидетельствуют о большом своеобразии корреляций подтипа Iб в общей системе словообразования, что и дает основание их считать, как указывалось выше, словообразовательными корреляциями особого рода. О своеобразии корреляций подтипа Iб в общей системе словообразования говорит и то, что круг охватываемых им лексических единиц чрезвычайно велик, что не характерно для обычных словообразовательных корреляций. Как справедливо указывал С. Карцевский, важным отличием словообразовательного гнезда от формообразовательной парадигмы является относительная закрытость первого и почти неограниченная открытость второй.

В корреляциях подтипа Iб один из членов как правило является немаркированным, однако в некоторых случаях наблю-

дается потеря соответственным членом корреляции способности выступать в качестве немаркированного; так, вполне употребительно *она хороший преподаватель*, но выражению *она хороший ткач* некоторые, может быть, предпочтут: *она хорошая ткачиха*. Здесь сказывается зависимость функционирования слова как члена словообразовательной корреляции от сдвигов в его лексическом значении. В самом деле, форма *ткач*, возможно, утрачивает способность сохранять широкий лексический объем понятия и поэтому корреляция *ткач — ткачиха* лишилась важной черты подлинных родовых корреляций, какими являются большинство парных образований рассматриваемого подтипа.

В зависимости от особенностей структуры, семантики и функционирования в разных стилистических условиях среди корреляций подтипа Iб выделяется несколько значительно отличающихся друг от друга разновидностей, которые довольно обстоятельно проанализированы И. Ф. Протченко[29].

3. Противопоставления IIа и IIб (*противный плакса заревел — противная плакса заревела* и *наш врач приехал — наш(а) врач приехала*, где род выражается только синтаксически) отличаются друг от друга: 1) по морфологическому облику существительного — одним присущ морфологический облик, типичный для существительных женского рода, другим — мужского рода (*тихоня — счетовод*): 2) семантически — одни являются названиями лиц по определенному характерному для них признаку, в большинстве случаев отрицательному, другие являются названиями лиц по профессии, должности, роду занятий и т. д.; 3) стилистически — одни относятся к разговорному стилю и к просторечию, другие к нейтральному и научно-книжному стилю.

Противопоставления подтипа IIа в современном литературном языке охватывают свыше 200 существительных. Число их и состав изменялись в процессе развития языка. Н. И. Греч приводит перечень таких существительных, насчитывающий 64 слова, а «Грамматика русского языка» (Изд-во АН СССР, 1960) насчитывает 108 таких слов. Состав этих перечней во многом различен.

Приводим перечень существительных подтипа IIа, составленный по материалам обследованных словарей: балда, бедняга, белоручка, бестия, болтушка, бродяга, брюзга, бука, верзила, вертушка, вопила, воротила, вруша, всезнайка, выжига, выжимала, выпивала, выскочка, горемыка, громила, грязнуля, грязнуха, грязнушка, гулена, гуляка, деляга, добряга, дорогуша, дубина, дурачина, дурашка, дурында, дылда, егоза, жадина, жаднюга, идиотина, забияка, забулдыга, заводила, задира, задирала, зазнайка, заика, замарашка, замазуля, замухрышка, за-

[29] См.: И. Ф. Протченко. Образование и употребление имен существительных женского рода — названий лиц в современном русском языке. Кандидатская диссертация. М., 1955.

ноза, зануда, запивоха, запевала, заправила, зверюга, здоровила, зевака, злюка, зубрила, зуда, зудила, калека, каналья, капризуля, кликуша, книгоноша, коллега, копуша, коротконожка, кривляка, кривоножка, кривошейка, кривуля, крикса, кровопийца, крутила, кусака, кутила, лакомка, лгунишка, левша, лежебока, ломака, мазила, малоежка, малютка, меняла, миляга, милуша, многознайка, молодчага, молодчина, мямля, надоеда, надоедала, надувала, невежа, невежда, невидимка, недотепа, недотрога, немогузнайка, недоучка, непоседа, неряха, нюня, обдирала, обдувала, обжирала, обжора, обирала, обироха, объедала, одиночка, опивала, паинька, писака, плакса, плакуша, плачуга, плутяга, побируха, побирушка, поддавала, подлиза, подлипала, подлюга, подметала, подстрекала, подсыпала, полузнайка, попрошайка, праздношатайка, предтеча, приготовишка, прилипала, приставала, притворяла, прожига, пройдоха, пролаза, пропойца, простофиля, прощелыга, пустельга, пустомеля, пьяница, пьянчужка, работяга, раззява, разиня, размазня, раскоряка, растеря, растеряха, растрепа, растяпа, рева, резака, ровня, роднуша, рохля, рубака, самоубийца, самоучка, святоша, сердяга, симпатяга, сирота, сквалыга, скряга, скупяга, сладкоежка, сластена, служака, смирена, соня, сорвиголова, староста, стерва, стервоза, страшила, судья, сутяга, тараторка, тезка, тетеря, тихоня, торопыга, трепала, тупица, убийца, умница, уродина, фискала, форсила, ханжа, хватюга, хапуга, хитрюга, хныкалка, хныкса, чаепийца, человекоубийца, чистюля, читала, чудила, шаромыга, шельма, ябеда.

С точки зрения соотношений членов этих синтаксических корреляций рассматриваемые подтипы различаются тем, что в подтипе IIб в качестве нейтрального выступает только мужской род, а в подтипе IIа, где первоначально нейтральной была форма женского рода, в настоящее время в этой функции могут выступать обе формы, хотя в большинстве случаев, согласно нашим наблюдениям, в этой функции выступают формы мужского рода. Ниже приводятся некоторые примеры, показывающие, что в роли немаркированного члена могут выступать здесь и существительные женского рода.

— Хо-да-ко-ва! — раздельно произнес он. — Ну да, позовите мне эту *балду*. . . — Слушайте, Ходаков, — вяло — и это звучало хуже ругани, — заговорил Сергей Андреевич.— Проверьте клеммы. . . (Л. Л е о н о в. Скутаревский. М. 1934, стр. 370—371); — *Этакая подлая растопыра*! — успела шепнуть Ольга Петровна на ухо племяннице. Юля горячо кивнула в ответ (А. К а р а в а е в а. Разбег, ч. I. М., 1948, стр. 42); — Гоняешься, гоняешься за ними. . . А и достанется *пьянчужка какая-нибудь*, винное подметало. . . (Л. Л е о н о в. Барсуки. М., 1928, стр. 266); — Я справляюсь, кто такой Ершов. — Да угольщик наш, — поясняет мне Трофимов. — *Подводила естественная*. Третье ухо капитанское. И

капитан наш тоже — ух, зловредный! (А. Новиков-Прибой. Коммунист в походе. М. — Л. 1930, стр. 29).

4. Противопоставления подтипа IIб, возникшие в советскую эпоху, представляют чрезвычайно большой интерес с точки зрения выяснения сложного взаимодействия внешних и внутренних факторов в развитии отдельных языковых явлений.

В послереволюционную эпоху, когда женщины стали равноправными членами советского общества, они приобщились к большому числу ранее недоступных для них профессий и должностей в административно-политической, производственно-технической, экономической, культурной и других областях нашей жизни. Появилась широкая потребность соответственного приспособления многих уже существовавших в языке, а также вновь возникавших имен лиц по признаку профессии и должности (*инженер*, *мастер*, *бригадир*, *счетовод* и т. д.) к новым общественным условиям, иными словами, — потребность создать необходимые предпосылки для того, чтобы эти имена могли употребляться в применении к лицам не только мужского, но и женского пола. Это, однако, оказалось отнюдь не простой задачей. Система возникших в условиях дореволюционного развития общества моделей словообразования не обладала необходимыми качествами для преодоления возникших на этом пути трудностей. На данном участке морфологической системы языка создалось определенное напряжение.

Дело в том, что ряд суффиксов женского рода, в силу того, что за ними закрепилась семантика семейных отношений, или же потому, что они обросли экспрессивно-эмоциональными оттенками значения[30], не мог быть использован для удовлетворения создавшихся в новой социальной обстановке потребностей, и язык стал приспособлять для этой цели имеющиеся в его системе синтаксические средства выражения рода. Впервые на это явление указал А. М. Пешковский, причем он довольно определенно отметил и его социальные корни: «В последнее время в связи с выдвижением женщин на всех поприщах, доступных раньше только мужчинам, в русском языке явилась большая потребность в употреблении самостоятельного женского рода глагола, так как названия разных специальностей и должностей не всегда допускают образование женского рода с недвусмысленным значением»[31].

О социальной обусловленности рассматриваемого явления, правда, в применении к одному только существительному *врач*, говорил и А. И. Смирницкий: «Многое здесь зависит от конкретных, исторически сложившихся реальных отношений в обществе

[30] См. об этом: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6, 1938, стр. 192; а также: В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове), стр. 66—67.

[31] А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 192.

(ср. исчезновение выражения *женщина-врач*, еще очень обычного до революции, и применение слова *врач* и к лицам женского пола в связи с тем, что врачи-женщины перестали представлять собой исключительное явление»[32].

А. М. Пешковский привел скудный иллюстративный материал к рассматривавшемуся им явлению, что объясняется крайне ограниченной распространенностью этого явления в то время. Приведены только цитаты из газет: «*Аспирант Р. С. Лившиц* была в командировке для изучения вопроса о вечной мерзлоте в Сибири в течение двух месяцев («Дзержинец», № 67, 22 мая 1923 г.; лучше было сказать *аспирантка*). Сюда приехала *вице-президент* университетской федерации английской рабочей партии Фрида Атлин («Известия ЦИК СССР и ВЦИК», телеграмма ТАСС из Баку; можно было бы, хотя и с оттенком вольности, сказать *вице-президентка Фрида Атлин*)»[33].

Следует отметить, что приведенные факты с тех пор претерпели значительные изменения в своем развитии: сейчас уже широко вошло в употребление образование *аспирантка*, а образование *вице-президентка* никто, пожалуй, не употребит, даже с «оттенком вольности».

Указав в дополнение к приведенным цитатам на то, что в разговорной речи приходилось слышать *товарищ вышла*, *управдом сказала*, А. М. Пешковский анализирует все эти явления в ограниченном плане специфических особенностей подчиненности сказуемого как «Слова с а м о г о г л а в н о г о для выражения процесса мысли»[34]. Поскольку истолкование А. М. Пешковским рассматриваемых явлений нуждается, на наш взгляд, в критическом разборе как с теоретической, так и с нормативной точки зрения, приводим его дословно:

«На этих случаях как раз легче всего наблюдать и с а м о с т о я т е л ь н у ю сторону значения рода глагола и его согласовательную сторону. Обычно мы в таких случаях чувствуем затруднение: сказать *вышел* про женщину невозможно, но и сочетать слово *товарищ* со словом *вышла* тоже неловко. Отсюда стремление в большинстве случаев предпослать глаголу собственное имя (*товарищ Соколова вышла; товарищ Надя вышла; профессор Валентина Афанасьевна Озерова . . . работала в глубине этой тихой лаборатории* (пример взят из современной прозы), хотя бы даже тоже не имеющее формы женского рода (*товарищ Рабинович вышла*, *товарищ Кирейко вышла*). В последнем случае сказывается давняя привычка соединять женский род глагола с иностранным несклоняемым женским именем (***мадам*** *пришла*, ***леди*** *сказала*, ***Бланш*** *пела* и т. д.). А эти последние факты опять-таки указывают на известную долю самостоятельности в роде глагола,

[32] А. И. С м и р н и ц к и й. Указ. соч., стр. 27.
[33] А. М. П е ш к о в с к и й. Указ. соч., стр. 192—193,
[34] Там же, стр. 187.

хотя в этом случае опять-таки и прилагательное употребляется самостоятельно (***милая*** *Бланш*, ***милая*** *мадам*, ***милый*** *Рабинович* и ***милая*** *Рабинович*). Но что разница между глаголом и прилагательным все же сознается, ясно из того, что „добрая товарищ" русский человек ни в каком случае не может сказать, а *товарищ вышла*, хотя и с некоторым стеснением, но может»[35].

Нам представляются особенно характерными для концепции А. М. Пешковского те рассуждения, где сопоставляются «самостоятельная сторона значения рода глагола» и «его согласовательная сторона». Получается необычная синтаксическая ситуация: сказуемое *сказала* в словосочетании *управдом сказала* самостоятельно выражает значение женского рода и этим обнаруживает свою неподчиненность подлежащему *управдом*, которое неизменно остается существительным мужского рода, так же, скажем, как и в словосочетании *управдом сказал* в применении к лицу мужского пола.

К сожалению, автор, отметив несоответствие между самостоятельной стороной значения рода глагола и его согласовательной стороной, не остановился на естественно возникающем в данном контексте вопросе о причинах, вызывающих это несоответствие. Ведь не при всех существительных такое несоответствие может создаться. То обстоятельство, что А. М. Пешковский обошел этот вопрос, обусловило односторонность и неполноту освещения существа рассматриваемых конструкций.

Оценка А. М. Пешковским выражений типа *врач сказала* с нормативной точки зрения не отличается полной определенностью. Автор, как мы видели выше, утверждает, что «„добрая товарищ" русский человек ни в каком случае не может сказать, а *товарищ вышла*, хотя и с некоторым стеснением (в последнем случае разрядка наша. — *И. М.*), но может». Из этих замечаний, а также из предыдущих рассуждений А. М. Пешковского (см. выше, стр. 73) можно заключить, что и словосочетание *врач сказала* с нормативной точки зрения следует оценить отрицательно в том случае, если оно не сопровождается собственным именем женского рода. Нам представляется, что приводимая ниже оценка Л. Чуковской изучаемых конструкций может рассматриваться как реальный или потенциальный результат влияния разобранных выше положений А. М. Пешковского.

«—Ой, бабыньки! — Дежурный *комендант всплеснула* руками.» Если бы у редактора были вкус и чутье, он. . . объяснил бы автору, что глагол с женским окончанием «всплеснула» не стоит сочетать с существительным мужского рода (комендант), что лучше своевременно дать коменданту-жен-

---

[35] А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 193.

www.ruslang.ru

щине какое-нибудь имя и отчество, чем тащить это противоестественное сочетание в литературный язык. . .[36]

В последние годы данные конструкции были объектом изучения в одном из разделов (не основном) названной выше кандидатской диссертации И. Ф. Протченко. И. Ф. Протченко собрал значительный фактический материал и подверг его анализу в рамках теоретических положений, выдвинутых А. М. Пешковским. В диссертации содержатся заслуживающие внимания наблюдения над отдельными разновидностями изучаемых конструкций.

В настоящее время противопоставления, основанные на синтаксическом выражении рода, присущи значительному числу существительных. Ниже приводится перечень существительных этого подтипа, составленный по материалам обследованных словарей (свыше 200 слов).

Авиатор, автор, агент, агитатор, агроном, адвокат, администратор, академик, аккомпаниатор, аллопат, антрепренер, антрополог, археолог, архитектор, астролог, астронавт, аэронавт, бактериолог, балетмейстер, баснописец, библиограф, библиофил, биограф, биолог, бригадир, бухгалтер, венеролог, военврач, военинженер, военкор, военспец, военхник, военфельдшер, востоковед, врач, геолог, Герой Советского Союза, гинеколог, гистолог, главврач, глазник, гомеопат, гравер, гример, групповод, дегустатор, декламатор, декоратор, деловод, демонстратор, директор, дирижер, донор, доктор, доцент, драматург, египтолог, естествовед, живописец, животновод, жонглер, зав, завмаг, зам, замзав, звукооператор, землемер, зоолог, зоотехник, инженер, инициатор, инспектор, инструктор, информатор, искусствовед, ирригатор, ихтиолог, калькулятор, капитан, кинорежиссер, кинооператор, классик, командир, комиссар, комментатор, композитор, комсорг, кондуктор, контролер, кооператор, краевед, лауреат, лейтенант, лексиколог, лектор, лесовод, лирик, литератор, литературовед, массовик, мастер, металлург, метеоролог, механизатор, микробиолог, милиционер, минер, министр, монтажер, музеевед, музыковед, невролог, невропатолог, нейрохирург, нефтяник, нотариус, обществовед, овощевод, овцевод, онколог, оператор, оратор, организатор, орденоносец, ординатор, офицер, парторг, педагог, передовик, пилот, письмоносец, плановик, полевод, почвовед, почтальон, посол, правовик, практик, препаратор, провизор, прозаик, прокурор, профессор, профорг, психолог, пчеловод, рабкор, рабселькор, растениевод, рационализатор, ревизор, регистратор, редактор, режиссер, ректор, рентгенолог, репетитор, репортер, ретушер, садовод, сапер, сатирик, секретарь, селекционер, семасиолог, скульптор, славяновед, социолог, суфлер, счетовод, табаковод, теоретик, терапевт, техник,

[36] Л. Чуковская. В лаборатории редактора. М., 1960, стр. 71 (пример взят Л. Чуковской из книги В. Курочкина «Бригада смышленых». М.—Л., 1949, стр. 131).

товарищ, товаровед, топограф, управдел, управдом, уролог, ушник, фармаколог, физиолог, филолог, философ, фининспектор, фонолог, фотограф, хирург, хмелевод, хлопковод, цензор, член (комитета), член-корреспондент, штурман, экзаменатор, экспедитор, эксперт, электрик, электромеханик, электротехник, эмбриолог, эндокринолог, энергетик, эпидемиолог, этнограф, этнолог, юрист, юрисконсульт, юннат, языковед, яровизатор, яфетидолог.

Синтаксическое выражение рода у приведенных существительных представляет в русском литературном языке советской эпохи довольно распространенное явление. Вот некоторое число наиболее показательных фактов, почерпнутых из разнообразных источников, относящихся к различным жанрам речи.

1. Синтаксическое выражение рода существительного поясняющим словом в функции сказуемого

а) Постпозитивное употребление сказуемого:

Секретарь директора швейной фабрики *встретила* Лену враждебно (В. Киселев. Человек может. «Москва», 1960, № 5, стр. 21); А *врач* все ниже *опускала* голову. Она верила этим людям — девочке будет очень хорошо у них (Ир. Бабич. Право на семью. «Известия», 19 апреля 1960 г.); *Кондуктор*, пожилая женщина, с кожаной сумкой и опухлыми от холода пальцами, внимательно *смотрела* на него и так же, отраженно, *улыбалась* (Л. Леонов. Скутаревский. М., 1934, стр. 85); В один прекрасный день *классный руководитель сообщила* восемнадцатилетнему Валерию Чеснокову, что, несмотря на довольно посредственные оценки в году и на экзаменах, он переведен в девятый класс (Грудинин. Комсомольский патруль. 1959, стр. 47); *Счетовод компании*, рыжеволосая вдова, со своей стороны, *считала*, что скупость мужчины не имеет никакого отношения к женитьбе (М. Ларни. Госпожа советница. «Иностранная литература», 1960, № 8, стр. 43); Получив согласие Нины Георгиевны, *главный врач* в одной из карточек, где значился Валентин Кучеренко, *написала*: „умер". (В. Швец. Дорогой маленький человек. «Известия», 27 января 1960 г.); По-видимому, приисковый *счетовод* серьезно *заболела* (А. Коптяева. Иван Иванович. М., 1959, стр. 39); *Доктор Меррей бросилась* спасать загоревшуюся рукопись и *опрокинула* эфир (А. Кронин. Юпитер смеется. Пер. М. Левиной и А. Гольдмана. М. 1957, стр. 95); Отметив вклад, внесенный тружениками колхозов, совхозов, подсобных хозяйств района в дальнейшее развитие сельского хозяйства, *докладчик указала* на необходимость с первых дней января набирать темпы повышения надоев молока, усилить работу по подготовке к весеннему севу (газ. «Ухтомский рабочий»,

17 января 1959 г.); Почему *дипломированный юрист учинила* над почтенной женщиной шемякину расправу? (газ. «Горьковский рабочий», 19 августа 1960 г.); *Военфельдшер добросовестна*, и не больше. Из нее выработается со временем средний медик для малоинтересных больных (В. Панова. Спутники. М., 1946, стр. 72); *Директор* очень *строгая»* (В. Панова. Пример приводится по книге: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, I. Братислава, 1954, стр. 96).

б) Препозитивное употребление сказуемого.

Все *напутала зоотехник*, ничего не знаю, — взмахивает он короткой рукой («Лит. газета», 9 февраля 1960 г.); Несмотря на пережитое, всю ночь *просидела молодой врач* у постели пострадавшего, пока он окончательно не пришел в себя («Правда», 7 марта 1960 г.); В это время мимо дома *проходила почтальон* А. Жукович (Б. Николаева. От народа не скроешься. «Сов. Россия», 18 сентября 1960 г.); У финнов, как *сказала член* Политбюро ЦК КПФ А. Мякинен, открывая собрание, есть особый повод отмечать 90-летие со дня рождения В. И. Ленина, ибо он был верным другом финского народа («Правда», 25 апреля 1960 г.); О творческом пути композитора очень интересно *рассказала музыковед* Р. В. Глезер (газ. «Ухтомский рабочий», 1 января 1959 г.); Странную позицию *заняла бригадир*. . . (газ. «Ухтомский рабочий», 7 мая 1959 г.); . . . как *написала автор*,. . . как *отмечала докладчик*. . . (зафиксировано во многих устных выступлениях на научных конференциях).

2. Синтаксическое выражение рода существительного поясняющим словом в роли определения (обособленного и необособленного)

Чувствуя, что надо будет нести ответ за преступление, они, дрожа от страха, пришли в училище, слезно умоляли *преподавателя* И. П. Абраменко, *ответственную* за вечер, не „выдавать“ их, заявить, будто таких она не видела на вечере («Комс. правда», 6 июля 1961 г.); *Маленькая*, почти такого же роста, как Валя, *врач-терапевт*, организовывала, настаивала, составляла списки, уговаривала, а Валя производила уколы (А. Былинов. Металлисты. — «Октябрь», 1951, № 12, стр. 40); Ты чем недоволен-то! Тем, что *молодая судья* вступилась за права человека, недоволен? (В. Кукушкин. Яблони. «Звезда», 1961, № 8, стр. 115); До полночи не смолкали разговоры: „Как сражалася чудесно, Ай-да девка! *Настоящая герой*!“ (И. Садофьев. Сильнее смерти. Пг., 1922, стр. 21); Может быть, *наша юрист была* в состоянии невменяемости? («Горьковский рабочий»,

19 августа 1960 г.); — Молод еще учить меня, молокосос, — отвечает начальнику домоуправления Б. А. Черемухину *воинственная госарбитр* (там же); Наташенька! *Молодец* ты *какая*... Стойкая ты... (О. Берггольц, Т. Макагоненко. Они жили в Ленинграде (пьеса). М.—Л., 1945, стр. 27); Музыку к нашему фильму пишет *молодая*, но *известная композитор*...» (из выступления кинорежиссера Шулюпина по телевидению 1 июля 1961 г.); У меня сейчас большие трудности. В отделе только *одна редактор*, да и она уже месяц в декретном отпуске (из разговора ст. научного сотрудника Института русского языка АН СССР Ф. Ф. Кузьмина); *Одна лаборант* у нас болеет сейчас (реплика главного врача поликлиники); *Эта товарищ* меня уже не раз об этом *предупреждала*... Материал только что *отвезла наша курьер*. (из разговорной речи).

Иллюстративный материал содержит много случаев синтаксического выражения рода существительного формой поясняющего слова в функции сказуемого. Сказуемое при этом чаще всего выражается глагольной формой прошедшего времени на *-л*, но в ряде случаев оно выражается и краткой формой причастий или же формами прилагательного. Эти факты встречаются в беллетристических произведениях, в журналах и газетах, в научно-публицистической, деловой, интимно-бытовой устной речи; следовательно, они являются принадлежностью не какой-либо отдельной стилистической разновидности, а литературного языка в целом. Что же касается синтаксического выражения существительного поясняющим словом в функции определения, то подобные факты встречаются еще пока редко и в особых стилистико-синтаксических позициях. Поэтому эти две разновидности родовых противопоставлений, относимых нами к подтипу IIб, целесообразно подвергнуть раздельному анализу.

1. Не подлежит сомнению, что такие конструкции, как *врач пришла*, *директор была строгая*, *бухгалтер переведена* и под., являющиеся инновациями советской эпохи, сейчас широко распространены в языке. Однако во всех случаях упоминания о них делаются те или иные ограничительные оговорки относительно правомерности их употребления во всех разновидностях литературного языка, нередко же они категорически и притом без серьезного обоснования исключаются из литературного языка как противоречащие его строю или даже уродующие его.[37]

---

[37] В качестве примера, правда весьма своеобразного характера, приведем резко отрицательную оценку этих конструкций, данную в развернутой беллетристической форме.

Фомин насупился, вздохнул и, чтобы перевести разговор, спросил:
— Жена ваша, она тоже геологом работает?
— Да, — улыбнулся Александров, — настоящая *геологиня*!
— Как вы это сказали — геологиня? — переспросил Фомин.

Такое положение придает большую актуальность объективному анализу основных качеств изучаемых конструкций с теоретической и нормативной точек зрения.

Прежде всего должно быть установлено, что конструкция *врач пришла* не эквивалентна со стороны обозначаемого конструкции *врач пришел*. Первая в качестве маркированной содержит прямое указание на принадлежность лица к женскому полу, вторая в качестве немаркированной подобного указания не содержит. Она либо обозначает лицо безотносительно к полу, либо же обозначает лицо мужского пола. Последнее значение конструируется только противопоставленностью второй конструкции первой, так что при исключении конструкции *врач пришла* конструкция *врач пришел* последнего значения выражать не сможет.

Отсюда следует, что для создания структурных средств обозначения принадлежности к тому или иному полу называемого

— Это я выучился называть от студентов. Мне нравится, и, кажется так правильнее.

— Почему правильнее?

— Да потому, что в царское время у женщин не было профессий, и все специальности в профессии назывались в мужском роде, для мужчин. Женщинам оставались уменьшительные, я считаю — полупрезрительные названия: курсистка, машинистка, медичка. И до сих пор мы старыми пережитками дышим, говорим: врач, геолог, инженер, агроном. Женщин-специалистов почти столько же, сколько мужчин, а получается языковая бессмыслица: агроном пошла в поле, врач сделала операцию, или приходится добавлять: женщина-врач, женщина-геолог, будто специалист второго сорта, что ли. . .

— А ведь занятно придумал, Кирилл Григорьевич! Мне в голову не приходило. . .

— Не я, а молодежь нас учит. У них верное чутье: называют геологиня, агрономиня, докториня, шофериня.

— Так и раньше называли, к примеру: врачиха, кондукторша.

— Это неправильно. Так исстари называли жен по специальности или чину их мужей. Вот и были мельничиха, кузнечиха, генеральша. Тоже отражается второстепенная роль женщины!

Старый горняк расплылся в улыбке.

— Геологиня — это как в старину княгиня!

— В точку попали, Иван Иванович! Княгиня, графиня, богиня, царица — это женщина сама по себе, ее собственное звание или титул. Почему, например, красавица, учительница — это почтительно, а красотка — так. . . полегче словцо, с меньшим уважением!

— Как же тогда — крестьянка, гражданка?

— Опять правильно! Мы привыкли издавна к этому самому «ка», а в нем, точно жало скрытое, отмечается неполноценность женщины. Это ведь уменьшительная приставка. И женщины сами за тысячи лет привыкли. . . Разве вам так не покажется — прислушайтесь внимательно, как звучит уважительное — гражданин и уменьшительное — гражданка. А если правильно и с уважением, надо гражданиня или гражданица!

— Верно, бес его возьми! Чего же смотрят писатели, или кто там со словами орудовать обязан! Выходит, что они о новом не думают, какие настоящие слова при коммунизме должны быть.

— Думают-то, думают. . . да неглубоко, пожалуй, — вздохнул Александров.

(И. Ефремов. Юрта Ворона. М., 1960, стр. 27—28).

лица совершенно необходимы как первая, так и вторая конструкция.[38]

Выше уже указывалось, что возникновение конструкции типа *врач сказала* отчасти обусловлено тем, что система суффиксальных средств существительных оказалась не в состоянии удовлетворить потребность языка в ряде новых женских названий лиц по профессии и специальности. Есть, однако, веские основания утверждать, что возникшие синтаксические средства обозначения пола отнюдь не являются вынужденным суррогатом суффиксальных образований; наоборот, за ними следует признать определенные преимущества, так как это более абстрагированные, грамматические по своему существу, средства выражения рода. В самом деле, в конструкции *преподавательница пришла* деривационный способ выражения рода не может не привести к тому, что отношение к полу становится, пусть в минимальной мере, предметным признаком и род в этих условиях выступает не как грамматическая, а как лексико-грамматическая категория. Совершенно иной характер носит конструкция *педагог пришла*. Здесь отношение к полу обнаруживается реляционно и род обнаруживает чисто грамматическую сущность.

То, что данные конструкции можно рассматривать в качестве функциональных заместителей суффиксальных образований, дает основание заключить, что потребность в их использовании в том или ином языке тем больше, чем ограниченнее возможность применения соответственных образований существительных. При сравнении с этой точки зрения отдельных славянских языков выявляется, что в русском языке потребность в синтаксическом выражении рода больше, чем в польском, так как в последнем значительно шире используются образования с суффиксами женского рода, например, *autorka*, *koleżanka*, *instruktorka*, *inspektorka* и т. д. Вот некоторые из этих образований в контекстах:

1) *Była ona moją uniwersytecką koleżanką.*

2) *...w której autorka ukazała fiziologiczny mechanizm przegłosu...*

Вместе с тем, несмотря на большие возможности их замены, изучаемые конструкции встречаются и в польском языке, например: *Korespondent PAP, red. J. Pawlikiewicz, donosiła we wtorek wieczorem...*[39] («Trybuna ludu», 14 марта 1962 г.).

Это обстоятельство является, на наш взгляд, немаловажным доказательством того, что рассматриваемые конструкции представляют собой нужное выразительное средство формирования семантических родовых противопоставлений.

---

[38] Ср. замечание А. М. Пешковского: «сказать *вышел* про женщину невозможно» (указ. соч., стр. 193).

[39] З. Клеменсевич считает вполне правомерными в польском литературном языке такие конструкции, как *dyrektor Bielska wyjechała* или *dyrektor wyjechała* (см.: «Język polski», 1957, N 2, стр. 118).

Представляется, что конструкция типа *управдом сказала* произносится сейчас «со стеснением» значительно меньшим, чем в то время, когда о них писал А. М. Пешковский. Их распространенность свидетельствует, несомненно, о том, что они сейчас употребляются без «затруднений», они уже стали почти привычными. А это объясняется прежде всего тем, что приписываемые им пороки являются мнимыми.

Основной довод, приводимый всеми, кто считает рассматриваемые конструкции противоречащими грамматическому строю русского языка, заключается в том, что они представляют нарушения обычных норм согласования слов. Однако при обстоятельном рассмотрении фактов на фоне исторического развития грамматической системы этот довод оказывается несостоятельным. Дело в том, что многие подобные «нарушения» уже в далеком прошлом стали распространяться в языке и давно получили права гражданства в нем.

Первая морфологическая «асимметричность» возникла уже в глубокой древности, когда при существительных исконно женского рода (например, *владыка*, *воевода*, *судья* и т. д.) пояснительные слова стали выступать в формах мужского рода, что привело к появлению первых фактов синтаксического выражения рода существительных вопреки их морфологическому облику.

Эта асимметричность, заключающаяся в несогласованности синтаксической формы рода существительного и его морфологического облика, была существенно углублена возникновением в значительно более позднее время группы существительных типа *невежда*, *неряха*, *кутила*, *запевала* и др., в силу того что они стали сочетаться с поясняющими словами не только в формах женского рода, но и в формах мужского рода.

Значительно способствовало расшатыванию исконных морфологических основ категории рода внедрение мужского рода в сферу «морфологических позиций» женского и среднего рода в формах субъективной оценки; ср. *старик — старикашка*; *друг — дружище*; *брат — братишка* и т. д.

Ряд других фактов свидетельствует о значительно большей терпимости грамматического строя русского языка по сравнению с другими славянскими языками к отсутствию морфологической симметрии при сочетании существительного с поясняющими его словами. Так, фамилии иноязычного происхождения с конечным твердым согласным в применении к лицам женского пола сочетаются в русском языке с пояснительными словами в формах женского рода, не изменяя своего морфологического облика путем присоединения суффикса женского рода *-ова*, как это происходит в чешском или польском языках.

Следует также упомянуть приводившиеся выше современные факты «нарушений» обычных стандартов согласования типа *ООН постановила*, *ГЭС закончена* и т. д.

Все эти обстоятельства дают основание считать употребление данных конструкций в любом из жанров литературного языка вполне правомерным как с теоретической, так и с нормативной точки зрения.

2. Что касается конструкций, содержащих синтаксическое выражение рода существительных относящимися к ним определениями (*добрая товарищ*, *молодая режиссер*), то они, как показывает иллюстративный материал, встречаются еще очень редко и не могут быть поставлены в один ряд с разобранными выше конструкциями.

Вместе с тем, нельзя игнорировать и то, что подобные конструкции стали встречаться не только в устной, но и в письменной речи и, как правило, у людей, владеющих нормами литературного языка.

При анализе этих конструкций нельзя не обратить внимание на то, что реальная потребность в них значительно меньше, чем в предыдущих конструкциях. Ведь во многих случаях указание на принадлежность называемого лица к женскому полу выступает уже в сказуемом и поэтому второе подобное указание в определении является нарушением стандартного согласования, не оправданным насущными потребностями содержания высказываемого. Однако в некоторых случаях все же такая потребность возникает: когда сказуемое выражено глагольной формой не прошедшего времени, не обладающей способностью изменяться по родам, а также в обособленных конструкциях, где определения выполняют не только атрибутивные, но и предикативные функции. Не случайно именно эти случаи и представлены в иллюстративном материале. Нельзя также отвлечься и от того факта, что распространению этих конструкций будет способствовать и естественная тенденция говорящего привести к единству родовые формы сказуемого и определения, одинаково выступающие в качестве поясняющих слов при существительном. Хотя данные конструкции еще находятся в эмбриональном состоянии и для суждения о них еще требуются многочисленные и длительные наблюдения над тенденциями их дальнейшего развития, представляется все же возможным и сейчас уже считать необоснованным категорическое и безоговорочное объявление их полностью противоречащими естественным тенденциям и нормам русского литературного языка.[40]

---

[40] Считаем необходимым указать, что положения, сформулированные нами по поводу всех конструкций, содержащих синтаксическое выражение рода, которые являются инновациями нашей эпохи и сейчас только раскрывают свое существо, мы рассматриваем как предварительные. Они нуждаются во всесторонней проверке при помощи дальнейшего исследования многочисленных языковых фактов. Частично эта задача может быть разрешена путем распространения подготовленного Институтом русского языка АН СССР вопросника по морфологии, в который будет включен ряд вопросов, относящихся к данной теме.

Н. А. Янко-Триницкая

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СВЯЗЕЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЙ В ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВАХ

В области словообразования и анализа морфологической структуры слова немало еще недостаточно исследованных, спорных вопросов, которые нуждаются в дополнительном изучении. Одним из таких вопросов является вопрос о значении словообразовательных образцов, теснейшим образом связанный с проблемой отношения словообразования в лексике.

В морфологии, т. е. в науке о строении слова, есть два раздела: словоизменение и словообразование. Словоизменением морфология обращена к синтаксису, поскольку только в словосочетании или предложении реализуются единицы словоизменения (словоформы и словоизменительные аффиксы). Словообразованием морфология обращена к лексике, поскольку только в словах (лексемах) живут единицы словообразования (образцы и словообразовательные аффиксы).

Смежные разделы языкознания графически можно изобразить следующим образом:

Лексика	Морфология словообразования	Морфология словоизменения	Синтаксис

Вопрос о принадлежности словообразования к грамматике разрешается в зависимости от того, где проводят демаркационную линию: непосредственно после лексики, относя к грамматике все синтагматическое, или после морфологии словообразования, относя к грамматике только формы словоизменения и формы предложения. Сущность словообразования и связи его со смежными разделами языкознания от этого не изменяются.

Морфология словообразования, с одной стороны, связана с морфологией словоизменения отвлеченным, обобщенным значением образцов, использованием в определенных словообразо-

вательных образцах определенных систем флексий, фактами конверсии, объединения в системе флексий функций и словообразования и словоизменения, и др. С другой стороны, морфология словообразования теснейшим образом связана и с лексикой, почему ее и называют иногда морфологией лексической, в отличие от словоизменения, называемого морфологией синтаксической.

Связь словообразования с лексикой прежде всего в том, что с помощью словообразования пополняется словарный состав языка. Связь словообразования с лексикой также и в том, что лексические значения производящих слов служат фундаментом для лексического значения производных слов. Мотивированность производных слов объясняется именно этим обстоятельством. В частности, для словообразования не безразлична и такая лексическая особенность слова, как многозначность, поскольку слова, произведенные от основы одного и того же многозначного слова, могут быть весьма далекими друг от друга по значению, соотносясь с различными значениями многозначного производящего слова, например: *лист — листва*, *листать*, *листаж*, *налистники*. Ср. также: *колоть — расколоть*, *колун* и *проколоть*, *колючка*, а также *колкий*, соотносящиеся с обоими значениями слова *колоть*.

Связь словообразования с лексикой, несомненно, и в том, что не только значение производного слова, но иногда и образец, по которому оно создается, зависит от лексического значения производящей основы, например: «*без-* + основа существительного со значением части тела + *(-ый)*»: *безголовый*, *бесхвостый*, *безволосый*, *безбородый*, *беззубый* и т. п.; «*без-* + основа существительного не со значением части тела + *-н-(-ый)*»: *беззаботный*, *безвозвратный*, *бессовестный*, *бездомный* и т. п.

То же самое наблюдается и в сложных словах при подобном различии вторых компонентов слова: *длинноносый*, *синеглазый*, *чернобородый*, *круглоголовый* и т. п.; *глубоководный*, *малогабаритный*, *высокогорный*, *широкоэкранный* и т. п.

Особый интерес для установления связей словообразования с лексикой представляет закономерность связей словообразовательных и лексических значений в морфологически однородных словах, рассмотрению которой и посвящается настоящая статья.

* * *

Словообразовательный аффикс, в частности суффикс, функционирует только как компонент структуры слова, поэтому нельзя устанавливать значение суффикса путем простого вычитания значения производящего из значения производного слова; например, было бы ошибочно рассуждать следующим образом: *печь — печник* — «специалист по печам»; следовательно, суффикс *-ник* обозначает «специалист», ср. *сапожник*, *атомник*.

школа — школьник — «занимающийся в школе»; следовательно, суффикс *-ник* обозначает «посещающий, занимающийся», ср.: *колхозник, лесник.*

язва — язвенник — «больной язвой»; следовательно, суффикс *-ник* обозначает «больной», ср.: *сердечник, желудочник.*

скворец — скворечник — «жилище скворца»; следовательно, суффикс *-ник* обозначает «жилище», ср.: *коровник, телятник.*

пропускать — пропускник — «помещение, где пропускают. . .»; следовательно, суффикс *-ник* обозначает «помещение для каких-либо действий», ср.: *рассадник, питомник.*

вопрос — вопросник — «собрание, перечень вопросов»; следовательно, суффикс *-ник* обозначает «собрание, перечень», ср.: *словник, задачник.*

ель — ельник — «совокупность елей»; следовательно, суффикс *-ник* обозначает «совокупность», ср. *цветник, орешник.*

чай — чайник — «сосуд для заварки чая»; следовательно, суффикс *-ник* обозначает «сосуд», ср.: *кофейник, салатник.*

творог — творожник — «кушанье из творога»; следовательно, суффикс *-ник* обозначает «кушанье», ср.: *капустник, рассольник.*

окучить — окучник — «орудие, которым окучивают»; следовательно, суффикс *-ник* обозначает «орудие», ср.: *запашник, подъемник.*

Такой односторонний анализ естественно приводит к выводу, что суффикс *-ник* многозначен, и к сомнению в том, что это один суффикс, а не множество разных суффиксов-омонимов.

Однако тот факт, что слова с суффиксом *-ник* могут иметь самые разнообразные значения, еще не дает права говорить о многозначности самого суффикса, ибо суффикс — это всего лишь один из компонентов, формирующих значение производного слова, Значение суффикса реализуется только в соединении с производящей основой, да еще в сопровождении определенной системы флексий. Поэтому правильнее было бы говорить не о значении отдельного аффикса, а о значении, которое создается совокупностью всех структурных компонентов производного слова, иначе говоря, о значении образца.

Представляется необходимым, кроме общего слова «модель», применяемого разными авторами в различном значении и к единицам различной сложности, ввести еще термин «образец», разграничив значения этих двух слов следующим образом.

М о д е л ь — это структурная схема производных слов с указанием аффиксов и категориальной характеристикой производящей основы, например: основа глагола + *-тель* (+система флексий II склонения) [1]; основа существительного + *-онок* (+система

[1] Если предположить, что в так называемом II склонении объединены по существу три системы склонения, имеющие отличия в именительном падеже (нулевое окончание или *-о*) и в винительном падеже (нулевое окончание,

флексий II склонения); основа прилагательного + *-ость* (+система флексий III склонения).

О б р а з е ц — это структурная схема производных слов с указанием аффиксов, а также семантики производящей основы, в той степени обобщения или конкретизации, в которой эта семантика сказывается на значении производной основы. Так, образец «основа существительного со значением животного + *-ин* (+система флексий I склонения)» действительно имеет значение «мясо названного животного»; но если изменить хотя бы один компонент данного образца, то изменится и его значение. Так, образец «основа существительного со значением массы, вещества + *-ин* (+система флексий I склонения)» имеет значение одной части этого вещества или массы: *горох — горошина*, *солома — соломина*. Образец «основа существительного со значением животного + *-ин* (+система флексий прилагательного)» имеет значение прилагательного, указывающего на принадлежность, отнесенность к названному животному: *лебединый*, *куриный*, *ослиный*, *львиный*, *лошадиный*, *козлиный*.

Образец — это разновидность модели, определяющаяся семантикой производящей основы и аффиксами, наименьшая самостоятельная единица системы словообразования.

Модель может быть представлена всего одним образцом, как, например, «основа глагола + *-тель* (+система флексий II склонения)» или «основа глагола + *-ну-* (+система флексий I спряжения»). Модель может быть представлена и целым рядом образцов, как, например, модель «основа существительного + *-онок* (+система флексий II склонения) или + *-ат-* (+система флексий множественного числа существительных)»:

а) при основе со значением животного производные слова имеют патронимическое значение, обозначая детенышей данного животного: *волк — волчонок*, *волчата*, *журавль — журавленок*, *журавлята*;

б) при основе со значением лица производные существительные обозначают невзрослых лиц, с необязательным патронимическим значением: *доктор — докторенок*, *докторята*, *слесарь — слесаренок*, *слесарята*;

в) при основе со значением имени собственного личного производные существительные обозначают последователя, ученика, приверженца: *Чапаев — чапаенок*, *Данченков — данчата*, *Озерный — озернята*, *Черчилль — черчиллята* и под.

Через несколько дней Сима повстречалась с «*данчатами*» — партизанами из бригады Данченкова («Лит. газета», 12 марта 1960 г.); Так в эти дни на родине Марка Озерного родилась первая на Днепровщине школа *озернят*

-а или *-о*), то можно было бы говорить о двух моделях с суффиксом *-тель*, различающихся системой флексий.

(«Комс. правда», 4 апреля 1961 г.); Мистер Черчилль и прочие *черчиллята* подстрекают его, рукоплещут ему (Н. С т а р ш и н о в. Ночь перед парадом, сб. «Друзьям»).

г) при основе существительного со значением предмета неодушевленного производные слова обозначают маленькие или ничтожные предметы: *башмак — башмачонок, стихи — стишата.*

Не создают отдельных образцов семантические характеристики производящей основы, не влияющие на словообразовательное значение производных слов. Так, например, основы существительных со значением млекопитающих, птиц, рыб, насекомых не создают отдельных образцов с теми же аффиксами, так как во всех этих случаях возникает одно и то же патронимическое значение.[2]

Отсюда ясно, что модель не может быть многозначной, она может только быть представлена несколькими образцами, т. е. один и тот же аффикс может быть использован в нескольких образцах. Так, например, суффикс прилагательных *-оват-* используется в двух моделях, одна из которых представлена двумя образцами:

А. «Основа прилагательного + *-оват-* (*-ый*)» [3] — производное прилагательное указывает на сниженную степень того же признака: *черноватый, диковатый, грязноватый, горьковатый.*

Б. а) «Основа существительного неодушевленного + *-оват-* (*-ый*)» — производное прилагательное указывает на признак, обозначающий наличие в предмете того, что названо производящей основой, или сходство, подобие: *угловатый, клочковатый, узловатый, мешковатый, суковатый:*

б) «основа существительного со значением лица + *-оват-* (*-ый*)» — производное прилагательное указывает на признак лица, обозначая сходство, подобие, сниженную степень признака по отношению к производящему слову: *жуликоватый, плутоватый, щеголеватый, чудаковатый, мужиковатый, вороватый, трусоватый, фатоватый.*

Производящие основы различны в самых общих своих признаках, поэтому никак нельзя сказать, какая именно часть зна-

---

[2] Только названия двух птиц — чирка и щегла представляют исключение; произведенные от них с данными аффиксами существительные могут иметь как патронимическое, так и уменьшительно-ласкательное значение: «Вдруг он видит: под деревом плачет *щегленок* — желторотый, совсем еще, видно, ребенок» (Ю. Я к о в л е в. Жил-был огуречик); «Пой лучше хорошо *щегленком*, чем дурно соловьем» (К р ы л о в. Скворец). В первом случае слово *щегленок* несомненно обозначает птенца, а во втором — просто щегла, без указания на возраст, так как известно, что птенцы певчих птиц не поют, а поют только самцы, достигшие половой зрелости. Эти же значения встречаются и в формах множественного числа.

[3] В дальнейшем мы будем указывать не систему флексий, а только форму именительного падежа для имен и форму инфинитива для глаголов.

чения производного слова передается суффиксом, какая — производящей основой и какая, может быть, самым фактом объединения данной основы с данным суффиксом. Различия в значении прилагательных этих образцов можно отнести только за счет различия самых образцов, по которым они создаются, иначе говоря, за счет различия их структуры. Однако в значении всех производных слов есть некоторая близость; и поэтому даже не возникает вопроса об омонимии суффиксов.

Вернемся к разнообразному использованию суффикса *-ин-:*

а) «основа существительного со значением лица + *-ин*» — *киевлянин*, *южанин*, *крестьянин* и т. п.;

б) «основа существительного со значением массы, вещества + *-ин-(-а)*» — *горошина*, *жемчужина*, *изюмина*, *дробина;*

в) «основа существительного со значением животного + *-ин-(-а)* — *баранина*, *конина*, *белужина*, *осетрина*;

г) «основа существительного со значением животного + *-ин-(-ый)*» — *соколиный*, *лошадиный*, *голубиный*, *львиный*.

Даже в данном случае у нас нет достаточных оснований говорить о суффиксах-омонимах, поскольку здесь различные образцы и различие в значении производных слов может возникать за счет других структурных компонентов. К тому же в первых трех образцах (для существительных) можно даже обнаружить некий общий элемент значения: все они обозначают как бы некую часть от целого (для слов типа *киевлянин* производящую основу можно видеть в словах типа *киевляне*). А то, что в первом случае эта одна часть — человек, во втором — предмет, имеющий собственную форму, а в третьем — предмет, не имеющий определенной формы, — зависит не столько от суффикса, сколько от семантики производящей основы. Что касается четвертого образца, отличающегося от третьего только системой флексий, то нет сомнений в том, что в нем иное значение опирается в значительной степени на эту систему флексий.

Не исключена и такая возможность, что некоторая часть значения производного слова выражается не основой и не аффиксами, а самым фактом интеграции морфем определенного качества, например: *ценный*, *скоростной*. Помимо того, что данные производные слова обозначают признак предмета, связанный по значению с производящими словами *цена*, *скорость*, в них есть еще дополнительное значение положительной оценки признака — «большой цены», «большой скорости». Это значение не заложено в аффиксах, нет его и в производящих основах. Значение положительной оценки потенциально возможно в словах определенного семантического круга (ср.: *вкус*, *сила*, *длина*, *глубина*, *высота*, *качество* и под.), а интеграция этих основ с определенными аффиксами позволяет этой потенциальной возможности реализоваться.

Можно думать, что об омонимии суффиксов и вообще словообразовательных аффиксов не может быть и речи, если рассматри-

вать эту проблему в синхронном плане. Естественно, что не может быть и омонимичных образцов, так как если в образце не все компоненты тождественны, то это не омонимичные образцы, а один и тот же образец, продукты которого могут быть использованы в лексике для выражения различных конкретных значений [4].

То же самое можно сказать и о многозначности образцов (и аффиксов в них). Примером может служить образование прилагательных по образцу «основа существительного + *-н-(-ый)*»: *кирпичный* (дом, завод), *шоколадный* (торт, фабрика), *школьный* (костюм, завтрак, двор, учитель, занятия), *зимний* (костюм, день), *комнатный* (цветок, туфли, воздух), *ручной* (вышивка, волк), *глазной* (нерв, лечебница, капли), *грудной* (ребенок, железа), *стенной* (календарь, живопись), *трамвайный* (билет, парк, висун) и т. п.

Значения этих прилагательных так разнообразны, так тонки, так причудливо сочетаются в различных словах, что классифицировать их почти невозможно, и естественно, что, характеризуя значение этого образца (или суффикса *-н-* прилагательных), исследователи не ставят вопроса о его многозначности, а говорят лишь о его весьма общем значении отношения к предмету, названному производящим существительным. Конкретные значения таких прилагательных являются лексическими значениями и характеризуются в словарном порядке.

Такую же картину представляют и многие глагольные образцы, например образец «основа существительного + *уй* || *-ова-(ть)*»: *адресовать*, *бороновать*, *веровать*, *голосовать*, *горевать*, *зимовать*, *именовать*, *колесовать*, *комплектовать*, *конфликтовать*, *короновать*, *линовать*, *митинговать*, *нумеровать*, *паниковать*, *плутовать*, *полосовать*, *психовать*, *рифмовать*, *салютовать*, *силосовать*, *советовать*, *титуловать*, *фабриковать*, *формовать*, *фильтровать*, *штамповать*, *штурмовать*, *шельмовать*, *экзаменовать* и т. п.

Как различны по своему лексическому значению эти глаголы, какие разнообразные действия они обозначают! Однако никто не говорит о многозначности данного образца (или суффикса *-уй-* || *-ова-*). Если в прилагательных с суффиксом *-н-* значение определяется как наиболее общее значение признака, имеющего отношение к предмету, то здесь оно определяется как наиболее общее значение процесса, имеющего отношение к предмету. Различия же в значении производных глаголов, во многом зависящие от производящих основ, устанавливаются в словарном порядке.

---

[4] Конечно, если изменить самое понятие омонимии и называть суффиксами-омонимами суффиксы, имеющие одинаковый фонемный состав, но используемые в различных образцах, то тогда найдется немало суффиксов, отвечающих такому определению.

А вот когда речь заходит о существительных, которые по самой природе своей поддаются семантической классификации значительно легче, чем прилагательные и глаголы, то проявляется совершенно иной подход к такому же, по существу, явлению и начинается выделение суффиксов на основании чисто лексической классификации слов: суффиксы для названия лица, суффиксы для названия лиц женского пола, суффиксы для названия предметов и даже суффиксы для названия помещений, суффиксы для названия ягод, сортов мяса и т. п., т. е. словообразовательная классификация полностью вытесняется классификацией семантической. Это приводит к тому, что в различных разрядах оказываются одинаковые суффиксы. Тогда, без всякого анализа образцов, их называют суффиксами-омонимами или многозначными суффиксами.

Словообразовательным значением образца можно считать лишь то значение, которое структурно выражено самым образцом, а те значения, которые не выражены структурно и не являются прямым следствием семантики производящей основы, можно назвать с о п у т с т в у ю щ и м и образцу лексическими значениями.

Рассмотрим подробнее образец «основа глагола + *-тель*». Такие существительные обычно производятся от основ невозвратных глаголов несовершенного вида I и III продуктивных классов и от основ любого вида IV продуктивного класса. Крайне редко встречаются два существительных, образованных от обоих глаголов видовой пары: *разравнитель* и *разравниватель*, *решитель и решатель* (ср. в сложных словах: *звукоуловитель* и *звукоулавливатель*). Различия видового характера в этих существительных, видимо, нет, так как и *разравниватель*, и *разравнитель* производят одно и то же действие. Однако возможность такого различия в значении существительных не исключается, ср., например, *спасатель* и *спаситель*. Иногда такие существительные, не выражая видовых оттенков, отличаются по своему лексическому значению и применению, например: *опылитель* — «переносящий пыльцу, совершающий опыление» и *опыливатель* — «производящий опыливание растений порошкообразными ядовитыми веществами».

Слова, произведенные по этому образцу, могут иметь разнообразные значения: лицо по профессии — *учитель*, *писатель*, *строитель*, *ваятель;* лицо по действию — *читатель*, *избавитель*, *посетитель*; машина — *копнитель*, *корчеватель;* прибор — *выключатель*, *отражатель*, *проигрыватель;* вещество — *краситель*, *разбавитель*, *восстановитель*; материал — *заменитель;* пособие, руководство — *указатель*, *определитель* (растений); животное — *опылитель*, *вредитель*, *паритель*. Достаточно и приведенных примеров, чтобы установить разнообразие значений существительных с суффиксом *-тель*.

Чем многочисленней и разнообразней значения какой-либо формы в языке, тем больше оснований полагать, что у нее нет ни одного из этих значений, а есть только некое весьма общее значение, которое не противоречит всем приводимым частным. Это положение убедительно подтверждается значением формы родительного падежа существительных или значением союза *и*, соединяющего предложения.

Мне кажется, что и в словообразовании мы сталкиваемся с подобным явлением. Если попытаться разграничить словообразовательное значение образца и лексическое применение слова, то легко можно убедиться, что все указанные значения слов с суффиксом *-тель* словообразовательно, структурно не дифференцируются, а зависят в каждом отдельном случае от применения данного, конкретного слова. Вот тут-то словообразование и лексика вступают в теснейшее соприкосновение и противоречие.

Словообразовательное значение образца с суффиксом *-тель* в современном русском языке — значение деятеля в самом широком и общем смысле. А различные значения частного характера, которых значительно больше, чем было приведено, являются различными случаями применения, употребления произведенных по одному и тому же образцу слов.

Известно, что слово, как правило, обозначает больше того или не только то, что непосредственно обозначено его слагаемыми, т. е. что слово включает в свое значение, кроме словообразовательного, еще некоторые иные значения, которые мы назвали сопутствующими. Если последние легко устанавливаются, обособляются и классифицируются, да еще к тому же легко поддаются определению, то возникает естественный соблазн связать эти значения непосредственно со значением образца или даже со значением суффикса, и чем четче и немногочисленней эти значения, тем острее этот соблазн.

Основные сопутствующие значения слов рассматриваемого образца — значение лица и значение орудия. Эти значения, в свою очередь, могут подразделяться на целый ряд других, более частных, более дифференцированных значений. Так, лицо может характеризоваться по профессии *(учитель, строитель)*, по занятию *(слушатель, распорядитель)*, по одному совершаемому акту *(спаситель, избавитель)*, по свойству *(ругатель, прихлебатель)* и т. д. Особенно разнообразно дифференцируется значение орудия: орудием в руках человека может быть машина, механизм, прибор, приспособление, устройство, вещество и т. п.

Каждое или почти каждое из слов этого образца потенциально может обозначать лицо, но не каждое — орудие, ибо есть действия, которые может выполнять только человек, например: *любитель, обожатель, ухаживатель, жертвователь, покупатель, завоеватель, мучитель, увещеватель, вымогатель, ругатель, предатель, стяжатель, потакатель, подстрекатель* и др.

Зачастую в одном слове объединено несколько сопутствующих значений, например: *сгуститель*, *очиститель*, *протравитель*, *соединитель*, *ускоритель* (прибор и вещество); *держатель*, *гаситель* (лицо и прибор); *истребитель* (лицо и машина); *восстановитель* (лицо и вещество); *паритель* (птица, лицо, машина); *опылитель* (насекомое, птица, ветер, вода, прибор) и т. п. Ср., например, слово *делитель*, обозначающее и математическое понятие и лицо:

Лучшие образцы стахановской работы показывают засыпщик тов. Овсяников, *делитель* тов. Гучкова, тестомес тов. Шаганова («Веч. Москва», 21 мая 1951 г.).

Существительные с суффиксом *-тель* могут и не иметь сопутствующих значений, выступая только в одном общем значении деятеля, например:

Анализ работы некоторых московских предприятий показывает, что *загрязнителем* воздуха иногда является какой-нибудь один сравнительно небольшой цех («Веч. Москва», 9 июня 1953 г.); *Подталкивателем* революций является сам империализм («Правда», 22 апреля 1955 г.); В этих реакторах в качестве *замедлителя*, *теплоносителя* и частично биологической защиты используется вода («Правда», 22 апреля 1960 г.).

Да собственно и такие слова, как *озеленитель*, *опровергатель*, *ниспровергатель*, *осуществитель*, *открыватель*, *отображатель*, *распутыватель* и многие другие, употребляющиеся в значении лица (или предмета), обозначают не столько лицо (или предмет), сколько деятеля вообще, выполняющего определенную функцию. Всегда, когда на первый план выдвигается значение деятеля — значение лица или орудия, по существу, нейтрализуется, заглушается.

Изменения в значении образца обычно происходят путем переносного употребления слов и изменения соотношения основного (словообразовательного) и сопутствующих (лексических) значений. Историю значений образца с суффиксом *-тель* предположительно можно представить так.

В древнейшую пору русского языка были заимствованы из старославянского языка некоторые слова с суффиксом *-тель*, которые обозначали действующее лицо и употреблялись первоначально исключительно в книжном языке. Постепенно количество слов с этим суффиксом увеличивалось, но в пределах тех же жанров книжного языка; поэтому трудно установить точно время, когда началось образование подобных слов на русской почве, т. е. когда возник и укрепился в русском языке новый словообразовательный образец; несомненно только, что в XVII в. образец уже существовал, так как появляются слова, в которых данный суффикс соединяется с исконно русскими основами, а

в XVIII—XIX вв. появляется уже огромное количество новых образований с суффиксом *-тель* [5].

Заимствованные старославянские слова представляли собой названия лиц, поэтому и образец вначале имеет такое же значение. Постепенно многие слова этого образца входят в широкое употребление и теряют свою стилистическую окраску книжного и высокого стиля, как, между прочим, и самые реалии становятся более распространенными и теряют свою исключительность (ср. *учитель*).

Со временем некоторые из этих слов начинают применяться в переносных употреблениях: с одной стороны, для обозначения деятеля вообще, чему весьма способствовала стилистическая окраска слов данного образца; с другой стороны, в связи с развитием производства и техники, для обозначения механизмов, выполняющих определенную работу. Вслед за этим расширяется и значение образца. В XIX в. он обозначает уже деятеля вообще. В качестве же сопутствующих значений, устанавливаемых в словарном порядке, выступают значения лица и механизма, которые иногда сталкиваются в одном слове. Затем механизм, машина, заменяющая труд человека, воспринимается как орудие в руках человека, а орудием может быть не только механизм, но и другие предметы, например, вещества, и появляется значительное количество слов, обозначающих различные вещества, используемые человеком в производственной деятельности.

Среди слов со значением лица, относящихся к этому образцу, происходят различные частные изменения. Так, одни из этих слов устаревают и выходят из употребления: *мздодатель*, *заимодатель*, *воитель*, *науститель*, *предстатель*, *веятель*, *рачитель*, *попуститель*, *радетель* и др.

Другие утрачивают непосредственную связь с глаголом как с производящей основой, поскольку соответствующие глаголы либо вовсе вышли из употребления, либо стали малоупотребительными; таковы, например: *настоятель*, *обыватель*, *следователь*, *приискатель*, *ревнитель*, *властитель*, *попечитель*, *приятель* и т. п. Отдельные существительные, если и соотносятся, то только с возвратными глаголами: *соревнователь*, *старатель*, *пользователь*. Ср. также слово *страхователь*, которое соотносится и с возвратным, и с невозвратным глаголом:

> Договоры на сумму до 5.000 рублей могут заключаться как с врачебным освидетельствованием, так и без освидетельствования лица, желающего застраховаться (*страхователя*), а на сумму свыше 5.000 рублей — только после врачебного освидетельствования (И. Дроздков. Страхование жизни).

---

[5] См.: В. Л. Воронцова. Образование существительных с суффиксом *-тель* в древнерусском языке. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. V, 1954.

Среди широкоупотребительных существительных имеются и такие, которые, не соотносясь с глаголом как с производящей основой, продуцируют новые глаголы, обогащая существующий глагольный образец с суффиксом *-ствова-(ть)* новыми производящими основами, например: *председатель — председательствовать, свидетель — свидетельствовать, покровитель — покровительствовать, сожитель — сожительствовать, попуститель — попустительствовать, предводитель — предводительствовать.*

В отдельных случаях такой вторичный глагол возможен и при наличии первичного производящего глагола, например: *учить — учитель — учительствовать, вымогать — вымогатель — вымогательствовать, сочинить — сочинитель — сочинительствовать, вредить — вредитель — вредительствовать.*

Указанные процессы до некоторой степени ослабляют удельный вес сопутствующего значения лица в данном образце со значением деятеля, поскольку в словах со значением орудия, вероятно как в более молодых, подобные процессы не происходят. Однако количество слов со значением лица в современном русском языке все же превышает количество слов со значением орудия, и полагать, что первые могут в скором времени исчезнуть, нет никаких оснований.

Если бы мы попытались теперь установить характер изменений, происшедших в этом образце за последние полвека, то должны были бы признать, что образец как таковой не претерпел никаких изменений. Он по-прежнему продуктивен и по-прежнему обозначает деятеля. Названия лиц как создавались по этому образцу, так и продолжают создаваться, например: *озеленитель, освоитель, осушитель, ороситель, оформитель* (ср. в сложных словах — *трудоустроитель*) и под. Как раньше они возникали зачастую окказионально, так и теперь: *ниспровергатель, опровергатель, осуществитель, отображатель, распекатель, распутыватель, ухаживатель, списыватель* и т. п. Ср., например:

> Мне не хочется брать тон ментора-критика, *распекателя и опекателя* (Н. А с е е в. — «Лит. газета», 25 февраля 1958 г.); Я не любитель по аллеям шаркать, не *коротатель* вечеров в кино (Витезслав Н е з в а л. Баллада о надежде, пер. К. Симонова. «Иностранная литература», 1960, № 5).

Заметим попутно, что окказиональное для лексики может быть совсем не окказиональным для системы словообразования, как то имеем в приведенных примерах, и, наоборот, обычное для лексики, общеупотребительное может выпадать из системы словообразования, как, например, прилагательное *плательный*, не имеющее соответствующего образца ни в одном слове, но получившее в наши дни самое широкое распространение.

Однако в соотношении сопутствующих значений произошел все же некоторый сдвиг в сторону сокращения новообразований со значением лица (особенно лица по профессии) и расширения

количества новообразований со значением орудия (механизма и вещества). И это вполне объяснимо: стремясь облегчить свой труд, совершенствуя производственные процессы, человек перекладывает на орудия все большее количество разнообразных действий и функций. Но до поры до времени это всего лишь количественные накопления, количественные изменения, которые не переходят еще в качественные, т. е. не изменяют значения образца, не создают изменений в самой системе словообразования, хотя, возможно, и ведут к ним.

Новшество может проявиться не только в изменении значения образца или в изменении количественного соотношения слов с тем или иным сопутствующим значением, но также в появлении слов с новым сопутствующим значением, не свойственным данному образцу прежде. Так, в советский период возникли два существительных, созданных по рассматриваемому образцу, но резко отличающихся по своему значению от всех остальных, обозначая не лицо и не орудие, а учреждение и помещение, где оно находится, — *распределитель* и *вытрезвитель* [6].

> Торопятся к *распределителям* женщины с кошелками, и сухой снег скрипит под ногами (Ф. Гладков. Клятва); Ему вспоминается детский *распределитель*, где он пробыл полгода и откуда так бесцеремонно был выслан вместе с парой брюк в Шкиду (Г. Белых и Л. Пантелеев. Республика Шкид); *Вытрезвитель*. Многие, возможно, предполагают, что это суровое, мрачное учреждение? Отнюдь нет. *Вытрезвитель* скорее похож на гостиницу («Известия», 28 марта 1961 г.).

Первое из этих слов могло еще появиться в результате переносного употребления слова со значением лица или прибора, но второе, вне всякого сомнения, возникло сразу в его настоящем значении. Возможно, что и учреждение вначале тоже могло быть осмыслено как орудие, средство для проведения тех или иных мероприятий, но все же это — учреждение и помещение!

Будет ли это новое сопутствующее значение повторяться в новообразованиях, станет ли оно продуктивным, появится ли у данного образца еще одно сопутствующее значение и тем самым расширится ли еще больше, станет ли еще отвлеченней значение словообразовательного образца, или, напротив, с постепенным сокращением образования слов для названия лиц образец сузит свое значение до значения неодушевленного предмета — предугадать трудно.

Сошлюсь на сходное явление в жизни слов женского рода на *-тельница*. Они с самого своего появления в языке обозна-

[6] И. Т. Яценко (Морфологическое словообразование имен существительных в русском литературном языке советской эпохи. Канд. дисс. Киев, 1954, стр. 285) указывает еще слово *оздоровитель*, но не иллюстрирует его.

чали только соответствующее лицо женского пола. Однако, видимо, в начале прошлого века возникло слово *полоскательница* (впервые отмечено в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г.) и долгое время существовало в полном одиночестве. Только в конце XIX в. появляется второе подобное слово, обозначающее сосуд определенного назначения, — *плевательница* (впервые зафиксировано в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова с весьма характерным примечанием: «Слово *плевательница*, для обозначения вещи, неправильно образовано суффиксом действующего лица *-тель*», тогда как при слове *полоскательница* такого примечания нет), вытесняя существовавшее прежде слово *плевальница* (отмечено в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова). Однако пока эти образования не повлекли за собой других и не могут быть отнесены к продуктивным, даже в пределах сопутствующих значений [7]. Правда, в самые последние годы появляется слово *плескательница* в значении «плескательного бассейна», например: «. . . юные купальщики, успешно осваивающие технику плавания в специальных *плескательницах* с теплой проточной водой» («Московская правда», 3 июня 1961 г.).

Что касается совмещения в одном образце сопутствующих значений лица и помещения, то это явление находит в некоторых образцах очень широкое распространение. Возьмем образец «основа существительного со значением животного + *-ник* или *-атник*». Значение данного образца — существительное конкретное, обозначающее предмет, имеющий отношение к названному в производящей основе животному. Сопутствующие значения разнообразны: лицо (охотник, специалист, любитель) — *голубятник*, *борзятник*, *щеглятник*, *соболятник*, *лисятник;* хищное

[7] Можно указать еще на единичные сложные слова с этим суффиксом, возникавшие в специальном языке. Так, в конце XIX в. широко употреблялось слово *землечерпательница*, обозначавшее судно технического флота, предназначенное для выемки грунта из-под воды, которое официально именовалось *землечерпательный снаряд*.

С 1885 года при целом ряде работ в наших южных портах Министерство путей сообщения ограничивалось тремя *землечерпательницами*, работавшими при постройке С.-Петербургского морского канала, к которым в 1891 году была присоединена еще одна *землечерпательница*, купленная от строителей Коринфского канала («Вестник Министерства путей сообщения», 1896, № 21); В 1913 г. предполагается иметь на Волге между Рыбинском и устьем 28 *землечерпательниц*, стоимость которых исчисляется в круглых цифрах в 5 миллионов рублей («Водные пути и шоссейные дороги», 1913, вып. 3).

Ср. также слово *камнечерпательница* («Водные пути и шоссейные дороги», 1913, вып. 9). Позже оба эти слова вышли из употребления и были заменены словами *землечерпалка* и *камнечерпалка*, которые используются в техническом языке как обиходные наряду с терминами *землечерпательный снаряд* и *камнечерпательный снаряд*.

животное — *стервятник*, *ягнятник;* помещение — *крольчатник*, *поросятник*, *лягушатник*. Указанные сопутствующие значения могут совмещаться в одном слове в самых разнообразных комбинациях: лицо и хищное животное — *перепелятник*, *цыплятник*; лицо и помещение — *медвежатник*, *телятник*, *лисятник*:

> Прошло пять лет. Квартира Владимира Семеновича сейчас напоминает собой *птичник*. Большая комната превращена в вольер. Более двухсот голубей вырастил за это время рабочий. Энтузиаст-*птичник* сумел сохранить пернатых, привезенных с «материка» — так в здешних местах именуют центральные области страны («Известия», 15 ноября 1959 г.).

* * *

Таким образом, не все элементы нового значения производного суффиксального слова являются значением образца, но в определенном образце кроются потенциальные возможности для развития определенных сопутствующих лексических значений.

Многие суффиксальные образцы имеют весьма обобщенное словообразовательное значение; но слова, созданные по этим образцам, могут иметь разнообразные лексические значения, закрепляемые за ними в словарном порядке.

Разграничение основного (структурно выраженного) значения образца и сопутствующих (структурно не выраженных) значений позволяет устанавливать закономерные связи словообразования с лексикой.

Законы аналогии, переносное употребление слов и изменения в соотношении словообразовательного и сопутствующих лексических значений ведут к изменениям значения образца, к изменениям в словообразовательной системе языка.

В. П. Даниленко

О СЛОВООБРАЗОВАНИИ ГЛАГОЛОВ НА *-НИЧАТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Глаголы на *-ничать* т. е. 1) глаголы, образованные от основ существительных на *-ник* с помощью суффиска *-а-(-ть)*, 2) глаголы, образованные от основ существительных без *-ник* в производящей основе, следовательно, с суффиксом *-нича-(-ть)*, и 3) глаголы, производные от основ имен прилагательных с помощью суффикса *-ича-(-ть)*, хотя и представляют собой образования по разным образцам и моделям, имеют ряд общих черт (принадлежность к I продуктивному классу, общность в характере производящих основ и значение самих глаголов) и поэтому могут объединяться при исследовании.

Для современной системы словообразования глаголов на *-ничать* характерно большое количественное пополнение их, очень устойчивая продуктивность и некоторое изменение значений, наблюдающееся в изучаемый период.

Причин такой устойчивой продуктивности глаголов на *-ничать* несколько. Главными из них являются следующие:

1. Широкий круг основ, который может соединяться с суффиксами *-а-(-ть)*, *-нича-(-ть)*, и *-ича-(ть-)*.

2. Продуктивность категории слов, от основ которых образуются глаголы на *-ничать*. Появляясь и закрепляясь в языке, они создают потенциальную базу для производных образований, в том числе и для глаголов на *-ничать (беспризорник — беспризорничать, колхозник — колхозничать, ударник — ударничать, активный — активничать* и мн. др).

3. Яркая стилистическая окрашенность глаголов на *-ничать* и принадлежность их к живой разговорной речи делает их незаменимым экспрессивным средством.

4. От многочисленной группы существительных со значением лица на *-ник* глаголы могуть быть образованы только с помощью

суффикса *-а-(-ть)*. Следовательно, это единственно возможный способ образования глаголов от данного типа основ.

Кроме того, глаголы на *-ничать*, в свою очередь, являются производящими основами для имен существительных с отвлеченным значением и причастий, (*скромничанье*, *манерничанье*, *популярничанье*, *либеральничество*. *производственничество*, *газетничество*, *культурничество*, *эффектничающий*, *нигилистничающий*, *истеричничающий* и др.),[1] что также поддерживает их продуктивность.

Сравнение ранее образованных глаголов на *-ничать* с новообразованиями советского периода дает возможность сделать вывод, что группа глаголов на *-ничать* не снижает своей продуктивности и сейчас[2].

Что представляют собой новообразования на *-ничать* по характеру производящих основ, по значению и по употреблению?

Прежде всего бросается в глаза, что в современном языке глаголы на *-ничать* образуются от основ не только новых слов, но и старых. Такая реализация потенциальных возможностей также лишний аргумент, подтверждающий большую активность данной группы глаголов. Имена существительные *лоцман*, *художник*, *прислужчик*, *пират*, *балагур* и др. не являются новыми в языке, тогда как глаголы на *-ничать* от основ этих слов встретились только в современных материалах.

Кроме того, в современном языке нередко встречаются глаголы на *-ничать* от основ, которые уже ранее образовали глаголы с другими суффиксами (*бондарить — бондарничать*, *балагурить — балагурничать*, *лицемерить — лицемерничать*, *усердствовать — усердничать*, *батрачить — батрачничать*, *путешествовать — путешественничать* и др.).

И, наконец, в современном языке увеличивается употребительность отдельных глаголов на *-ничать* из числа старых образований. При этом нередко старые слова приобретают новые оттенки значения, а иногда являются как бы заново образованными, хотя внешне они похожи на прежние слова. Так произошло с глаголом *местничать*, который широко употребляется в устных выступлениях и в газетных статьях последних лет и который ничего общего ни по значению, ни по производящей основе не имеет с устаревшим глаголом *местничать* (употреблявшимся в значении «спорить о своих преимуществах на место, должность»).

---

[1] Все примеры новообразований глаголов на *-ничать* и производных от них взяты из литературы XIX в. и современной публицистической и художественной литературы.

[2] Это необходимо подчеркнуть, так как в некоторых исследованиях, посвященных суффиксальному образованию глаголов, отмечается, что продуктивность многих структурно-семантических групп глаголов, на *-ничать* в современном языке идет на убыль. См., например, статью К. С. Самуйловой «К вопросу о суффиксальном образовании глаголов» («Уч. зап. Тамбовского гос. пед. ин-та», вып. XII, 1958).

Глагол *кустарничать* в языке нашего времени не употребляется в своем прежнем значении «заниматься кустарным промыслом», но зато широко употребляется в значении «заниматься кустарничеством». «делать что-либо кустарно» (с пренебрежительным, неодобрительным оттенком). В этом случае он соотносится с новым словом или новыми значениями старых слов — *кустарничество*, *кустарно*, *кустарность*, *кустарный*.

Если сопоставить прежний состав глаголов на *-ничать* с новообразованиями с точки зрения распределения их по словообразовательным образцам, то получится примерно такая картина. В языке конца XIX—начала XX в. четко выделяются следующие продуктивные словообразовательные образцы глаголов на *-ничать*.

I. С суффиксом *-а-(-ть)*:

1) От основ существительных со значением лица, имеющих в основе суффикс *-ник*: а) от основ существительных со значением профессии (*башмачник — башмачничать*, *мельник — мельничать*, *плотник — плотничать* и др.); б) от основ существительных с эмоционально-оценочным значением (*балясник — балясничать*, *бездельник — бездельничать*, *сплетник — сплетничать* и др.). Значение их — «заниматься деятельностью лица, названного в основе; быть тем, кто обозначен в основе».

2) От основ неодушевленных существительных, также имеющих в основе суффикс *-ник* (*понедельник — понедельничать*, *полдник — полдничать*, *праздник — праздничать*). Значение их — «делать (соблюдать) то, что отмечено в основе производящего имени».

II. С суффиксом *-нича-(-ть)*:

1) От основ существительных со значением лица, но не имеющих суффикса *-ник* (*бочар — бочарничать*, *столяр — столярничать*, *токарь — токарничать* и др. со значением «заниматься деятельностью того, кто обозначен в основе; быть тем, кто обозначен в основе»: *бродяга — бродяжничать*, *пролаза — пролазничать*, *лакей — лакейничать* и т. п., а также со значением «вести себя, как лицо, названное в производящей основе»).

2) От основ неодушевленных существительных (предметных и отвлеченных), также не имеющих суффикса *-ник* в основе: *азарт — азартничать*, *рукоделие — рукодельничать*, *ералаш — ералашничать* и др. Все эти глаголы характеризуют поведение, поступки, главным образом отрицательные.

3) От основ одушевленных существительных, но не со значением лица — это глаголы типа *обезьянничать*, *попугайничать* и некоторые другие. Продуктивность их ограничена лексической замкнутостью разряда слов, от основ которых образуются эти глаголы.

4) От основ имен собственных — *ольдекопничать*, *байроничать*, *василийльвовничать* и под. Эти глаголы являются, как

правило, окказиональными образованиями. Употребление их ограничивается рамками одного произведения и одного автора. Они очень хорошо передают черты характера, поведения с оценочными оттенками. Сам факт свободного появления глаголов на *-ничать* от основ имен собственных говорит о большой продуктивности этого словообразовательного образца.

III. С суффиксом *-ича-(-ть)*[3]: от основ качественных прилагательных, имеющих *-н-* в конце производящей основы (*искренний — искренничать, откровенный — откровенничать, солидный — солидничать, скромный — скромничать* и мн. др.). Значение этой группы глаголов не выходит за рамки основных значений глаголов на *-ничать* — «вести себя как-либо», «проявлять какие-либо черты» (в соответствии со значением производящей основы).

Глаголы, образованные от основ существительных со значением лица посредством суффиксов *-а-(-ть)* и *-нича-(-ть)*, близки по значению и употреблению. Однако между ними есть и различие. Во-первых, глаголы с суффиксом *-нича-(-ть)* разнообразнее по семантике производящих основ.

Во-вторых, группы глаголов с суффиксами *-а-(-ть)* и *-нича-(-ть)* различаются тем, что глаголы с суффиксом *-нича-(-ть)* во многих случаях имеют параллельные образования с другими суффиксами, в то время как способ образования глаголов посредством суффикса *-а-(-ть)* является единственно возможным от основ существительных на *-ник*. Так, можно отметить следующие типы параллельных образований.

-нича-(-ть) || *-и-(-ть)*: *дебоширничать — дебоширить, пустозвонничать — пустозвонить, жульничать — жулить, фискальничать — фискалить, фиглярничать — фиглярить, зубоскальничать — зубоскалить*; то же и в следующих парах глаголов: *малярничать — малярить, пекарничать — пекарить, слесарничать — слесарить, скорняжничать — скорняжить, портняжничать — портняжить*;

-нича-(-ть) || *-ствова-(-ть)*: *богохульничать — богохульствовать, вольнодумничать — вольнодумствовать, гаерничать — гаерствовать, крохоборничать — крохоборствовать, мародерничать — мародерствовать, прелюбодейничать — прелюбодействовать, притворничать — притворствовать, самоуправничать — самоуправствовать, сибаритничать — сибаритствовать*; *-нича-(-ть)* || *-и-(-ть)* || *-ствова-(-ть)*: *хулиганничать — хулиганить — хулиганствовать*.

---

[3] В глаголах от основ прилагательных выделяется суффикс *-ича-(-ть)* в качестве самостоятельного словообразующего суффикса. Это доказывается тем, что в группе глаголов, образованных от основ прилагательных, есть глаголы, которые произведены от прилагательных, не имеющих *-н-* в конце слова: *подличать* (от *подлый*), *наглячать* (от *наглый*).

По значению эти пары глаголов ничем не отличаются друг от друга; разница — в стилистической окрашенности их, а следовательно, и в употреблении. Глаголы с суффиксом *-нича-(-ть)* получают благодаря своему суффиксу дополнительный оттенок просторечности или разговорности. Особенно это заметно в парах *-нича-(-ть)* || *-ствова-(-ть)*, где глаголы с суффиксом *-ствова-(-ть)* противопоставляются первым как слова книжные.

Характерной чертой всех глаголов на *-ничать* является очень широко развитая система приставочного внутриглагольного образования. При этом данные глаголы получают дополнительный оттенок значения в соответствии со значением приставок. Наиболее частыми являются образования со следующими приставками, в основном со значениями различных способов совершения действия («Aktionsarten»).

за-: *захозяйничать*, *засплетничать*, *заскряжничать* и др.
на-: *нахозяйничать*, *намошенничать*, *напакостничать* и др.
по-: *поэкономничать*, *посумерничать*, *попроказничать* и др.
про-: *просумерничать*, *пролюбезничать*, *пробродяжничать* и др.
с-: *сбарышничать*, *свеликодушничать*, *сгримасничать* и др.

Менее продуктивны приставочные образования с *вы-* (*выбарышничать*), *до-* (*досплетничать*, *дображничать*), *об-* (*обмошенничать*), *пере-* (*переумничать*, *перенервничать*, *перемодничать*), *от-* (*отполдничать*, *отчаевничать*, *отсутяжничать*).

Многочисленные приставочные образования свидетельствуют о свободном и живом употреблении глаголов на *-ничать* во всех возможных вариантах.[4]

Так была представлена в языке группа глаголов на *-ничать*, образованных от основ имен существительных и прилагательных. Это одна из самых продуктивных и живых групп, завоевавшая прочное место в языке, особенно в живой разговорной речи.

В языке советского периода группа глаголов на *-ничать* представлена следующим образом.

I. Пополняются новообразованиями глаголы, образованные посредством суффикса *-а-(-ть)*:

1) От основ существительных со значением лица, имеющих в основе суффикс *-ник*. Значение их — «заниматься деятельностью того, быть тем, кто назван в производящем имени»: *лотошничать*,

---

[4] О том, что приставочные глаголы на *-ничать* являются употребительными, свидетельствуют многочисленные литературные примеры. Вот некоторые из них:

засплетничать: Гости, не дождавшись шампанского и поздравлений, заулыбались, *засплетничали* и опять взялись за танцы (Чехов. Зеленая коса); *набезобразничать*: Он сам так много *набезобразничал* в собрании в разные времена, что теперь ему будет выгодна роль сурового и непреклонного ревнителя офицерской чести (Куприн. Поединок); *погримасничать*: Видите ли: он и взял бы деньги, да не устоял перед соблазном *погримасничать*, порисоваться (Достоевский. Село Степанчиково).

колхозничать, *железнодорожничать*, *дворничать*, *беспризорничать*, *двурушничать*, *завистничать*, *мешочничать*, *напарничать*, *наставничать*, *орешничать*, *песенничать*, *помощничать*, *пособничать*, *самостийничать*, *ударничать*.

Ряд глаголов из этой группы соотносится по значению с двумя производящими основами: с основой существительного лица с суффиксом *-ник* и с основой существительного того же корня, но с другим значением: *монтажничать* — быть монтажником и заниматься монтажем, *курортничать* — пребывать на положении курортника и бывать на курортах. То же и в глаголах *подпольничать*, *саботажничать*, *художничать* и некоторых других.

По материалам новообразований нашего времени этот словообразовательный образец глаголов является активным и продуктивным особенно в живой разговорной речи.

2) От основ существительных неодушевленных с суффиксом *-ник* глаголы на *-ничать* образуются по мере появления подобных существительных. К новообразованиям относится глагол *воскресничать*, который появился в языке вслед за существительным *воскресник*:

> — Сколько пшеницы убрано? Воскресник как провели? — спросил председатель сельсовета. — Так что, не знаю.— Лицо бригадира теряется в темноте. — *Воскресничали* мы: я сам снопы вязал (А. Коптелов. Широкие полосы. В сб. «Форпосты социализма». М., 1931, стр. 117).

II. Не уменьшилась в современном русском языке и продуктивность глаголов, образованных посредством суффикса *-нича-(-ть)* Здесь по-прежнему выделяются три словообразовательных образца: от основ существительных со значением лица, но без суффикса *-ник*; от основ неодушевленных существительных (предметных и отвлеченных); от основ имен собственных.

1) От основ существительных со значением лица, но без суффикса *-ник*: *монтерничать*, *лоцманичать*, *ювелирничать* — со значением профессии, ремесла, занятия.

В группе глаголов на *-ничать* со значением профессии, ремесла происходит некоторое изменение в значении. Эти глаголы в современном языке все чаще и чаще приобретают значение «заниматься данной деятельностью временно, не будучи профессионалом»[5]. И в этом случае глаголы особенно ярко выражают эмоциональное, ироническое отношение к сказанному. Ср., например, значение глагола *художничать* в следующем контексте:

---

[5] Это отмечено и Н. А. Крыловым в его работе «Бессуффиксные существительные лица, соотносительные с непроизводными и отыменными глаголами» («Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та», т. 158. Статьи и исследования по русскому языку. 1960, стр. 7).

На плотной бумаге разрисованы плавающие в зеленой воде птицы, похожие на удавов. Это лебеди. Деревца возле них, ни дать ни взять — банные веники. И тут торговля идет вовсю. — Вы *художничаете*? — Нет, просили продать... («Сов. культура», 14 января 1958 г.).

То же в глаголах *монтерничать*, *ювелирничать*:

Знал же он Водкина потому, что тот приходил к нему менять на очках оправу (старик немного *ювелирничал*) (Федин. Необыкновенное лето, гл. 28); *Монтёрничаешь* третий день, а свету как не бывало. Не брался бы не за свое дело (разговорная речь); Вот ты, Прохор, там *монтёрничаешь*, а скажи мне по совести: когда же мы дождемся свету (Бабаевский. Кавалер золотой звезды, кн. 2, гл. XXV).

Изменению значения этой группы глаголов способствует их экспрессивный характер. Движение в значении происходило скорее всего следующим образом. Глаголы, образованные от основ существительных со значением профессии, занятия, выделялись на общем фоне глаголов на *-ничать* именно тем, что не имели эмоциональной окраски, они были стилистически нейтральны. Ср. *столярничать* — «быть столяром», «заниматься столярными работами», *башмачничать* — «быть башмачником» и т. п. Все же другие глаголы на *-ничать* содержали оттенок эмоционального отношения к сказанному. В современном языке и рассматриваемая группа глаголов на *-ничать* приобретает выразительность, характерную для всех других глаголов данного типа, что, естественно, не могло не сказаться на их значении. Правда, и среди новообразований можно встретить образования типа *дворничать*, где глагол имеет значение «быть, работать дворником» и сохраняет свою стилистическую нейтральность.

Большим количеством образований представлены глаголы со значением «отличаться чертами поведения, характера того, кто назван в производящей основе»: *балагурничать*, *виртуозничать*, *вертихвостничать*, *генеральничать*, *дипломатничать*, *забулдыжничать*, *злодейничать*, *идиотничать*, *крохоборничать*, *лицемерничать*, *лежебочничать*, *пиратничать*, *стиляжничать*, *халтурничать*. Все эти глаголы выражают, как правило, отрицательное отношение к называемым явлениям или действиям.

2) От основ неодушевленных имен существительных (предметных и отвлеченных).

По соотношению основ и по значению эти глаголы менее четки, чем глаголы, образованные с тем же суффиксом *-нича-(-ть)*, но от основ существительных со значением лица.

Здесь есть глаголы со значением занятия. Но при этом имя, от основы которого образован соответствующий глагол, является объектом, результатом или средством деятельности: *зажигальничать*, *калымничать*, *шашлычничать*, *сдобничать*, *кусошничать*. Сюда же примыкают глаголы со значением «заниматься тем, что

указано в производящей основе» — типа *физкультурничать*, *канцелярничать* и под.

Многие глаголы этой группы (от основ неодушевленных имен существительных) трудно подвести под определенный тип значения, так как по образованию они являются окказиональными, а не регулярными. Таковы глаголы *проблемничать*, *коечничать*, *глотничать*, *эффектничать*, *литературничать*, *культурничать*.

Именно эта группа глаголов (от основ неодушевленных имен существительных) выделяется больше других яркой экспрессивной окраской. Они являются средством обличения и находят применение чаще всего в публицистических статьях, фельетонах. Вот несколько примеров:

> *шашлычничать*: Так я стал помощником лгуна. Днем я притворялся парализованным, немым, беспомощным человеком. А ночью *шашлычничал* — готовил на газе еду. . . («Правда», 7 февраля 1960 г.); *калымничать*: Маруся горестно вздыхала: — Эх, Вася! Ведь говорил, что вступишь в колхоз. — Неправда! Я говорил, что буду работать. Вот подучусь в артели. . . — Тянуть с колхоза, вот ты что хочешь. Решил *калымничать*, как дядюшка» («Лит. газета», 20 января 1955 г.).

Употребление глаголов данной группы в произведениях художественной литературы также не является стилистически нейтральным. Ср., например, образование и употребление глагола *проблемничать*:

> Ему [Вадиму], видите ли, не нравится режиссер, его позиции, взгляды. «Тебе, говорит, важно сейчас пролезть, укрепиться как специалисту, доказать, что можешь, поэтому не хорохорься, не открывай Америк, не *проблемничай*, а работай как положено. . .» (В. Некрасов. Кира Георгиевна).

Интересно также употребление слов *литературничать* и *культурничать* в очерках М. Кольцова «Рождение первенца» и «Москва-матушка». Автор использует их как средство иронии, и это ироническое отношение к сказанному прекрасно выражается глаголами, образованными посредством суффикса *-нича-(-ть)*.

Говоря о том, как можно было бы описывать такое большое событие, как строительство Шатурской электростанции, автор замечает:

> Можно, конечно, писать так: «Могучим, величавым гулом звенели турбогенераторы, рубя сверкающими оборотами минуту на три тысячи частей. . .» Можно, конечно, подражая другому из излюбленных нашими литераторами стилей, описать все басом: «Неуемной кондовой тоской притаилось корявое расейское болото. . .» Можно и так, но не стоит. Не стоит *литературничать* вокруг таких простых, больших и смелых вещей («Рождение первенца»).

В другом очерке М. Кольцов с тонкой иронией описывает, как преобразуются два города после больших событий Октября:

Хитрая салопница сбросила плюшевую ротонду, повязалась платком, нырнула в валенки. Москве-матушке это легко, совсем по нутру. Петроград — этот все еще шебаршит, сопротивляется, *культурничает*. Не хочет отдавать манишек и запонок («Москва-матушка»).

3) От основ имен собственных.

Глаголы на *-ничать* от этого типа основ образуются исключительно окказионально. По мере необходимости эти глаголы могут быть образованы от основы почти любого собственного имени. Из современных образований можно привести пример образования такого глагола от имени марионеточного императора Вьетнама: Бао Дай — *баодайничать*[6]. Значение этих глаголов — «проявлять какие-либо черты, характерные для лица, названного в производящей основе».

III. С помощью суффикса *-ича-(-ть)* глаголы образуются от основ качественных прилагательных. Значение этих глаголов — «быть таким-то (в соответствии со значением производящей основы»): *активничать*, *благоговейничать*, *гуманничать*, *истеричничать*, *принципиальничать*, *пасмурничать*; *страстничать*, *усердничать*, *щепетильничать*, *отдельничать* (жить, питаться отдельно) и некоторые другие.

Некоторые из этих глаголов имеют параллельные образования с другими суффиксами: *усердничать* — *усердствовать*, *благоговейничать* — *благоговеть*. При этом, как и во всех других случаях, глаголы на *-ничать* имеют ярко выраженный разговорно-просторечный оттенок.

Новообразования глаголов на *-ничать* свободно образуют свои приставочные варианты, как это было в языке и раньше. Ср., например, такие образования, как *наударничать*, *поударничать*, *надипломатничать* и др.[7].

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы. Группа глаголов на *-ничать* в языке нашего времени представлена большим количеством новообразований. Продуктивность ее не только не «идет на убыль», но, наоборот, увеличивается. Пополнение группы глаголов на *-ничать* идет несколькими путями: новообразования, образования от основ старых слов и параллель-

---

[6] Пример взят из указанной статьи К. С. Самуйловой.

[7] Вот некоторые литературные примеры новых приставочных образований глаголов на *-ничать*:

наударничать: С этого дня на заводе стало тремя ударниками больше <. . .> — О, и в слесарном цеху ударная бригада есть!— Ну, ну, посмотрим, как они *наударничают*, — усмехнулся слесарь Зюков. (П. О р о в е ц к и й. Сила примера); *поударничать*: —Надо «им» [ударникам] наихудшие вагоны давать. . . Вот тогда пускай *поударничают* (там же).

ные образования к уже существующим глаголам с другими суффиксами.

Продуктивность этих глаголов в значительной мере обусловлена их яркой стилистической выразительностью.

Группа глаголов на *-ничать* со значением занятия, профессии претерпевает в современном языке некоторые изменения в значении. Они все чаще употребляются в значении «заниматься определенной деятельностью временно, не будучи по профессии тем, кто назван в основе». При этом глаголы сохраняют свой эмоциональный оттенок.

Увеличивается в современном языке употребительность некоторых глаголов на *-ничать* из числа старых образований (*сотрудничать*, *кустарничать*, *ремесленничать*, *садовничать*, *местничать* и нек. др.). При этом нередко старый глагол приобретает новые оттенки значения.

Д. Н. Шмелев

ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ АКТИВНОЙ АНАЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(Существительные с суффиксом *-инк-а*)

Квалификация аналогии как одного из проявлений языковой «регулярности» характерна для ряда исследователей. Так, В. Скаличка считает, что аналогия является «тенденцией к регулярности»; ей противостоит в языке другая «тенденция» — «аномалия», которая должна рассматриваться как тенденция к нерегулярности[1]. Это сближение аналогии с регулярностью безотносительно к различным языковым «уровням» перекликается с тем пониманием аналогии, которое мы встречаем у Ф. де Соссюра, посвятившего данному явлению две отдельные главы в своем «Курсе общей лингвистики»[2]. Когда Ф. де Соссюр пишет, что «аналогия предполагает образец и *регулярное* (курсив мой. — *Д. Ш.*) подражание ему», то он имеет в виду и словоизменение и словообразование. «Аналогия, — замечает он ниже, — действует в направлении большей регулярности и стремится унифицировать методы словообразования и словоизменения»[3].

Однако, не говоря уже о том, что в ряде случаев именно нерегулярные «реликтовые» формы становятся источником новых образований по аналогии, следует отметить противоречивость самих фактов, связываемых с «аналогией» к регулярной модели.

Не подлежит сомнению роль аналогии в создании новых слов по образцу семантически сходных. Когда это слова, не вошедшие в общелитературный язык, их семантическая зависимость от образца особенно наглядна:

---

[1] V. Skaličk a. O analogii a anomalii. «Slovo a slovesnost», roč. XI, 1949, čis. 4, стр. 147.

[2] Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 150—160.

[3] Там же, стр. 151.

Тут веть рыськуцему зверю прорыску нет, Ясному соколу пролету нет, Тибе-ле доброму молотьцю проезду нет (Л. Д. Григорьев. Архангельские былины, т. I. М., 1904, стр. 500); Баба-яга поставила на стол напитки и наедки разные... (А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. 2. М., 1957, стр. 200) и мн. под.

Ср. нередкое в современной поэзии сопоставление «даль — близь»; например, у А. Твардовского: «... И наша близь, и наша даль» (За далью даль).

Любопытны случаи своеобразной «синтаксической» экспансии форм, вроде *во-первых*, *во-вторых*, например:

Присутствовали: во-первых и в главных, Афанасий Иванович Тоцкий и Иван Федорович Епанчин... (Достоевский. Идиот); ... а в-третьих, и в самых важных, в начале будущего месяца Алексея демобилизуют... (В. Некрасов. В родном городе).

Однако при описании словообразовательных процессов под действие аналогии подводятся самые различные по своей природе образования.

Собственно говоря, любое новообразование в языке может быть объяснено «аналогией» в широком понимании. «По аналогии» к существовавшим *жеребята*, *ослята* и др. с течением времени возникли *лягушата*, *тигрята* и под. В дальнейшем все новые и новые существительные, образованные тем же способом, обозначающие детенышей животных, появляются в языке. Одни из них представляются вполне обычными (*вороненок*, *слоненок*, *мышонок* и т. п.), другие встречаются реже, но как непосредственное «языковое чутье», так и лексикографическая практика не способны, как кажется, указать здесь сколько-нибудь четких ограничений. Любое из подобных образований может оказаться для говорящего на русском языке «встреченным впервые», но в то же время оно не вызывает, как правило, сомнений в своей правомерности, в том, что оно как бы «потенциально дано» в самом языке, несмотря на то, что практически почти никогда не употребляется в речи. Действительно, если взять такие слова, как *бельчонок*, *кукушонок*, *сивучонок*, *воробьенок*, *выдренок*, *соболенок*, *соловьенок*, *соменок*, *сычонок*, *тюленёнок*, *угренок*, нашедшие себе место в толковых словарях современного русского языка (под ред. Д. Н. Ушакова; С. И. Ожегова; академическом), то легко обнаружить, что для определенных носителей языка они менее «привычны», чем другие, не зафиксированные словарями аналогичные образования. Ясно, что это зависит и от специальности, и от круга чтения, и от места жительства и т. п. Многие из не включенных в словари «обозначений детенышей» могут быть отмечены в литературе. Таковы, например, *акуленок*, *бекасенок*, *белужонок*, *жавороненок*, *колюшонок*, *куропатчонок*, *моржонок*, *трясогузенок* и соответственно: *акулята*, *бекасята* и т. д. Вот несколько иллюстраций:

. . . у бедных *акулят*, Уже двенадцать суток Зубки болят (Чуковский. Айболит); Потому и были у бекаса такие большие яйца, что *бекасята* в них подрастать могут (В. Бианки. Лесные детеныши); . . . и однажды случайно поймали полуторапудового *белужонка* на перемет для камбалы (Куприн. Мыс Гурон); А любопытно было бы посмотреть на маленьких *жаворонятоk*! (Шолохов. Поднятая целина); У Колюшки в гнезде из каждой икринки вывелось по маленькому *колюшонку*, всего — сотня *колюшат* (В. Бианки. Лесные детеныши); Вернулись наши корреспонденты назад — за *куропатчонком*, а его и след простыл (там же); Скоро они увидели на краю ледяного берега моржиху с *моржонком* (В. Бианки. Моржиха); Крошечный голый *трясогузенок* шлепнулся внизу о гальку. . . (В. Бианки. Лесные происшествия).

По сути дела, если отвлечься от некоторых специальных фонетических причин (а также и субъективно-вкусовых критериев), для подобных образований нет ограничений. Каждое название животного, поскольку оно включается в речь, становится своего рода «сигналом» возможности появления соответствующего производного. Например, В. Бианки вводит в свой рассказ название *гугуик*, не отмеченное в словарях. Раз слово появилось, сразу же писателем ощущается возможность образовать от него *гугуичата*: «гляжу — *гугуик* (нырок) учит своих *гугуичат* уплывать от людей» («Лесные происшествия»). По-видимому, дело в том, что перед нами словообразовательная модель с четкими структурно-семантическими контурами.

Отмечая, что по образцу таких названий фруктовых деревьев, как *pommier*, *prunier*, *poirier* и т. д., образованных от *pomme*, *prune*, *poire*, позднее во французском языке возникло слово *bananier* (от *banane*), Е. Курилович видит возможность подобных образований в «скрытом присутствии» (une existence latente) господствующего понятия (le concept-maitre), т. е. понятия «фруктовое дерево», не находящего в языке реального выражения ((**fruitier*)[4]. Это соображение кажется правильным. Ведь именно «скрытое присутствие» господствующего понятия (ср. *ребенок*, а также характерное в этом плане просторечное *детенок*, например, в «Поднятой целине» Шолохова — в речи Нагульнова: «Он тебе в момент научится *детенка* пестовать. . .»; ср.: в рассказе крестьянина из «Утра помещика» Л. Толстого: «*Детенок* первенький был. . .») и обусловливает семантическую «замкнутость» (независимо от лексического объема и лексической замкнутости) и определенность словообразовательной модели. Чем определеннее в этом смысле словообразовательная модель, тем, по-видимому,

[4] J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 9.

больше простора для «аналогии», если понимать ее широко, тем свободнее ее действие. Но действием той же в широком понимании аналогии объясняются и такие качественно отличные от данных образования, как *цыганенок*, *пастушонок*, *поваренок* и др. (с формами множественного числа *цыганята*, *пастушата* и т. д.). Ср. другие того же типа образования, грамматико-семантическая структура которых оказывается еще более неопределенной, т. е. отдаленной от основного ядра соответствующей словообразовательной модели:

. . . это опять непременно мне *пострелята* досаждают. . . (Л е с к о в. Очарованный странник); . . . терпеть не мог, как он выражался, нянчиться с *писклятами*. . . (Т у р г е н е в. Дворянское гнездо); Эти «няньки» установят за мной надзор похлестче, чем за *дошколятами* в детском саду (В. К у к а н о в. Фельетон «Уязвимое место»); . . . из одного окна звонко раздается: «Воришки! Воришки! Воришка, *воренок*!. . .» (Г о р ь к и й. Дед Архип и Ленька); . . . Ах ты *шпаненок*! (Ш о л о х о в. Нахаленок); — *Нахаленок*! — кривя губы, крикнул попович (там же); . . . для своего тряпичного *кукленка* (Ш о л о х о в. Поднятая целина); . . . миллионы огромных чистых любовей и миллионы миллионов маленьких грязных *любят* (М а я к о в с к и й. Облако в штанах); . . . Стали черными, ослепили золотые *глазята* подсолнухов. . . (Х л е б н и к о в. Шествие осеней Пятигорска).

Ср. также:

. . . только на него смотрю да прошу: «Валерочка, *жизненочек*! сокровище благих!» (Л е с к о в. Воительница); П о т р о х о в (открыв глаза). Ах ты *жизненочек*! *жизненочек* ты мой! (А. Н. О с т р о в с к и й. Трудовой хлеб); Л ю б и м К а р п ы ч. . . Остался я после отца. . . лет двадцати *несмышленочек*» (А. Н. О с т р о в с к и й. Бедность не порок) и под.

Естественно, что если и те и другие случаи (т. е. появление и *гугучат*, и *глазят*) объяснять как результат все той же «аналогии», то термин этот вообще утрачивает всякое содержание; ссылки на аналогию не только ничего не объясняют, но даже мешают выяснению подлинного характера явления.

Совершенно очевидно, что такие образования, как *акуленок*, *бекасенок*, *белужонок* и под., если они даже кажутся с первого взгляда непривычными, являются результатом не какого-то уподобления отдельным словам или определенной словообразовательной модели, а именно реализацией этой последней, ее непосредственным проявлением. В то же время, когда мы встречаемся с такими уменьшительными, как *воренок*, *любенок* или *кукленок*, мы воспринимаем их как бы на фоне этой модели, как бы уподобленными ее регулярным образованиям. И поэтому именно

в данном случае представляется более уместным говорить об образовании «по аналогии». Но тогда «аналогия» выступает в языке не как фактор регулярности, а напротив, как фактор, способствующий введению в речь (а потенциально — в язык, ср. *поваренок*, *пастушонок*) образований, которые нарушают структурно-семантическую целостность и определенность той словообразовательной модели, на которую они опираются и наслаиваются. Они образуются как от различных частей речи, так и от разных семантических групп слов, поэтому не могут составлять самостоятельного структурно-семантического ядра. В то время как любые образования типа *акуленок*, *бекасенок* лишены эмоционально-стилистической окраски, образованные по аналогии к ним производные не являются как правило стилистически нейтральными. Возникновение этих слов в речи практически наблюдается, по-видимому, от бóльшего количества основ, чем образование первых; ср. «. . .Неплохие *стишата*! — заявил муж» («Лит. газета», 5 января 1960 г.); «Какие же вы *умнята*!» (Николаева. Битва в пути); «А *пальчата-умнята* сами понимают!» (там же) и т. д., но оно ограничено достаточно жесткими стилистическими рамками.

Подобного рода стилистические образования, группирующиеся вокруг более или менее регулярной словообразовательной модели, могут, естественно, в какой-то своей части объединяться в определенные структурно-семантические группы. Ср., например, *пастушонок*, *поваренок*, *конюшонок*, обозначающие не только детей пастуха, повара, конюха, но и маленьких их помощников. Однако группа эта лексически замкнута. Пополнения ее в действительности не происходит. Точно так же лексически замкнута и не имеет перспективы пополниться группа *чертенок — чертенята*, *бесенок — бесенята*, характеризующаяся особой формой множественного числа (*-енят-*), выделяющей ее в общелитературном языке [5] из однородных образований. Здесь любопытно, однако, что некоторые более индивидуальные новообразования, как бы семантически примыкающие к ним, ассимилируются им и морфологически; ср., например, в «Поднятой целине» Шолохова: «—. . . А ребятишки, это — чистые *враженята*!»; «—. . . Вот она какая, эта богом и *боженятами* клятая Лукерья!»

Можно, однако, отметить и такие случаи, когда подобного рода возникшие по аналогии ответвления от основного словообразовательного ряда оформляются как самостоятельные структурные ряды. Таковы, например, имена существительные с суф-

---

[5] По говорам широко распространены как форма *чертята*, с одной стороны, так и формы *волченята*, *гусенята*, *лисенята*, с другой; см.: С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. Л., 1931, стр. 140—144. Ср. также у А. Толстого: «. . .сам еж, ежиха, ежова теща. две ежовые незамужние тетки и маленькие *еженята*» («Золотой ключик»),

фиксами, обозначающими одновременно действие и его результат, производителя действия и орудие, и т. п.

Интересно остановиться на тех случаях, которые могут иллюстрировать самый процесс формирования подобных относительно самостоятельных рядов в современном русском языке, т. е. на таких случаях, когда последние еще не воспринимаются как стилистически нейтральные и обособленные словообразовательные модели, но когда можно говорить уже не об аналогии к основному словообразовательному типу каждого отдельного новообразования, относящегося к этому ряду, но скорее об аналогии, поддерживающей весь этот ряд как формирующуюся словообразовательную модель. Конечно, совершенно другим вопросом является выяснение того, будет ли завершен процесс формирования подобной модели.

Таким, в частности, представляется один из типов производных имен существительных с суффиксом *-инка* в современном русском языке. Как известно, от существительных со значением нерасчлененного вещества при помощи производного суффикса *-инка* образуются имена существительные, «являющиеся названиями единичных предметов» [6]: *крупинка*, *песчинка*, *чаинка* и т. п. Если при этом слова вроде *глина*, *соль*, *табак* и мн. др. не имеют соответствующих «уменьшительных», то это обстоятельство требует включения в указанную словообразовательную формулу целого ряда лексических разъяснений, что уже само по себе указывает на степень «регулярности» данной словообразовательной модели. Вместе с тем нетрудно заметить, что любое необычное и неупотребительное образование, но с той же лексико-семантической характеристикой вроде *солинка* или *табачинка*, производит впечатление скорее реализации каких-то потенциальных возможностей все той же словообразовательной модели, чем «аналогии» к ней. Например, в произведениях только одного писателя мы можем обнаружить целый ряд нерегистрируемых словарями подобных образований:

> . . . каждый колосок, каждая метелка, каждая дикая *злачинка*. . . (С о л о у х и н. Капля росы) . . .в виде *мусоринок* из избы попадают иногда к людям слухи. . . (там же); . . .не оставалось в лугах ни одной не убранной *сенинки* (Владимирские проселки); . . .Роза нащипала на ходу крупного сочного щавеля и теперь, вытягивая из кармана по одной *щавелинке*, ела (там же) и под.

Вместе с тем в современном русском языке, особенно в некоторых его разновидностях (главным образом в разговорной речи и в художественной литературе), становится очень активной другая группа образований с тем же суффиксом. Это производные от именных основ вроде *хитринка*, *лукавинка*. Ср. у Лескова:

---

[6] Грамматика русского языка, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 268.

«. . .хотя, разумеется, была у нее, как у русского человека, и маленькая *лукавинка*» (Воительница); «. . .Характер Берлинский имел очень смелый, решительный и откровенный, но несколько с *хитринкой*» (Печерские антики).

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова подобные слова не зарегистрированы. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова отмечено только слово *лукавинка* (с пометой «разговорное»: «*с лукавинкой* (разговорн.) — с лукавством. *С лукавинкой во взгляде*»). Между тем в разговорной речи данный словообразовательный тип становится все более продуктивным.

Подобные существительные довольно широко проникают в художественную литературу. Вот несколько примеров. Нетрудно заметить, что существительные данного типа появляются чаще всего в сочетании с предлогом *с*; однако их употребление никак не ограничено этим сочетанием:

Усталое и милое лицо ее не выражало удивления, — глаза были равнодушные, синие, *с сумасшедшинкой* (А. Толстой. Аэлита); . . .хитрые, простоватые глазки его посмеивались, но где-то пряталась в них *сумасшедшинка* (там же); А эта Кланька Звягина, как ты считаешь, толковая? Или она с *глупинкой*? (Нилин. Жестокость); . . .По-моему, Макар трошки с *глупинкой*, а не я;. . . (Шолохов. Поднятая целина); . . .Эва, весь заварихинский пожиток! — не без злобы и *хитринки* кивнул он на голые стены. . . (Леонов. Вор); А он на меня опять с *хитринкой* смотрит и говорит. . . (Л. Соболев. Рассказы В. Л. Кирдяги); Хозяйка охотно принимала все эти услуги, поглядывая на суетившегося Лопахина с веселой *хитринкой*, улыбаясь одними серыми глазами. . . (Шолохов. Они сражались за родину); Не скажешь, что у него ума палата, никак не скажешь, а с *хитринкой*, с какой-то простоватой *хитринкой*, какая бывает у большинства дураков (Шолохов. Поднятая целина); Нагульнов ходил по комнате, похрустывая пальцами, тихо, с *лукавинкой* улыбался (там же); . . .глаза смотрели с открытой *лукавинкой* (там же); Несмотря на возраст, еще бродило в нем казачье озорство, диковинно сохранившаяся грубоватая *веселинка* (там же); . . .и мгновенно глаза его стали прежние — с доброй *веселинкой* (там же); . . .и опять его улыбка, как и прежде, засветилась непритворной *веселинкой*. . . (там же); . . .я дважды с опаской настораживалась — не допустит ли автор *фальшивинки* (В. Кетлинская. «Лит. газета», 1 октября 1959 г.); . . .и опять улыбнулся, уловив *фальшивинку* в этом разговоре (Шолохов. Поднятая целина); . . .теперь о нем, видимо, забыли, наговорив на проводах уезжающих двадцатипятитысячников хороших, с *горячинкой*, речей (там же); . . .каждое утверждение должно быть проверено, не скрыта ли в нем *слабинка*

(из речи адвоката Киселева, «Судебные речи советских адвокатов». М., 1960, стр. 159); . . .я ведь с *жестоковатинкой*. . . (Л е о н о в. Вор); Имелись у купца и лабазы, и мельницы, и мучные оптовки, а еще дочка Катеринка с *глуповатинкой* (Л е о н о в. Барсуки); — Заходил бы к нам! — донесся до него зазывный, с *виноватинкой* голос (С. В о р о н и н. В родных местах); Л е н а. . . А глаза вот как были — серые, с *задоринкой* (А р б у з о в. Шестеро любимых); Векшин холодно посмотрел на Санькину жену, явственно распознав неуловимую *лжинку* в ее признании. . . (Л е о н о в. Вор); На Сашу посмотрели рассеянные глаза с усталой *смешинкой* (П а н о в а. Времена года); Только в уголках губ так навеки и осталась *смешинка* прежнего сынишки, Тольки, которого я когда-то знал. . . (Ш о л о х о в. Судьба человека); . . .взгляд его просиял, блеснул *смешинкой*. . . (Г р а н и н. После свадьбы); . . .скептическая *усмешинка* в глазах. . . (П а н о в а. Времена года); . . .а все-таки, дядя Иван, ты человек с *чудинкой* (Ш о л о х о в. Поднятая целина); Мир водевиля — это веселый мир добрых и славных людей, но люди эти чуть-чуть с *чудинкой*, с небольшой странностью. («Лит. газета», 3 января 1959 г.); Кто не знает знаменитого шолоховского деда Щукаря, хитрого с *прищуринкой*, старого казака! («Лит. газета» 16 июня 1960 г.).

Ср. также: *живинка* (Бажов), *дичинка* (Фадеев) *дерзинка* (Тендряков) и мн. др.

Все эти производные с суффиксом *-инка* различаются тем, что одни из них образованы от имен существительных (*лжинка*, *смешинка*), другие — от основ имен прилагательных (*фальшивинка*, *хитринка*). Можно предположить, что в самом процессе возникновения этого в настоящее время довольно активного словообразовательного типа сыграли роль два встречных течения: с одной стороны, наличие в языке таких образований, как *диковинка* (например, в повести Погорельского «Монастырка»: «— Экая *диковинка*! — сказала Марфа Петровна, обращаясь к Прыжкову, — не видал ты никогда девушки в обмороке!»; ср. в выражениях *в диковинку*, *не в диковинку*,[7] *по старинке*, *в новинку*, *в первинку* (например, в повести Горького «Супруги Орловы»; «. . .Пройдет это . . .*не в первинку*. . .»), *со всячинкой* (в «Господах Головлевых»: «. . .Конечно, мы в театрах не бывали, а все-таки, чай, *со всячинкой* там бывает»; в «Житии одной бабы» Лескова: «Житие было известно какое — со *всячинкой*. . .» и под.); с другой стороны, закрепление отвлеченного «переносного» значения за некоторыми конкретно-предметными существительными

[7] Например: «Тогда такие вещи были *не в диковинку*» (М а р л и н с к и й. Замок Эйзен); М и г а ч е в а . . . и хлеб-то им стал *в диковинку*» (А. Н. О с т р о в с к и й. Не было ни гроша. . .)

с тем же суффиксом, ср. переносное значение слова *изюминка*. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова указывается, что «это значение стало ходовым после пьесы Л. Толстого «Живой труп», где герой говорит: «Моя жена идеальная женщина была. . . но, что тебе сказать, не было изюминки. Знаешь, в квасе изюминка? — не было игры в нашей жизни» (т. I, стр. 1187). Отвлеченные от конкретно-предметного содержания, такие слова, как *изюминка*, в какой-то степени создавали условия для образования по аналогии параллельного ряда существительных, где происходит обратный процесс «метафоризации»: слова с абстрактным значением в определенном смысле «конкретизируются» благодаря соответствующему синтезу, создающему своеобразную «внутреннюю форму» этих слов (ср. *хитрость* и *хитринка* и т. п.).

Характерно также, что существительные более или менее конкретного значения с суффиксом *-ина* при переносном употреблении для выражения каких-либо «непредметных свойств» и качеств — заменяются существительными с уменьшительным суффиксом *-инка* [8], например:

> . . . Просто человек с изъяном, *с трещинкой*. . . (А. Толстой. Хромой барин); Он похохатывал, но, как показалось Буранову, не очень весело, смех был *с трещинкой*. . . (Травин. Тайны Тарунинских высот); Теория, утверждавшая, что в положительном образе надо показать «*червоточинку*», якобы его оживляющую, оказалась несостоятельной и даже вредной (Л. Соболев. «Лит. газета», 8 декабря 1953 г.) и т. п.

Любопытны случаи «*с азиатчинкой*» (А. Толстой. Похождения Невзорова), «*с цыганщинкой*» (А. Толстой. Гадюка). «с легкой *бытовщинкой*» («Лит. газета», 22 октября 1960 г.) и т. п., демонстрирующие определенность рассматриваемого типа образований. Об его семантической устойчивости свидетельствуют и такие факты, как *с задоринкой* (см. в примерах выше «глаза *с задоринкой*»), когда новообразование воспринимается не в связи с уже существующим в языке словом (*без сучка*, *без задоринки*), а на фоне аналогичных «отвлеченных» уменьшительных, которые выступая вместо существительных с суффиксами *-ость*, *-ство* и др., выражают соответствующие значения с оттенком уменьшительности и в то же время представляют их как бы в своеобразно «материализованном» виде, что определяется явной словообразовательной зависимостью данных уменьшительных от таких, как *чаинка*, *соринка* и под., по аналогии к которым они и возникают.

---

[8] Существенно отметить, что «метафоризация» отдельных слов более или менее конкретного значения вообще связывается иногда с прикреплением к ним «уменьшительных» суффиксов; ср. *с прохладцей*, *с холодком* и под.

Можно отметить еще примыкающую к той же словообразовательной модели отчетливую семантическую группу уменьшительных от прилагательных, обозначающих цвет, например:

> А у палиховских тон бирюзист, все *голубинкой* отдает (Л е с к о в. Запечатленный ангел); Серые с *голубинкой* глаза (Г о р ь к и й. Дело Артамоновых); Белокурые, с чуть приметной *рыжинкой* глаза (Ш о л о х о в. Они сражались за родину); С тонкой *краснинкой* вдоль темных бровей (К у п р и н. Свадьба); Полное лицо еще не успело утратить легкой *розовинки* (Ш о л о х о в. Поднятая целина); Слоистое осеннее, лиловое *с желтинкой*, небо (Л е о н о в. Дорога на океан), и т. п.

Поскольку в языке формируется словообразовательное соотношение, как, например, в последнем случае «прилагательные, обозначающие цвет — существительные со значением неполного проявления этого качества, образованные при помощи суффикса *-инк-(-а)*», — для синхронного анализа языка вопрос об аналогии по существу отпадает. Психологическая ассоциация с моделью *чаинка*, *песчинка* и т. п. ощущается, однако, достаточно явно, а стилистическая «отмеченность» образований *голубинка*, *краснинка* и т. п. заставляет видеть в них скорее как бы потенциально возможные, чем реально закрепившиеся слова языка. Как и в предыдущем случае (*хитринка* и др.), правильнее, как кажется, говорить не о возникновении каждого отдельного слова «по аналогии», а о формировании определенного типа, который уже как таковой поддерживается аналогией с продуктивной словообразовательной моделью. Происходит ли образование таких производных, как *с глупиной* (Ш о л о х о в. Поднятая целина) и *с черниной* (там же) и др., параллельно рассмотренным выше, или же здесь можно говорить об «обратном словообразовании», — решить сейчас трудно не только ввиду недостаточной изученности многих вопросов русского словообразования, но и из-за характера самих этих образований, сохраняющих стилистическую обособленность, а поэтому плохо поддающихся хронологическим сопоставлениям.

Таким образом, действие аналогии не направлено само по себе на укрепление регулярности в языке. Оно проявляется поразному в словоизменении и в словообразовании, но и там и там нередко вступает в противоречие с той тенденцией языка, которая определяется как тенденция к унификации способов выражения одного и того же значения. Если именно эту тенденцию назвать «аналогией», как это часто делается, то следует резко отграничивать от нее такие уподобления форм слова, которые обусловливаются звуковой или семантической близостью отдельных слов (или групп слов), а не целых, например, типов склонений, и которые далеко не всегда имеют это унифицирующее значение

(ср., например, длительное сохранение формы родительного множественного *зуб*, которое объясняется влиянием формы *губ*[9], и многие подобные факты). Точно так же следует разграничивать такие принципиально различные явления в словообразовании, как расширение действия регулярной модели в соответствии с ее структурно-семантической формулой (*бекасенок*; *щавелинка*) и ее вторжение в иные семантические сферы (*деньжата*; *фальшивинка*).

---

[9] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, стр. 128.

Н. Д. Андреев, В. Л. Замбржицкий

ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

1

В советскую эпоху спорт стал достоянием всего народа и превратился в один из необходимых и повседневных элементов жизни общества. Именно в этом причина того, что спортивная терминология в наши дни широко входит в литературный язык — особенно в разговорной его форме. Термины спорта более, чем какие-либо другие, употребительны в бытовой речи молодого поколения[1].

Характерной особенностью спортивной лексики является широкое развитие процесса, который можно назвать терминологизацией не-терминов. Существуют две разновидности этого явления: терминирование отдельного слова и терминирование словесной пары[2].

Терминологизация словесных пар состоит в том, что два слова общего языка, ни одно из которых в отдельности не является термином, в совокупности образуют термин: *добавочное время*, *центральный круг*, *система с выбыванием*, *весовая категория*.

При анализе лексики, встречающейся в спортивной литературе, естественным образом возникает вопрос о том, с какого момента слово становится частью спортивной терминологии. Определять момент этого перехода по фиксации слова в общих и спортивных словарях (или по времени первой публикации)

[1] Основным материалом для исследования явилась лексика спортивной прессы, спортивной литературы и терминологических спортивных словарей периода 1945—1960 гг.

[2] Все известные нам термины, состоящие более чем из двух слов, распадаются на отдельные слова и словесные пары, например: вышка для прыжков в воду=«вышка»+«прыжок в воду». При этом термин, включающий в себя служебное слово, также рассматривается нами, как словесная пара — по числу знаменательных слов.

не представляется возможным, так как словари фиксируют далеко не всю терминологическую лексику, и когда фиксируют, делают это обычно с большим опозданием.

Важно поэтому ввести понятие порога терминологизации, устанавливаемого статистически: для того, чтобы быть признанным в качестве термина, рассматриваемое слово должно быть употреблено с установленной относительной частотой у достаточного числа различных авторов-специалистов. При этом весьма существенна роль устной речи, в которой порог терминологизации обычно переступается значительно раньше, чем в печатных текстах. Сопоставление текстов «Единой всесоюзной спортивной классификации», опубликованных в 1943, 1947, 1949, 1953, 1956 и 1957 годах наглядно иллюстрирует это положение. Термин *борьба самбо* появляется в «Единой классификации» с 1947 года, *водное поло* — с 1949 г., *современное пятиборье* — с 1953, *хоккей травяной* — 1956, *малый теннис* — с 1957 и т. д.; в этих датах отражается та последовательность, с которой названные виды спорта становились массовыми в нашей стране и соответствующие термины получали достаточное распространение. Разумеется, порог терминологизации был перейден в газетно-журнальном языке несколько раньше приведенных дат (что легко проследить по газете «Советский спорт» и журналу «Теория и практика физической культуры»). В устную же речь спортсменов эти термины вошли еще раньше.

Русская спортивная терминология за последние полстолетия претерпела значительные изменения; развитие этой терминологии совершалось в двух направлениях: во-первых, она приходила в соответствие с общенародной основой русского языка, во-вторых, происходило более или менее целеустремленное упорядочение ее. Наглядным примером тому может служить эволюция гимнастической терминологии, которая сложилась в начале XX в. на базе чешской (сокольской) системы, но к концу 30-х годов была пересмотрена с точки зрения норм русского словообразования[3]. Эта работа была выполнена комиссией, составленной из деятелей спорта и языковедов (при консультации проф. Б. А. Ларина), притом настолько удачно, что предложенная комиссией система терминов сразу получила всеобщее признание и практическое применение; дальнейшее пополнение и совершенствование системы происходили в духе выдвинутых комиссией положений[4].

---

[3] История вопроса подробно изложена в брошюре «Гимнастическая терминология (с приложением словаря)» (М., 1938), в книге Н. И. Ифантопуло и А. П. Колтановского «Терминология гимнастических упражнений» (М., 1955) и в книге А. Т. Брыкина «Гимнастическая терминология» (М., 1959).

[4] «Построение названия или термина . . . должно производиться по нормам русского словообразования, чтобы можно было путем перевода получить терминологию на языке любой национальности СССР. Другими словами . . . терминология должна быть доступна широким массам трудящихся и по

О характере произведенных замен свидетельствует выборка из сравнительной таблицы старых и новых терминов:

велеоборот — большой оборот	отбочка — прыжок боком
вспор — упор	сножив — ноги вместе.

Аналогичный процесс замены старых терминов новыми, более соответствующими духу русского языка, произошел и в футбольной терминологии: *беки* и *хавбеки* стали *защитниками* и *полузащитниками*, *форварды* (реже — *форварда*) — *нападающими*, *голкипер* — *вратарем*, *пенальти* — *одиннадцатиметровым ударом* (или, с субстантивацией, просто *одиннадцатиметровым*), *офсайд* — *положение вне игры* (или, в обстоятельственном употреблении, просто *вне игры*).

Вытеснение иностранных терминов русскими явилось, во-первых, естественным результатом того, что физическая культура и спорт из занятия одиночек превратились в достояние миллионов, во-вторых, следствием той плановой работы, какая велась по упорядочению спортивной терминологии за последние 20 лет. Особенно успешной эта работа оказалась в области гимнастической терминологии, терминов лыжного спорта, классической борьбы и водного поло[5].

2

Термины спорта по своей семантике делятся на три основные группы: а) наименования видов спортивной деятельности; б) названия спортивных объектов, предметов и единиц учета; в) термины, обозначающие деятелей спорта. Каждая из основных групп достаточно четко подразделяется на смысловые подгруппы. В первой группе такими подгруппами являются: названия видов и подвидов спорта (*горнолыжный спорт*, *баскетбол*, *легкая атлетика*, *борьба классическая*, *вольная*, *самбо*), видов состязаний (*турнир*, *матч*, *первенство*, *спартакиада*), видов упражнений, движений и приемов (*жим*, *обводка*, *соскок*, *ходьба в приседе*). Вторая группа состоит из четырех подгрупп: термины, обозначающие спортивные сооружения (*стадион*, *стрельбище*, *ринг*, *беговая дорожка*), спортивные средства передвижения (*байдарка*, *мотоцикл*, *планер*, *водяные лыжи*), спортснаряды и спортинвентарь (*копье*, *велостанок*,

---

возможности быть ближе к живому разговорному языку» («Гимнастическая терминология. . .», стр. 4—5).

[5] См., кроме указанных ранее, статьи: М. А. Аграновский. Классификация и терминология способов передвижения на лыжах. «Теория и практика физической культуры», 1949, т. 12, вып. 12, стр. 924—933; Н. Н. Сорокин. О классификации и терминологии приемов спортивной борьбы. Там же, 1953, т. 16, вып. 4, стр. 304—312; В. А. Оболенский. Классификация и терминология техники игры в водное поло. Там же, 1955. т. 18, вып. 3, стр. 202—208.

разновысокие брусья, *мяч*, *майка*), единицы учета (*очко*, *гол*, *тайм*, *период*, *сет*).

Термины, обозначающие деятелей спорта, весьма разнообразны по своим смысловым характеристикам. Наиболее многочисленна подгруппа терминов, связанных с занятиями каким-либо видом или подвидом спорта (*футболист*, *копьеметатель*, *тяжелоатлет*, *гимнастка*) и с участием в каком-либо виде состязаний (*марафонец*, *спринтер*, *многоборец*, *полуфиналистка*); эта подгруппа непрестанно пополняется благодаря появлению новых видов спорта и состязаний (*аквалангист*, *бадминтонист*). Вторая подгруппа связана с ролью спортсмена в команде или в состязании (*капитан*, *защитник*, *нападающий*, *лидер*, *аутсайдер*, *судья*). В третью подгруппу входят термины, характеризующие спортсменов по их квалификации (*перворазрядник*, *гроссмейстер*), классификации (*средневес*, *полутяжеловес*) или спортивным достижениям (*олимпийский чемпион*, *призер*). Четвертую подгруппу составляют названия спортсменов, характеризуемых географически (ленинградец, москвич, киевлянин, австралиец); особенность этой подгруппы в том, что она, собственно, не принадлежит к терминологии спорта, но в спортивных текстах она применяется значительно чаще, чем в любых других. По аналогии начала формироваться подгруппа уже чисто спортивных терминов, обозначающих принадлежность к спортивному обществу [6] или клубу (*спартаковец*, *динамовец*, *досаафовец*, *арсеналец* — член клуба «Арсенал»).

Особую в семантическом отношении группу образуют с л о ж н о с о с т а в н ы е термины; под этим понимаются слова типа *пловец-марафонец*, *байдарка-одиночка*, *боксер-любитель*. Их особенность состоит в том, что каждый из компонентов сложносоставного термина может являться определением к другому компоненту. Это следует из рассмотрения таких пар, как *пловец-марафонец* и *бегун-марафонец*: при текстовом сопоставлении этих двух терминов их правые части служат определением к левым; внутри же пары *пловец-марафонец и пловец-спринтер* при их текстовом контакте, наоборот, левые части служат определениями к правым. Аналогичное двойственное вхождение в систему и двойственное отношение определений и определяемых мы наблюдаем в группах *байдарка-одиночка*, *байдарка-двойка*, *байдарка-четверка*, с одной стороны, *байдарка-одиночка*, *каноэ-одиночка*, *скиф-одиночка*, с другой стороны. Эти примеры можно было бы умножить.

Необходимо отметить, что в сложных терминах типа *шагомер*, равно как и в составных типа *тройной прыжок*, такое потенциаль-

---

[6] Сходное явление наблюдается и в других лексических сферах, где образуются слова типа *электроаппаратовец* (работник завода «Электроаппарат»), *бауманец* (студент МВТУ им. Баумана), *тельмановец* (работник комбината им. Тельмана), ленфильмовец (работник киностудии «Ленфильм») и т. п.

ное равноправие отсутствует: здесь во всех случаях первый компонент находится в зависимости от второго, но не наоборот.

Возможно, что в связи с данным отличием сложносоставных (*мастер-гонщик*) терминов от сложных (*мотопробег*) и составных (*настольный теннис*) находятся и некоторые морфологические особенности первых (о чем речь будет идти ниже).

3

Переходя к морфологическим характеристикам терминов спорта, выделим два момента, представляющих, с нашей точки зрения, наибольший интерес: вопрос о соотношении единственного и множественного числа и проблему морфологических категорий сложносоставных терминов. В обоих случаях мы имеем дело с развивающимся взаимодействием плана выражения и плана содержания.

Соотношение форм единственного и множественного числа явилось за последние годы предметом специального изучения[7]. Предложенные классификации существительных, относящихся к группе pluralia tantum и примыкающих к ней, основываются преимущественно на объектно-семантических основаниях деления[8]. Не оспаривая правомерности такого подхода, мы хотели бы предложить несколько иную схему организации рассматриваемого материала, опирающуюся на трансформационный анализ. При этом словесные конфигурации (синтаксические конструкции, словосочетания и т. п.) рассматриваются с точки зрения осуществимости над ними трансформации по числу

[7] Р. С. Манучарян. Лексикализация множественного числа имен существительных (в плане проблемы форм одного слова). «Научные труды Ереванского ун-та», 1956, т. 57, вып. 4, ч. II, стр. 123—148; А. М. Иорданский. Существительные pluralia tantum в русском языке. «Уч. зап. Владимирского пед. ин-та. Ист.-филол. серия», 1956, вып. 2, стр. 91—147; Д. А. Арбатский. О колебаниях в числе у имен существительных в современном русском языке. «Уч. зап. Удмуртского пед. ин-та», 1958, вып. 14, стр. 169—220; Он же. О лексических значениях форм множественного числа имен существительных в современном русском языке. «Научные доклады высш. школы. Филол. науки», 1958, № 4, стр. 65—74; А. М. Косякин. О некоторых лексических процессах, связанных с формами числа имен существительных. «Уч. зап. Тульского пед. ин-та», 1958, т. II, стр. 183—202; Р. С. Манучарян. Пути образования и словообразовательная структура существительных pluralia tantum. «Научные труды Ереванского ун-та»; 1959, т. 66, вып. 6, ч. II, стр. 31—47; Р. М. Шахбазян. Лексико-грамматические соотношения форм единственного и множественного числа у существительных singularia tantum с вещественным значением. Там же, стр. 49—66; Л. А. Новиков. О лексико-семантическом способе словообразования в современном русском языке. «Вестник МГУ», 1960, № 1, стр. 33—46.

[8] Следует отметить, что этот подход продолжает основную линию, намеченную в таких трудах, как: В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947; Грамматика русского языка. Изд-во АН СССР, 1960; Современный русский язык. Морфология. Изд-во МГУ, 1952.

(причем осуществимыми считаются только те трансформации, которые не влекут за собой никаких изменений значения, кроме чисто грамматических). Так, в конфигурации *соревнование по прыжкам в воду* (но не *по прыжку*) трансформация явно неосуществима (см. определение выше), тогда как в конфигурации *совершать затяжные прыжки* (парашютный спорт) она вполне возможна.

Применение трансформационного анализа к достаточно большому числу конфигураций позволяет разбить все существительные на три группы.

I. Существительные, состоящие из одной трансформационной единицы: а) нормальные (т. е. имеющие оба числа) существительные; в конфигурациях с ними трансформация всегда допустима (*стадион*, *пловец*, *гол*); б) существительные pluralia tantum; отсутствие формы единственного числа полностью исключает применение нашей трансформации (*шахматы*, *аэросани*, *ворота*).

II. Существительные, парадигматически состоящие из двух трансформационных единиц: а) объединение спортивного термина pluralia tantum с нормальной единицей (*прыжки*, *плавки*, *гигантские шаги*); б) объединение спортивного термина pluralis tantum с нетерминологической единицей singularis tantum (*соревнования*, *касания*, *крепления*); например, трансформация по числу неприменима ни к одной из конфигураций: *соревнования по водному поло*, *полуфинальные соревнования*, *социалистическое соревнование*, *соревнование двух совнархозов*; в) объединение спортивного термина pluralis tantum со спортивным же термином singularis tantum, ср., с одной стороны, *бега на ипподроме*, с другой — *чемпион мира в беге на 5 тыс. метров*: в обоих случаях трансформация невозможна.

III. Существительные, парадигматически состоящие из трех трансформационных единиц. Здесь объединяются: 1) спортивный термин pluralis tantum с абстрактным значением, 2) нормальный спортивный термин — с конкретным значением, 3) нормальная нетерминологическая единица. Примерами могут служить: *коньки* = 1) вид спорта, 2) комплект спортинвентаря, состоящий из правого и левого конька, 3) уменьшительное от слова *конь*; *шашки* — 1) соревнования по шашкам, 2) запереть шашку, 3) дымовая шашка; городки; кольца.

Вопрос о том, до какого предела объединение трансформационных единиц продолжает оставаться одним словом и когда это объединение распадается на самостоятельные слова, усиленно изучался советскими исследователями [9], но однозначное решение

---

[9] См.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 155; А. А. Холодович. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1946, № 69, вып. 10, стр. 35—36; А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове. Вопросы грамматического строя. М., 1955, стр. 30—31; Д. А. Арбатский. О лексических

не было найдено, что, в частности, и нашло свое отражение в лексикографической практике (ср. таблицу расхождений между «Толковым словарем русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и «Словарем русского языка» С. И. Ожегова, которую приводит Р. С. Манучарян: «Научные труды Ереванского ун-та», т. 57, вып. 4, ч. II, стр. 125—126).

По нашему мнению, окончательное решение этого теоретически важного вопроса может быть найдено только на пути сочетания статистического и комбинаторного методов исследования языка — посредством использования объектов установленных порогов полисемии и омонимии[10].

Второй из разбираемых морфологических вопросов — проблема грамматического рода сложносоставных терминов — тесно связан со словообразовательной характеристикой последних; здесь перекрещиваются морфология, синтаксис, словообразование и семантика, и разобраться в сложных отношениях между ними можно только путем последовательного анализа различных аспектов.

Необходимо отметить, что в сложносоставных словах встречаются все возможные комбинации грамматических родов (хотя и с неодинаковой частотой):

сочетания родов

м—ж	*мастер-гонщица*, *прибор-платформа*
ж—м	*женщина-пловец*, *лодка-буер*
м—с	*гребок-отталкивание*, *лен-волокно*
с—м	*судно-монотип*
ж—с	*фреза-сверло*
с—ж	*объявление-программа*, *судно-ловушка*.

Грамматический род целого в таких словах определяется прежде всего в связи с категорией одушевленности / неодушевленности. Для неодушевленных сложносоставных существительных определяющим является род первого компонента:

Для запуска искусственного спутника создана ракета-носитель, обладающая высоким конструктивным совершенством («Правда», 9 октября 1957 г.); Новая фреза-сверло прошла испытания («Ленинградская правда», 7 июня 1957 г.); Ее танец-пантомима безупречен («Ленинградская правда», 6 сентября 1957 г.).

значениях форм множественного числа имен существительных, стр. 73—74; Р. С. Манучарян. Лексикализация множественного числа имен существительных, стр. 131 и след.

[10] См.: Н. Д. Андреев. Об одной возможности моделирования семантики языка. «Тексты докладов на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста» (Ин-т научной информации АН СССР). М., 1961, стр. 6—7.

Что же касается одушевленных сложносоставных существительных, то здесь род целого не зависит от порядка компонентов: *мастер-гонщица* и *женщина-пловец* в обоих случаях женского рода.

Расхождение в числе между компонентами слов типа *часы-секундомер* преодолевается языком аналогично расхождению в роде — в пользу первого компонента (новые часы-секундомер).

В отношении падежного словоизменения сложносоставные термины характеризуются изменяемостью обоих компонентов (достижения *женщин-конькобежцев*, *суда-монотипы*, на флагманском *судне-китобазе*).

Особую группу составляют парные слова с неизменяемым первым компонентом: участие в *четверть-финале*, изготовление *пресс-штампа*, хвост *меч-рыбы*. Эти слова отличаются и другой особенностью, а именно: их род всегда определяется не первым, а вторым компонентом — независимо от одушевленности/неодушевленности. Обе эти особенности, очевидным образом связанные друг с другом, отнюдь не случайны: парные термины данного типа, строго говоря, не являются сложносоставными терминами — согласно определению последних, данному выше (стр. 122); у них только первый компонент является определением ко второму, но не наоборот. Парные же слова этого рода следует отнести к разряду сложных слов типа *спортплощадка*, *яхт-клуб*, *четверть-финалист*.

4

Рассматривая словообразование в сфере спортивной терминологии, мы сталкиваемся с необходимостью первоочередного анализа следующих трех вопросов: проблемы классификации сложных прилагательных и существительных, роль которых в современных терминологических системах постоянно возрастает, проблемы цельнооформленности сложносоставных терминов типа *радист-коротковолновик* и проблемы границы между составными терминами и терминологическими комбинациями.

Имеющиеся классификации сложных прилагательных основаны на различных принципах: морфологическом — по тому, к каким частям речи принадлежат компоненты сложного слова [11], семантико-логическом — по смысловым отношениям между компонентами [12], синтаксическом — по предполагаемой синтаксической связи внутри словосочетания, равнозначного сложному слову [13]; наконец, нами была предложена

[11] Грамматика русского языка АН СССР, ч. I. М., 1952, стр. 365—367.

[12] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Киев, 1952, стр. 194.

[13] См., например: М. Я. Немировский. Сложные слова в русском языке. «Русский язык в школе», 1946, № 3—4, стр. 13; Р. И. Левина. Сложные прилагательные в современном русском языке. Автореферат канд. дисс. Л., 1951.

классификация сложных прилагательных и существительных, основанная на словообразовательном отношении между компонентами [14]. В рамках этой классификации выделились пять типов: I — перечислительный, или конъюнктивный [*физкультурно-спортивный*], II — определительный, или видородовой [*легкоатлетический*], III — прямо-дополнительный, или объективно-действенный [*копьеметательный*], IV — косвенно-дополнительный, или релятивно-действенный [*конькобежный*], V — обстоятельственный или релятивно-предметный [*безразрядный*]. Приведенные примеры показывают, что рассматриваемая классификация приложима не только к сельскохозяйственной, но и к спортивной терминологии, а также и к любым другим терминологическим системам, — сошлемся на примеры из радиоэлектроники: *серебряно-цезиевый* (I) элемент, *цельнометаллическая* (II) лампа, *волноводный* (III) тройник, *газополный* (IV) тетрод, *сверхзвуковая* (V) частота.

Предложенная классификационная схема универсальна, но частотное распределение прилагательных по типам может сильно варьироваться в зависимости от специальной области: так, в спортивной терминологии значительно шире, чем в сельскохозяйственной, представлен V тип [*предстартовый*, *послесоревновательный*, *внезачетный*, *безопорный*, *межзональный*, *внутриклубный*], и, наоборот, почти совершенно отсутствуют III и IV типы, богато представленные в сельскохозяйственной лексике. Очевидно, что причина такого различия лежит в семантическом характере этих двух сфер [15].

Те же пять классов мы находим среди сложных существительных: I — *старт-финиш*, II — *легкоатлет*, III — *секундомер*, IV — *скалолаз*, *V* — *межсезонье*. Следует заметить, что существительные I типа весьма немногочисленны, — причина этого будет рассмотрена нами в разделе 5.

Оба вида сжатия [16] представлены в спортивной лексике: усечение мы находим в таких образованиях, как *стометровка* (из *стометровая дистанция*) [17], *двадцатиминутка* (из *двадцатими-*

---

[14] См.: Н. Д. Андреев и В. Л. Замбржицкий. Новое в современной сельскохозяйственной терминологии. «Вопросы культуры речи», вып. 2. М., 1959, 63—64. Принятые там классификационные термины синтаксичны по своей внутренней форме, поэтому здесь мы даем параллельный ряд новых обозначений логического характера для введенных ранее типов. Тем самым мы подчеркиваем отличие словообразовательного отношения от той «синтаксической соотнесенности», о которой говорит А. С. Фидровская (Замечания по вопросу об отношении частей внутри сложного слова. «Уч. зап. Казанского ун-та», 1956, т. 116, кн. 5, стр. 349).

[15] См.: Н. Д. Андреев и В. Л. Замбржицкий. Указ. соч., стр. 49, 66.

[16] Там же, стр. 64—65.

[17] Оба вида этих и приведенных далее терминов засвидетельствованы в литературе и прессе.

нутный период), *пятисотка*, *пятиминутка* и т. п.; с т я ж е н и е — в таких, как *спортобщество* (из *спортивное общество*), *велоспорт* (из *велосипедный спорт*), *спортплощадка*, *автоспорт* и т. д. В терминах типа *спортобщество*, *спортсооружение*, *спортинвентарь* первый компонент присоединяется атематически, но сокращения корневой морфемы здесь не происходит, что и не позволяет нам отнести эти слова к разряду сложносокращенных [18].

Говоря о сложносокращенных словах, нужно констатировать, что образования этого разряда редки в терминологии спорта, причем все имеющиеся относятся к группе полусокращенных слов с начальным компонентом *физ-*: *физзарядка*, *физкультминутка*, *физвоспитание* и др. Любопытный пример сложносокращенного слова — *самбо*, в котором соединяются признаки полносокращенного и инициального типов.

5

Вопрос о грамматической природе сложносоставных терминов типа *боксер-профессионал* решается в научной литературе весьма разнообразно. Трудность решения этого вопроса обусловлена тем, что данные термины обладают двойственной в грамматическом отношении природой. С одной стороны, каждый из компонентов сложносоставного термина изменяется по падежам и по числам как самостоятельное слово (*школа-интернат /в школе-интернате/ школы-интернаты*), что не позволяет считать сложносоставной термин одним словом, поскольку одним из обязательных признаков слова является цельнооформленность[19], а в рассматриваемом случае, наоборот, имеет место раздельнооформленность. С другой стороны, сложносоставное существительное согласуется в роде как о д н о с л о в о по строго определенным правилам (см. выше, стр. 125—126) и всегда является одной синтаксической единицей (одним членом предложения), что не позволяет считать его словосочетанием, в котором каждый из элементов должен представлять собой синтаксическую единицу (член предложения) и иметь независимое согласование в роде (*регулятор настройки*, *скоростной регулятор автоматической настройки*). Наряду с этим сложносоставные термины отличаются от составных терминов еще и тем, что в первых компоненты всегда представляют собой два существительных, тогда как во вторых они могут составлять комбинации различных

---

[18] Определение сложносокращенного слова, как такого, в котором хотя бы одна из непоследних корневых морфем с о к р а щ е н а и присоединяется атематически, сформулировано в работе Н. Д. А н д р е е в а и В. Л. З а м б р ж и ц к о г о «Некоторые вопросы русского словообразования» («International Journal of Slavic Linguistic and poetics», 1960, III, стр. 23—39). Там же дана классификация сложносокращенных слов.

[19] А. И. С м и р н и ц к и й. К вопросу о слове. «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 197.

частей речи[20]. Следовательно, сложносоставные термины не могут быть отнесены ни к словам — по морфологической характеристике, ни к словосочетаниям — по синтаксической (а иногда и по морфологической) характеристике.

По нашему мнению, рассматриваемый тип терминов составляет особую лексическую категорию, п р о м е ж у т о ч н у ю между словами и словосочетаниями. Так как термины, принадлежащие к этой категории, обязательно включают в себя две основы, обладающие собственным словоизменением, нам представляется уместным назвать эти термины д в у х о с н о в н ы м и с л о ж е н и я м и, и л и д в у х о с н о в н и к а м и[21].

Таким образом, возникает следующая формальная классификация терминов как лексических единиц:

простые термины	одномор-фемные	одно-корне-вые	слова	одна синтаксическая единица (член предложения)	*круг*
производные термины	многоморфемные				*пловец*
сложные термины		многокорневые	двухосновные сложения		*скороход, четверть-финал*
сложносоставные термины					*боксер-профессионал*
соста вные тер мины			словосочетания	более одной синтаксической единицы	*опорный прыжок*

Двухосновные сложения обладают рядом специфических свойств. В морфологическом плане это выражается в наличии особой зависимости категорий числа и падежа от категории одушевленности/неодушевленности (см. стр. 125—126). В семантическом плане специфика двухосновных сложений состоит в п а р а-

[20] М. И. Привалова отмечает, что слово противостоит словосочетанию своей принадлежностью «к определенной части речи со всеми присущими ей категориями словоизменения и словообразования» (К определению понятия сложного слова в русском языке. «Вестник ЛГУ», 1956, № 8, стр. 76—77). Та же граница пролегает между словосочетаниями и рассматриваемыми сложносоставными терминами.

[21] Граница между двухосновными сложениями типа *школа-интернат*, с изменяемой первой частью, и сложными словами типа *пресс-штамп*, с неизменяемой первой частью (стр. 126) не является абсолютно непроницаемой: в процессе исторического развития языка возможны переходы из одной категории в другую.

дигматическом смысловом равноправии обоих компонентов, которое сочетается с их же синтагматическим неравноправием в конкретном контексте (см. стр. 122). В неодушевленных двухосновниках семантическое отношение рода (*лампа*) и вида (*лампа-выпрямитель*) находит свое словообразовательное выражение в постановке основы, обозначающей главное понятие, на первое место, что и обусловливает грамматический род всего двухосновного сложения. Здесь мы видим, как семантическое отношение проявляет себя через определенную формальную характеристику: главное в логическом отношении определяет морфологию целого.

Будем называть главный в логическом отношении компонент, которым определяется грамматический род двухосновника, ведущим компонентом, другой же — *ведомым*. В одушевленных двухосновных сложениях ведущим может оставаться и второй компонент — в зависимости от контекста, т. е. от того ряда, в котором контекстуально употреблен сложносоставной термин: в ряду *лыжник-гонщик*, *лыжник-слаломист*, *лыжник-прыгун*, *лыжник-двоеборец* ведущим будет первый компонент, тогда как в ряду *лыжник-разрядник*, *пловец-разрядник*, *стрелок-разрядник*, *атлет-разрядник* ведущим является не первый, а второй компонент. Данное свойство, присутствуя только у двухосновников, отличает их одновременно и от слов, и от словосочетаний.

Есть еще одно специфическое свойство, которое, однако, присуще не всем двухосновникам: имеются сложносоставные термины, которые могут выступать в двух формах, с изменением порядка компонентов: *каноэ-двойка* и *двойка-каноэ*. Первая из этих форм соотносится с термином *каноэ-одиночка*, в силу чего ведущим компонентом и является основа *каноэ*, в то время как вторая форма входит в терминологический ряд *двойка-каноэ*, *двойка распашная*, *двойка с рулевым*. Аналогичным образом, *шахматист-любитель* противостоит *шахматисту-профессионалу*, а *любитель-шахматист* противопоставляется *любителю-шашисту* — с переменой ведущих компонентов. Совершенно очевидно, что переставимость компонентов сложносоставных терминов и перемена отношений между ведущим и ведомым в данных случаях связана с одновременным вхождением в два разных терминологических ряда. Двухосновные же сложения, входящие только в один ряд (*лен-волокно*) или совсем изолированные (*лесенка-трап*), свойством переставимости компонентов не обладают, и у них ведущий компонент всегда фиксирован.

Отметим, что между двухосновными сложениями типа *лен-волокно* и сложными словами типа *пресс-штамп*, помимо изменяемости/неизменяемости первого компонента, имеется и другое различие: в двухосновнике ведущим является первый компонент (*лен-волокно* мужского рода), а в сложных словах — второй (*меч-рыба* женского рода).

Из пяти типов нашей классификации в двухосновниках встречаются только два: перечислительный и определительный (причем большинство двухосновников относится ко II типу). Разграничение этих типов может быть произведено посредством анализа компонентов. Двухосновники, в которых имеются ведущий и ведомый компонент, принадлежат к определительному типу (*борцы-вольники*); двухосновники, в которых оба компонента синтагматически равноправны, т. е. внутри которых невозможно установить отношение ведущего и ведомого, принадлежат к перечислительному типу: *старт-финиш* является в равной мере и стартом и финишем.

Следует, впрочем, заметить, что принадлежность двухосновников к перечислительному типу представляет собой синхроническое явление, но в диахроническом плане легко может оказаться неустойчивой, ибо достаточно появиться еще одному сложносоставному термину с таким же первым или вторым компонентом, как возникнет рядность, на базе которой выявится отношение ведущего и ведомого, что сразу же переведет оба термина — и старый, и новый — в определительный тип.

Представляя собой промежуточную категорию между словами и словосочетаниями, двухосновники обладают значительным разнообразием свойств, часть которых роднит их со словами, другая часть — со словосочетаниями, третья — отличает их и от тех и от других одновременно. Именно эта сложность комплекса их свойств и явилась причиной полного разнобоя в теоретической трактовке рассматриваемого лексического разряда. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой двухосновные сложения принадлежат к классу сложных с л о в [22]; ряд авторов относит двухосновники к с л о в о с о ч е т а н и я м [23]; наконец, в работе М. И. Приваловой, целиком посвященной этому вопросу [24], делается вывод, что «граница между сложным словом и словосочетанием проходит внутри общей категории сближений», т. е. изучаемые ею образования р а с п р е д е л я ю т с я между двумя лексическими классами. Таким

---

[22] См., например: И. Г. Г а л е н к о. О некоторых особенностях составных слов. «Вопросы русского языкознания», кн. 4. Львов, 1960, стр. 60—74, М. И. З а х а р о в а. Об образовании новых сложных существительных. «Уч. зап. Кишиневского ун-та», 1959, т. 36, стр. 135—142; Д. Н. К о к о в. Некоторые наблюдения над употреблением сложных слов имен существительных в лексике современного русского языка. «Уч. зап. Кабардинского пед. ин-та». Нальчик, 1955, вып. 7, стр. 161—167.

[23] См.: А. С. Ф и д р о в с к а я. Замечания по вопросу об отношении частей внутри сложного слова. «Уч. зап. Казанского ун-та», 1956, т. 116, кн. 5, стр. 343—349; Л. А. Ш е л я х о в с к а я. Структурно-морфологические типы сложных существительных в современном русском языке. «Уч. зап. Алма-Атинского пед. ин-та иностранных языков», 1957, т. II. вып. 2; Т. А. Б е р т а г а е в. Об основных типах аппозитивных сочетаний в русском языке. «Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та», 1955, т. 32, вып. 2.

[24] М. И. П р и в а л о в а. Сложные слова или словосочетания? «Уч. зап. ЛГУ», 1958, № 243, вып. 42, стр. 53—68.

образом, ни одна из этих трех точек зрения не имеет следствием выделение сложносоставных терминов в самостоятельный лексический разряд, необходимость чего с очевидностью вытекает из проделанного выше анализа[25].

6

Проблема границы между составными терминами и терминологическими комбинациями связана с некоторыми общими вопросами построения терминологических систем. В специальных работах по терминологии отдельных видов спорта[26] к терминам предъявляются три основных требования: краткость, точность и соответствие названий смысловому содержанию (т. е. прозрачность внутренней формы). Последние два требования, как правило, вступают в противоречие с первым и удовлетворяются за счет него, что приводит к нарастанию количества компонентов в составных терминах и к появлению вполне точных, тонко дифференцированных по смыслу многокомпонентных образований.

Различные степени детализации термина мы находим: в лыжной терминологии — *обгон*, *прохождение трассы*, *ворота скоростного спуска*, *поворот через лыжу кругом*; в терминологии спортивной борьбы — *обвив*, *болевой прием*, *бросок с захватом туловища*, *бросок назад с захватом руки на ключ*; в терминологии настольного тенниса — *накат*, *подача справа*, *подрезка укороченного мяча*, *удар с полулета слева по мячу без вращения*; в гимнастической терминологии — *хват*, *выпрямление туловища*, *стойка на одной рук*, *вис сзади завесом левым носком* и т. д. Мы не случайно выбрали по четыре термина в каждой из рассмотренных терминологических систем; они соответствуют четырем формальным классификационным группам: I — простых терминов (*обгон*), II — двусоставных терминов (*болевой прием*), III — многосоставных терминов (*стойка на одной руке*), IV — терминологических комбинаций (*удар с полулета слева по мячу без вращения*).

Простым мы считаем термин, состоящий из одного самостоятельного слова; двусоставным — термин, образованный двумя самостоятельными словами[27]; многосоставные термины и терминологические комбинации состоят более чем из двух самостоятель-

---

[25] Возможно, что самостоятельность данного лексического разряда целесообразно отразить в его орфографическом противопоставлении сложным словам: следовало бы, сохраняя дефисное написание для сложносоставных терминов типа *лампа-выпрямитель*, отказаться от употребления дефиса в терминах *пресс-штамп*, *киловатт-час*, *четверть-финал* (последнее, кстати, уже встречается в слитном написании).

[26] См. работы, указанные в примеч. 3—4, а также статью: В. Э. Маузер. Классификация лыжных поворотов. «Теория и практика физической культуры», 1946, вып. 1—2, стр. 22—33.

[27] Сюда не относятся двухосновники, компоненты которых образуют синтаксическое целое (см. стр. 126).

ных слов. Различение третьей и четвертой групп опирается на синтаксис: терминологическая комбинация есть словосочетание терминологического характера, включающее в себя не менее двух с о п о д ч и н е н н ы х обстоятельств (т. е. наречий или существительных с предлогом), многосоставный термин образован более чем двумя самостоятельными словами, среди которых н е т соподчиненных обстоятельств. Ср. многосоставный термин *бросок с захва́том руки на ключ* (последовательное подчинение) и терминологическую комбинацию *бросок назад с захватом руки на ключ* (соподчинение обстоятельств *назад* и *с захватом*).

Среди простых терминов имеется значительное количество однокорневых имен действия: *мах*, *вис*, *хват*, *кач*, *жим*, *рывок*, *толчок*, *бросок*, *упор*, *подсед*, *захват*, *соскок*, *поворот*, *переворот* и т. п. Все эти имена действия являются базой для образования терминологических комбинаций в силу того, что их глагольный характер позволяет распространять их различного рода обстоятельствами и обстоятельственными группами (*хват снаружи*, *кач вперед*, *переворот прогнувшись*, *упор на прямых руках*).

Понятие т е р м и н о э л е м е н т использовано В. С. Бондаренко [28], но не определено явным образом. Мы понимаем терминоэлемент как самостоятельное слово, входящее в составной термин (двусоставный или многосоставный) или в терминологическую комбинацию [29]. Заметим, что терминоэлемент может сам по себе и не быть термином (*ч и с т а я победа*, *сальто в п е р е д*, см. также стр. 119). В таких случаях отличие терминоэлемента от простого термина очевидно; однако и тогда, когда терминоэлемент сам по себе является термином, он не тождествен простому термину, подобно тому как основа *рук-* в слове *руками* не тождественна слову *рук* (род. пад. мн. ч.).

В двусоставном термине отношение двух входящих в него терминоэлементов сопоставимо с отношением ведущего и ведомого компонента в двухосновных сложениях (см. стр. 130); внутри двусоставного термина ведущим терминоэлементом будет тот, который синтаксически п о д ч и н я е т себе второй терминоэлемент: имеется в виду, что определение подчиняется определяемому, управляемое слово — управляющему и примыкающее слово — тому, к которому оно относится. Из этого следует, что ведомый терминоэлемент может быть прилагательным (*н а д у в н а я камера*), существительным без предлога (*замена в р а т а р я*) или с предлогом (*победа п о о ч к а м*), а также наречием (*мах н а з а д*) или деепричастием (*вис п р о г н у в ш и с ь*). Ведущий же компонент в составных терминах является существительным.

---

[28] В. С. Б о н д а р е н к о. К вопросу о терминологической лексике. «Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та», 1956, т. 51, вып. 5, стр. 183.

[29] Таким образом, терминоэлементами не являются компоненты сложного слова или двухосновника.

Чаще всего встречаются многосоставные термины, образованные соединением ведущего простого и ведомого двусоставного терминов, с последовательным подчинением: *в и с махом назад*, *а м п л и т у д а движения рук*, *р ы в о к двумя руками*, *п р е о д о л е н и е полосы препятствий;* другим распространенным способом образования многосоставных терминов является соподчинение двух ведомых элементов (среди которых не более одного обстоятельства) ведущему: *о с т а н о в к а мяча головой*, *заслуженный м а с т е р спорта*. Многосоставный термин может быть образован путем трех (и более) ступеней последовательного подчинения терминоэлементов: *с т а н о к для развития силы кисти*.

Многосоставные термины характеризуются н е п е р е с т а в и м о с т ь ю своих элементов. Эта непереставимость обусловлена прежде всего наличием последовательного подчинения, в рамках которого ведущий и ведомый элемент не могут меняться местами. При соподчинении, т. е. в отсутствие синтаксической иерархии, непереставимость элементов многосоставного термина вызывается логической иерархией, т. е. наличием родо-видового отношения: ср. *центральная нервная система* (вид) и *нервная система* (род); нельзя сказать «нервная центральная система», потому что не существует термина «центральная система», противопоставленного как род «нервной центральной системе» как виду.

Терминологические комбинации вроде *укороченный м я ч справа с обманным движением замаха по мячу после приема противником сильного удара подрезкой мяча вниз* [30] или *п р ы ж к и на месте с хлопками рук попеременно перед телом и за телом* [31] составляют специфику спортивной терминологии, обусловленную богатейшим комбинаторным разнообразием спортивных движений и приемов. Конечно, комбинации из 14 терминоэлементов, подобные приведенной выше, сравнительно редки; обычно терминологическая комбинация состоит из 5—8 элементов. Единство терминологической комбинации и четкая определимость ее границ (вычленяемость из контекста) обеспечиваются наличием в ее составе г л а в н о г о ведущего компонента, находящегося на вершине синтаксической структуры: *в и с махом назад седом ноги врозь* [32].

Характерное для терминологических комбинаций и отличающее их от многосоставных терминов наличие двух (или более) соподчиненных обстоятельств исключает однозначную логиче-

---

[30] В. С. И в а н о в. Настольный теннис. М., 1959, стр. 225.

[31] С. В. Я н а н и с. Ежедневная гимнастика для женщин. М., 1960, стр. 39.

[32] Десятки подобных примеров содержатся в кн.: И. Н. И ф а н т о п у л о и А. П. К о л т а н о в с к и й. Терминология гимнастических упражнений, стр. 13 и далее.

скую иерархию в структуре комбинации, поскольку терминоэлементы обстоятельственного типа логически равноправны: между обстоятельственными группами, входящими в комбинацию, не могут быть однозначно установлены родо-видовые отношения. Действительно, рассматривая серию терминологических комбинаций, мы видим, что ни синтаксически, ни парадигматически ведомые обстоятельственные группы не подчинены друг другу, будучи соподчинены главному ведущему терминоэлементу; ср.:

в и с завесом правой на дальней жерди *хватом* за ближнюю,
в и с сзади завесом левым носком,
в и с поперек завесом правой на левой жерди,
в и с лежа поперек,
в и с лежа сзади ноги спереди
в и с лежа ноги сзади.

Излагая принципы построения терминологических комбинаций, авторы соответствующих работ (см. примеч. 3 и 4) выделяют в качестве обязательного ведущего терминоэлемента слово, характеризующее основной тип действия или движения, а в функции факультативных ведомых элементов — обстоятельственные группы, характеризующие направление действия (иногда с указанием начального и конечного положений) и различные аспекты способа выполнения этого действия.

Следует признать вполне правомерным стремление этих авторов упорядочить способы построения терминологических комбинаций. Такое упорядочение необходимо и с точки зрения общеязыковой нормализации и культуры речи; оно необходимо также и в интересах машинного перевода и информационного накопления. Машинная обработка текста, содержащего терминологические комбинации, будет возможной только при строгой упорядоченности их структуры, поскольку эти комбинации не могут быть включены в машинный словарь (что находит параллель в обычной лексикографической практике). Включение в словарь терминологических комбинаций, создаваемых чисто ситуативно и не ограниченных ни в размерах, ни в количестве, привело бы к недопустимому расширению требуемых под словарь объемов машинной памяти, что и диктует необходимость чисто алгоритмического подхода к их представлению в машине.

Таким образом, требование нормализации специальной терминологии, предъявляемое с точки зрения культуры речи, смыкается с новыми требованиями, выдвигаемыми в связи с проблематикой обработки языковой информации кибернетическими устройствами.

Г. С. Зенков

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТИПАХ С СУФФИКСАМИ *-ЩИК*, *-НИК* И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В лингвистической литературе уже отмечалось, что процесс взаимодействия образований с суффиксами *-щик* (*-чик*) и *-ник* в современном русском языке приводит к тому, что существительные с суффиксом *-ник* все более вытесняются существительными с суффиксами *-щик* (*-чик*). Настоящая статья ставит своей целью раскрыть конкретное содержание этого процесса.

Поскольку образования с суффиксами *-(н)ик* и *-щик* (*-чик*) широко распространены в профессиональной лексике, привлекаем в необходимых случаях материалы тарифно-квалификационных справочников рабочих различных отраслей производства, так как толковые словари не отражают и не должны отражать многое из того, что связано со спецификой периферийного развития словарного состава языка.

При рассмотрении интересующего нас вопроса выясняется, что тенденции к вытеснению образованиями на *-щик* (*-чик*) существительных с суффиксом *-(н)ик* поставлены серьезные препятствия морфонологического характера. Бесспорно, что с точки зрения «фонетической сочетаемости» с определенными разрядами производящих основ позиция суффикса *-щик* (*-чик*) выглядит как более ущербная: там, где производящая основа оканчивается на *ч*, *ц*, *ц*‖*ч*, *к*, *к*‖*ч*, *х*‖*ш*, *ш*, *щ* (причем закономерности словопроизводства не допускают опущения этих согласных из состава производящей основы), образующие возможности суффикса *-щик* (*-чик*) в современном русском языке очень ограничены. Здесь-то и приходит ему на помощь суффикс лица *-(н)ик* с тем же значением, и потребность в образованиях от соответствующих основ компенсируется с исключительной легкостью. Ср.: *табачник*, *башмачник*, *фрачник*, *фуражечник*, *ложечник*, *печник*, *горшечник*, *мерлушечник*, *рукавичник*, *пуговичник*, *станочник*, *ящичник*,

коробочник, пробочник, булавочник, кадочник, тарелочник, стрелочник, булочник, челночник, шапочник, мисочник, щеточник, заточник, красочник, опилочник, наждачник, мозаичник, мастичник, цепочник, (в часовом производстве), *матрацник, кирпичник, драночник, баночник, плиточник* и мн. др. Большое количество подобных слов обращается в общем употреблении, например: *дачник, удачник — неудачник, двоечник — троечник, пасечник, стачечник, отличник, очник — заочник, пограничник, лавочник, будочник, сказочник, склочник; рукопашник, грешник, однокашник, насмешник, роскошник, ушник, воздушник, ослушник, барышник; овощник, помощник; выпускник, отпускник* и т. п.[1]

В абсолютном большинстве случаев образования на *-(н)ик* господствуют в общем употреблении и по связи с основами на *ж, г||ж*, например: *монтажник, саботажник, трикотажник, таежник, тележник, картежник, смежник, чертежник, мятежник, передвижник, сподвижник, книжник, безбожник, кожник, дорожник, каторжник, лыжник* и т. д. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова фиксирует всего лишь одно слово на *-чик* по соотношению с основой на *г||ж — перебежчик* и два профессионализма на *-щик* по связи с иноязычными основами на *г* при отсутствии чередования с *ж*: *аншлагщик* и *тюбингщик*.

По самым приблизительным подсчетам, сделанным по материалам «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, количество слов на *-(-н-)-ик*, соотносительных с основами на *ч, ц, ц||ч, к, к||ч, х||ш, ш, щ*, составляет не менее 25% от общего количества образований с этим суффиксом. Если теперь учесть все существительные на *-щик* (*-чик*), помещенные в названном словаре, окажется, что суффиксу *-щик* (*-чик*) поставлены серьезные морфонологические преграды в 20 случаях из 100!

Уже одного этого обстоятельства достаточно, чтобы показать ошибочность чрезмерных обобщений относительно вытеснения существительных на *-(-н-)-ик* соответствующими образованиями с суффиксом *-щик* (*-чик*).

Исследование морфонологических ограничений к словопроизводству представляет большой интерес для выявления системных отношений, существующих между родственными и вообще смежными словообразовательными типами. На примере закономерностей образования существительных с суффиксами *-щик*

---

[1] В этой связи уместно сделать попутное замечание о той дани, которую мы иногда отдаем традиции в ущерб интересам дела. Так, по образцу отдельных неказистых слов типа *кабатчик*, которые нам оставила старина, еще и сейчас создаются ничем не мотивированные образования вроде *картотетчик*. Нет нужды доказывать, что подобное «словотворчество» не сообразуется с общими тенденциями современного языкового развития и поэтому является словесным балластом. А между тем этого можно было бы избежать образовав нужное слово с учетом тройственных соотношений, столь активных для словообразования нашего времени: *картотека — картотечный — картотетчик*.

(*-чик*) и *-(-н-)-ик* отчетливо прослеживаются точки соприкосновения и взаимная поддержка словообразовательных моделей. Вместе с тем эти точки соприкосновения являются в то же самое время границами, по обе стороны которых пролегают словообразовательные явления разных разрядов.

Обратимся к фактам. В профессиональной лексике исключительно велика потребность в образовании существительных со значением лица от основ отглагольных существительных на *-к-(а)*. В большинстве случаев потребность эта легко удовлетворяется путем присоединения к производящим основам указанного строения суффикса *-щик* (*-чик*). Непременным условием такого присоединения является опущение суффикса производящей основы *-к-(-а)* [2]. Примеры многочисленны: *сверловщик*, *формовщик*, *установщик*, *штамповщик*, *фрезеровщик*, *гравировщик*, *лакировщик*, *маркировщик*, *эмалировщик*, *асфальтировщик*, *заправщик*, *починщик*, *застройщик* и т. п.

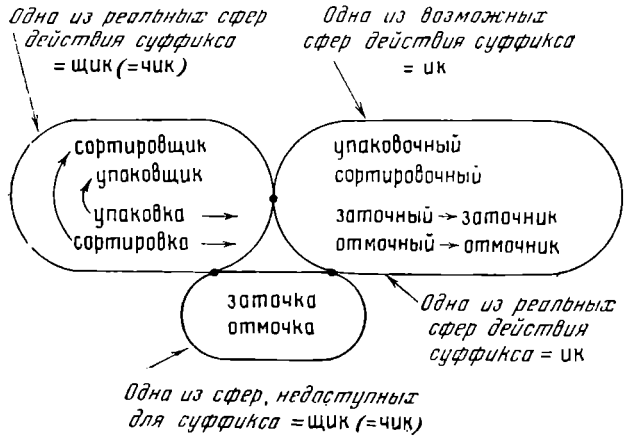
Однако в ряде случаев агентивный суффикс лица *-щик* (*-чик*) и здесь наталкивается на серьезные преграды. Существо этих преград заключается в том, что после опущения суффикса *-к-(-а)* производящая основа в своей усеченной форме оказывается непригодной для сцепления с названным суффиксом преимущественно по причинам того же морфонологического порядка. Не лишне вспомнить в этой связи меткое замечание К. С. Аксакова, который писал: «. . . в отдельном слове могут случиться совершенно частные тому препятствия, нередко основанные на требованиях звуковых (фонетических); *употребление обойдет это препятствие и изворотится как-нибудь иначе*» [3]. Применительно к нашему примеру в подавляющей массе случаев «употребление изворачивается» путем производства необходимых существительных посредством суффикса *-ик* через промежуточное звено словопроизводственного процесса — от производящих основ имен прилагательных с суффиксом *-н-*. Иллюстрируем существо сказанного:

---

[2] На реальность данной словообразовательной модели нами было указано еще в 1953 г.; см.: Г. С. Зенков. О закономерностях суффиксального образования имен существительных в современном русском языке (на материале новообразований советской эпохи). Канд. диссертация. М., 1953, стр. 132, 135—136. Обоснование этого вопроса дано в работах А. Г. Лыкова; см.: А. Г. Лыков. О некоторых особенностях словообразования существительных со значением лица в современном русском языке. «Уч. зап. Краснодарского пед. ин-та», 1957, вып. XXII, стр. 30—33; см. также: А. Г. Лыков. Образование имен существительных со значением лица в современном русском языке. Автореферат канд. диссертации. М., 1959, стр. 5—6.

[3] К. С. Аксаков. Полное собрание сочинений, т. 2, ч. 1. Сочинения филологические. М., 1857, стр. 488 (Курсив наш. — *Г. З.*)

[4] Наименование лица по профессии в кожевенном производстве. См.: Тарифно-квалификационный справочник Министерства местной промышленности Латвийской ССР. Рига, 1953, раздел 4.

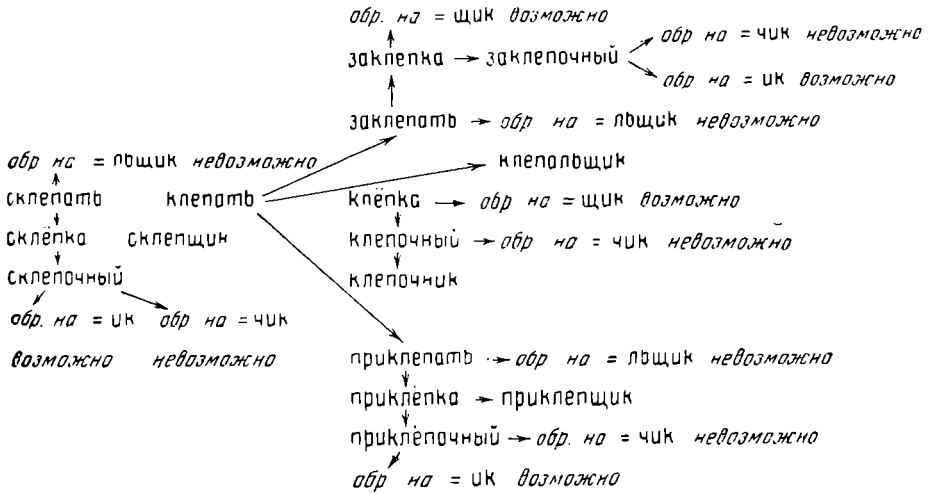

Как и во всякой схеме, здесь налицо огрубление, упрощение существа сложного процесса. Однако главная сторона вопроса иллюстрируется с достаточной ясностью: границы закономерностей, определяющие словообразовательную структуру функционирующих в языке моделей, проходят в точках соприкосновения и взаимной поддержки этих моделей. То, что не по силам одному словообразовательному типу, оказывается по силам другому. Нетрудно заключить, что одна из возможных сфер действия суффикса *-ик* представляет неисчерпаемый источник почти неиспользованных словообразовательных ресурсов, и возможность готова превратиться в действительность при появлении малейших предпосылок для этого. Так, достаточно было упустить из поля зрения возможность образования термина *ошиновщик* (колес) от сущ. *ошиновка*, как в языке возникло не в меньшей мере удачное профессиональное образование *ошиновочник* [5]. Ср. также существительное *клёпочник* в значении «рабочий, занимающийся изготовлением клепок». Впрочем, на примере этого слова по связи его с близкими однокорневыми образованиями нетрудно убедиться, какими богатыми возможностями располагает современное русское словообразование в пределах лишь части общего морфологического способа. Ср. следующую схему[6].

---

[5] См. указанный выше «Тарифно-квалификационный справочник», раздел 12.

[6] Ниже мы иллюстрируем серии словообразовательных цепей с учетом последовательности словопроизводства, исходя лишь из слов, зафиксированных в Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

Отношения балансирующего равновесия и взаимодействующей поддержки словообразовательных моделей примут гораздо более усложненный характер, если учесть все многообразие словообразовательных явлений, свойственных профессиональной речи, т. е. если учесть, что наряду с перечисленными вполне реальны и такие соотношения, как: *надклепать — надклёпка — надклёпочный*, *подклепать — подклёпочный*, *переклепать — переклёпка — переклёпочный*, *отклепать — отклёпка — отклёпочный* и т. п.

Однако привлеченного материала достаточно, чтобы убедиться, насколько сложна область словообразования, представляющая собой, по выражению Н. В. Крушевского, «. . . массу систем, не настолько выделяющихся в необозримой массе слов, чтобы быть замеченными при поверхностном наблюдении» [7]. Приведенные выше примеры иллюстрируют взаимодействие теперь уже не двух, а трех словообразовательных типов: 1) образований на *-щик* (*-чик*) по соотношению с отглагольными существительными на *-к-*(*-а*); 2) существительных на *-ик* по связи с основами прилагательных на *-н-*; 3) агентивных имен на *-льщик*, соотносительных с основами глаголов. Чем примечательно взаимодействие этих трех типов? Прежде всего тем, что оно в еще большей степени обогащает возможности генетически родственных словообразовательных аффиксов, восполняя недостающие звенья в общей словообразовательной цепи агентивных существительных, потребность в которых столь велика в терминированной речи бурно развивающегося производства. Коль скоро вопрос ставится так, необходимо разобраться, насколько удовлетворительна наша словообразовательная прак-

[7] Н. В. Крушевский. Очерк науки о языке. Казань, 1883, стр. 109.

тика, в какой степени она сообразуется с закономерностями производства слов, присущими различным словообразовательным типам.

Приходится констатировать, что вопрос этот не получил еще своего положительного разрешения, о чем свидетельствуют многочисленные факты профессиональной лексики. Даже при самом общем ознакомлении с именами на *-льщик* бросается в глаза одна характерная особенность: в отличие от подавляющего большинства других продуктов словообразующих суффиксов, в пределах категории существительных со значением лица суффикс *-льщик* является единственным из общего арсенала исконных словообразовательных средств суффиксом, не утратившим своей образующей силы по связи с непроизводными основами. Сравните: *таскальщик*, *мотальщик*, *мочильщик*, *лудильщик*, *мяльщик*, *мешальщик*, *паяльщик*, *крутильщик*, *калильщик*, *давильщик* и т. п. При сопоставлении образующих возможностей других продуктивных суффиксов выясняется, что с задачей оформления непроизводных глагольных основ в современном русском языке ни один из них не в состоянии справиться сколько-нибудь удовлетворительно. Ср. невозможность присоединения суффиксов *-щик* (*-чик*), *-ик*, *-ник*, *-ец* к основам глаголов *таскать*, *мочить*, *лудить*, *мять*, *тянуть*, *мотать* и т. д. Если даже и допустить образования типа «мотник — мотчик — мотец», «лудник — лудчик — лудец» и т. п., почти все они будут характеризоваться смысловой опустошенностью и прежде всего неясностью семантического признака производящих основ.

Из этого следует, что словообразовательная практика должна учитывать в первую очередь необходимость соответствующего оформления посредством суффикса *-льщик* непроизводных основ глаголов, когда другие суффиксы не могут справиться с удовлетворительным решением этой задачи.

Второе обстоятельство: существительное на *-льщик* по связи с глагольными основами как непроизводного, так и производного характера должны быть проверены на соотносительность с основами отглагольных существительных, оформленных суффиксом *-к(а)*. При этом выяснится два ряда явлений: в массе примеров при существительных на *-льщик* указанные основы отсутствуют; в ряде случаев соответствующие основы налицо. При обнаружении явлений второго порядка необходимо самым тщательным образом изучить целесообразность оформления подобных глагольных основ посредством суффикса *-льщик*. Главная закономерность, с учетом которой здесь должна считаться словообразовательная практика, состоит в следующем: 1) При отсутствии отстоявшихся в языке основ отглагольных существительных на *-к-(-а)* словообразовательное развитие идет преимущественно по линии оформления глаголов несовершенного вида посредством суффикса *-льщик*, например: *строгальщик*, *сталкивальщик*, *дробильщик*, *обжигаль-*

щик, *отжигальщик*, *тиснильщик*, *клеймильщик*, *подавальщик*, *серебрильщик*, *месильщик*, *золотильщик*, *молотильщик*, *коптильщик*, *кипятильщик*, *сучильщик*, *валяльщик*, *растворяльщик*, *гладильщик* и мн. др. 2) При наличии широко употребительных основ отглагольных существительных на *-к-(-а)* словообразовательный процесс идет в направлении производных образований с суффиксом *-щик* (*-чик*), присоединяющимся непосредственно к этим основам (с опущением суффикса *-к-*), например: *трамбовщик*, *шпаклевщик*, *полировщик*, *вальцовщик*, *фасовщик*, *эмалировщик*, *пломбировщик*, *дрессировщик*, *проектировщик* и т. п. Разумеется, что основы отглагольных существительных на *-к-(а)*, соотносительные с глаголами совершенного вида, целиком остаются в сфере действия суффикса *-щик* (*-чик*), например: *направщик*, *протравщик* (*протравка←протравить*), *облицовщик*, *установщик* и т. п.

Предварительные замечания по этому вопросу представляются важными уже потому, что слишком ощутима потребность в освобождении терминологической лексики от всего случайного и наносного. В самом деле, кому нужна такая расточительность, когда в одной и той же отрасли производства встречаются совершенно одинаковые по значению термины типа: *промывальщик* и *промывщик*, *наклейщик*, *склейщик*, *подклейщик*, *проклейщик* и *наклеивальщик*, *склеивальщик*, *подклеивальщик*, *проклеивальщик*; *поливщик* и *поливальщик*, *заливщик* и *заливальщик*, *настильщик* и *настилальщик*, *трамбовщик* и *трамбовальщик* и пр.

Учитывая активные тенденции современного русского словообразования, мы предпочитаем во всех таких случаях (разумеется, если к производству существительных на *-щик* нет ограничений фонетического или иного порядка) не допускать образований на *-льщик*, так как в них нет необходимости.

Изложенные выше наблюдения преследовали цель подчеркнуть главное обстоятельство: вопрос о продуктивности того или иного словообразовательного типа не может получить своего исчерпывающего разрешения без учета постоянно существующего в языке взаимодействия между близкими словообразовательными типами. Продуктивность словообразовательного типа определяется, наполняется конкретным содержанием, регулируется, поддерживается и ограничивается всей совокупностью разнонаправленных взаимоотношений данного словообразовательного типа с другим или с другими в сложном балансирующем равновесии функционирования языковой системы.

Утверждения о продуктивности или непродуктивности того или иного суффикса рискуют остаться до конца не раскрытыми без учета собственно семантического фактора. Во всяком случае, несомненно, что чем богаче, разнообразнее семантическая насы-

щенность производящих основ, тем продуктивнее словообразовательный тип; чем у́же, однороднее значение производящих основ, тем ограниченнее, беднее словообразовательные возможности суффикса [8]. Факты общеизвестны. Ср. хотя бы словообразовательные типы с суффиксами *-ин(а)*, *-атин(а)* по связи их с основами имен существительных, обозначающих названия животных и рыб. О какой смысловой дифференциации существительных типа *баранина*, *медвежатина*, *осетрина* может идти речь, если все они обозначают мясо данного животного или рыбы как пищу — и только. Вполне очевидно, что и количество основ с этими признаками до известной степени как бы заранее определено.

Как мы в этом могли неоднократно убедиться, неограниченной словообразовательной продуктивности в языке нет. Условия, сдерживающие продуктивность, могут быть самого различного характера.

1) С е м а н т и ч е с к о г о: невозможность производства существительного *сахарница* в значении лица женского пола при вполне обычном *сахарник* (работник сахарной промышленности) объясняется прочным закреплением за словом *сахарница* предметного значения (но ср. *колхозник — колхозница*, *отличник — отличница* и т. п.).

2) Г р а м м а т и ч е с к о г о: общеизвестно, что суффикс *-льщик* в современном русском языке способен присоединяться только к основам глаголов несовершенного вида (ср. *точильщик*, *болельщик* и невозможность образований вроде «заточильщик», «заболельщик» и т. д.).

3) Ф о н е т и ч е с к о г о (см. выше, стр. 138).

4) Образующие возможности суффикса, как правило, снижаются отрицательной экспрессивной окраской слов, с основами которых эти суффиксы вступают во взаимодействие (ср. отсутствие перспектив у категории слов общего рода; невыразительность моделей типа *усач*, *носач*, *лизун*, *хвастун* в применении к человеку и т. д.).

5) Вполне вероятно, что образующая сила суффикса в определенных случаях может угасать по причинам стилистической окрашенности высокоторжественного, книжного характера, присущей тем или иным разрядам производных слов. Любопытно, что А. Г. Лыков именно в этом усматривает основную причину малой продуктивности суффикса *-тель* в значении лица в современном русском языке. При такой постановке вопроса становятся понятными причины большой продуктивности омонимичного суф-

---

[8] См.: Э. В. С е в о р т я н. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. Сб.: «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 327; см. также: Г. С. З е н к о в. О словообразовательных процессах советской эпохи. «Уч. зап. филол. фак-та Киргизского гос. ун-та», вып. 5. Славянский сборник, Фрунзе, 1959, стр. 75 и сл.

фикса *-тель*, производящего существительные со значением орудия действия (ср. *рыхлитель*, *размельчитель*, *перегружатель*, *выбрасыватель* и т. п.[9]

6) Случается, что тип выступает как малопродуктивный, хотя существенных ограничений к производству слов с этим суффиксом по крайней мере от подавляющего большинства производящих основ, казалось бы, нет. Таков, в частности, тип существительных с суффиксом *-щик(-чик)* по связи его с основами прилагательных на *-н-* (имеются в виду прилагательные, образованные от основ существительных на любой согласный в исходе, кроме *ц*, *ч*, *к*, *х*, *ш*, *щ*, о чем см. выше, стр. 136). Наряду с именами старого образования, вроде *подсобщик* (подсобный рабочий), *поденщик* (поденный рабочий), можно назвать новообразования *аварийщик*, *бронебойщик*, *обувщик* (наряду с *обувник*), *атомщик* (наряду с *атомник*) и немногие другие.

Что же тормозит образование аналогичных слов в языке? Оказывается, что причина заключается в исключительной монополии словообразовательного типа с суффиксом *-ик* от тех же основ. Лишь там, где особо нужно подчеркнуть профессиональную занятость лица или склонность его к действиям и поступкам отрицательного характера, суффикс *-щик* (*-чик*) еще способен претендовать на соответствующее оформление производящих основ прилагательных с суффиксом *-н-*. При всех прочих обстоятельствах в качестве производящего выступает суффикс *-ик*. Следовательно, выбор суффикса зачастую оказывается как бы заранее предрешенным теми основами, от которых необходимо произвести нужное слово.

---

[9] См.: А. Г. Лыков. Образование имен существительных со значением лица в современном русском языке. Канд. диссертация. М., 1959, стр. 90—104, 256 и сл.

Д. И. Алексеев

ГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ И СЛОВА-АББРЕВИАТУРЫ

В современном русском языке буквенные аббревиатуры представляют один из типов сокращенных слов. Отличительные особенности аббревиатур этого типа и пути их возникновения мало изучены. Вовсе не привлекала к себе внимание исследователей роль графических сокращений в процессе формирования буквенных аббревиатур. Между тем выяснение относящихся сюда явлений проливает свет на ряд существенных сторон этого процесса, особенно тех его этапов, которые относятся к первым послеоктябрьским годам.

Следует сказать, что современные аббревиатуры, как правило, создаются непосредственно в качестве слов, вне какого бы то ни было воздействия со стороны графических сокращений. Особенно это заметно на инициальных аббревиатурах звукового типа. Например, в радиопередаче 7 января 1958 г. сообщалось об организации радиоклуба *БОВ* («Будем отдыхать весело»), и в той же передаче аббревиатура *БОВ* была использована как склоняемое и словопроизводящее существительное: *в адрес БОВа*, *бововцы* и т. д. Отличить подобную аббревиатуру от графического сокращения не составляет особого труда. Однако аббревиатуры, произносимые по названиям букв (*РЖС*, *МГУ*), не имеют ярких, заметных признаков слова, и отграничение их от графических сокращений требует специального рассмотрения.

Графические сокращения и буквенные аббревиатуры имеют нечто общее в своей природе, точнее — в технике образования. Их объединяет то, что они одинаково возникают в результате сокращения соответственно полных начертаний и наименований; ср., например, ар — *а* (графическое сокращение) и гектар — *га* (слово), железная дорога — *ж. д.* (графическое сокращение) и Китайско-Восточная железная дорога — *КВЖД* (слово); ср. также профессор — *проф.* (графическое сокращение) и заведующий — *зав* (слово).

Однако характер связи и взаимоотношений между графическим сокращением и полным начертанием, с одной стороны, и аббревиатурой и полным наименованием, с другой стороны, глубоко различны.

Различия первого рода полностью ограничены рамками графики и никаких сторон существования слова как языкового факта не касаются. Как писал А. М. Сухотин, «графическое сокращение не есть факт языка. Полностью ли или в сокращении пространственно материализовано слово на письме — это самого слова не затрагивает» [1].

Иначе соотносятся с полным наименованием буквенные аббревиатуры (и сложносокращенные слова). Прежде всего, аббревиатура по значению не находится в абсолютной зависимости от полного наименования, как это пытаются утверждать некоторые авторы [2]. Доказательством относительной независимости аббревиатур могут служить многочисленные факты их употребления в устной и письменной речи при незнании полного наименования. Так, в печати обычно не расшифровываются значения букв заимствованных аббревиатур, например: *ЮНЕСКО* (организация ООН), *СЕНТО* (агрессивный союз), *МЕН* (агенство), *МАВАГ* (завод), *ТУЛ* (спортивный союз) и т. д. Тем не менее употребление этих аббревиатур в русском языке оказывается возможным. Употребляя в речи некоторые русские сокращенные слова, например *кожимит*, *самбо*, завод *Клейтук* (в Москве), завод *Кинап* и под., большинство говорящих не только не знает их «расшифровок», но и не считает такие слова сложносокращенными. Вообще между пониманием значения аббревиатуры и знанием полного наименования нет обязательной связи. Рассмотрим пример. Говорящие, конечно, понимают, что *ДДТ* — это аббревиатура; возможно даже, что некоторые из них слышали ее расшифровку (дихлордифенилтрихлорметилметан!). Но значение слова (вид дуста), закрепленное за данным звуковым комплексом («дэдэтэ»), вполне могло быть усвоено непосредственно в результате знакомства с самим предметом. Особенно сильна и заметна самостоятельность значений у аббревиатур типа *ФЭД* — Ф. Э. Дзержинский (фотоаппарат), *АНТ* — А. Н. Туполев (самолет), *ДИП* — догнать и перегнать (станок), *ЗИЛ* — завод имени Лихачева (автомобиль) и т. д. Знание полного наименования здесь так же не помогает выявлению подлинного значения аббревиатуры, как, скажем, знание этимологии слов *иприт*, *галифе* или *бостон* не раскрывает для нас настоящего их смысла. В самом деле, что такое

---

[1] А. М. Сухотин. Проблема «сокращенных» слов в языках СССР. Сб.: «Письменность и революция». М.—Л., 1933, стр. 152.

[2] Ср.: В. Ф. Алтайская. Сложносокращенные слова в русском языке. «Научные зап. Ужгородского гос. ун-та», 1955, т. XIII, стр. 159; К. А. Левковская. Лексикология немецкого языка. М., 1956, стр. 178, 179.

«расшифровка» для подобных аббревиатур? Это своего рода скрытый о б р а з, положенный в основу наименования. А значение — это «смысл, отнюдь не прямо вытекающий из положенного в основу слова образа-признака» [3]. «Образ и значение, — указывает Л. А. Булаховский, — между собой связаны только до некоторой степени; образ и словообразовательные значения являются лишь «наметкой» возможного содержания слова. Что слово значит на самом деле — определяет его история, закрепившееся в языке фактическое употребление» (там же, стр. 14). Показательна история слова *колхоз*. Слово возникло в 20-х годах и первоначально обозначало подотдел, ведающий сельскохозяйственными объединениями крестьян. Ср. употребление слов *колхоз* и *колхозник* в этом значении на страницах «Правды»: «обычный аппарат, обслуживающий колхозы: 1 делопроизводитель и 1 писец»; «теперь в связи с продовольственным фронтом и последние работники-колхозники вытащены из земотделов» [4]. В дальнейшем слово *колхоз* начинает обозначать самое коллективное хозяйство, ср. в словаре 1924 г.: «Колхоз коллективное хозяйство, обрабатываемое. коллективным способом по типу коммуны» [5]. В 30-х годах за словом закрепляется современное значение: *колхоз* — форма сельскохозяйственной артели, «сельскохозяйственная организация, представляющая собой высшую форму сельскохозяйственной производственной кооперации. . .»[6] Отсюда вывод А. Сухотина о том, что «равенство. . . к о л х о з =«коллективное хозяйство» реально не существует: хозяйство может быть коллективным, но не быть колхозом. Это — разные понятия. Слово к о л х о з произошло от словосочетания «коллективное хозяйство», но не дублирует его по значению. Оно выражает особое, совершенно самостоятельное понятие. . .» [7]

Еще более очевидна самостоятельность аббревиатур в эмоционально-стилистическом отношении. По окраске *га* и *гектар*, *Чека* и *чрезвычайная комиссия*, *ЧП* и *чрезвычайное происшествие* не тождественны уже потому, что представляют разные звучания. Признание полного семантико-стилистического тождества двух разных звуковых комплексов в языке означало бы признание абсолютной синонимичности. Между тем общеизвестно, что язык не терпит слов-дублетов; такова объективная закономерность, действующая в области словарного состава. Сокращенные слова не составляют исключения. Практика употребления аббревиатур

---

[3] Л. А. Б у л а х о в с к и й. Введение в языкознание, ч. 2. М., 1953, стр. 10.

[4] См.: «Правда», 6 января 1921 г. Ср. там же: *уколхозы*, *губколхозы*.

[5] См.: Словарь вошедших в обиход сокращенных названий. Изд. Н. Н. Серокузов. Владивосток, 1924, стр. 25.

[6] См.: Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1. стр. 1412.

[7] А. С у х о т и н. Указ. соч., стр. 156.

в речи это подтверждает. Так, обычно сами пишущие (говорящие) вполне осознают стилистическое и эмоциональное своеобразие сокращенных слов и нередко отмечают его. Например:

Где-то в Лейдене. . . обосновался так называемый координационный секретариат студенческих объединений ряда стран, в просторечии — КОСЕК.

Машине присвоено короткое, энергично звучащее название ГАП, что значит: газетный агрегат «Правды».

И вот они учительницы в школе, Их называют страшным словом «шкраб».

Пятилетний юбилей отмечает в этом году театр юных полярников. . . . ТЮП — так сокращенно и ласково называют театр в далеком северном городе и на всем побережье [8].

Ср. особенно следующее рассуждение об аббревиатуре *СП*:

— Илья Петрович, СП!

Мазурук летит сегодня на Северный полюс в девятый раз, и когда до него доносится этот возглас, он думает: в сущности, закономерно, что среди наших полярников возникло и стало обиходным это удобное, деловитое сокращение «СП» — Северный полюс.

Трудно сейчас установить, когда оно прозвучало впервые. Потребовался многолетний, полный героики труд тысяч людей — летчиков и моряков, строителей Арктики, ученых, разрушавших ореол недоступности этой самой северной точки земного шара, чтобы с уст простого человека весело слетело обращение «накоротке» к Северному полюсу — «СП» [9].

Взаимоотношение аббревиатур с полными наименованиями нельзя сводить к одной только синонимичности. В одних случаях это действительно синонимы (*га* и *гектар*), в других между ними своеобразные метонимические и иные связи (*ТУ-104* и *Туполев*), в третьих — лишь генетическая связь, поскольку полное наименование, давшее жизнь сокращению, уже не употребляется или вообще не употреблялось в том же значении (ср. *кожимит* и *имитация кожи*, *комбижир* и *комбинированный жир*, *керогаз* и *керосиновый газ*).

Обратимся к произношению. Как уже ясно из ранее сказанного, графические сокращения не имеют собственного про-

[8] См. соответственно: «Комс. правда», 18 февраля 1959 г.; «Огонек», 1957, № 10, стр. 14; «Комс. правда», 5 апреля 1959 г.; «Учит. газета», 12 мая 1959 г.

О стилистической окраске буквенных аббревиатур в английском языке см.: И. А. Потапова. Сокращения в современном английском языке. «Уч. зап. Первого Ленинградского гос. пед. ин-та иностранных языков», Новая серия, вып. 2, 1955, стр. 108.

[9] См.: «Лит. газета», 17 июля 1954 г. (цит. по статье: Я. И. Гельблу. К вопросу об аббревиатурах в немецком языке. «Уч. зап. Башкирского гос. ун-та. Вопросы германской филологии и методики преподавания немецкого языка», вып. 6. Серия филол. наук., № 5, Уфа, 1958, стр. 125—126).

изношения, при чтении они «расшифровываются» и, следовательно, существуют лишь для зрительного восприятия. Так, *м* читается как *метр*, *п/я* — *почтовый ящик*, *проф.* — *профессор* и т. д. Буквенные аббревиатуры и другие сокращенные слова (*БЭСМ*, *ГДР*, *спец*) имеют собственное произношение, они представляют вполне самостоятельные звуковые комплексы и не повторяют звучания полного наименования. Так, *ТЭЦ* — слово, состоящее из трех фонем, а *теплоэлектроцентраль* — другое слово, включающее 19 фонем.

Однако было бы неверно применять отмеченный различительный признак формально. Говорящие нередко (сознательно или по незнанию) не расшифровывают графических сокращений, произносят их по названиям букв, но такое произношение еще не означает замены графического сокращения словом. Примеры:

Люблю тебя, печати место,
Когда без сургуча, без теста,
А так, как будто угольком,
«*М. П.*» очерчено кружком! [10]

Вспомнил я — на *эф*, на *ща*:
Фета, Щедрина — законно!
Гончарова *и тэ дэ* [11].

Ср. также:

Можешь
холодной
мыть хохол,
горячей —
пот пор.
На кране
одном
написано:
«*Хол.*»,
на кране другом —
«*Гор.*» [12].

Сокращения *М. П.*, *и т. д.*, *хол.*, *гор.* остаются графическими, так как произношение их без расшифровки есть факт эпизодический. Только при условии закрепления собственного произношения графические сокращения могут стать аббревиатурами-словами. Таковы, например, бывшие графические сокращения *б/у* (*бэ́у*) — бывший в употреблении, *НЗ* — неприкосновенный запас, *кпд* (*КПД*) — коэффициент полезного действия, *га* и другие.

[10] Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1955, стр. 99 (курсив здесь и ниже наш. — *Д. А.*).

[11] Ц. Солодарь. О тарабарщине. «Юность», 1956, № 2, стр. 109.

[12] В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 9. М., 1958, стр. 24.

Инициалы имен и фамилий, являющиеся особой разновидностью графических сокращений, также могут читаться без расшифровки:

Тут был *К. М.*, француз, женатый
На кукле чахлой и горбатой . . .[13]

Нужно сказать, что из-за незнания «расшифровки» мы вынуждены очень часто прибегать к чтению инициалов имен и фамилий по названиям букв. Примеры: «Ответ Ф. Т.» — стихотворение А. С. Пушкина [14], «К другу В. Ш.» — у М. Ю. Лермонтова [15], «Загадка Н. Ф. И. — очерк И. Андроникова [16]; ср. также инициалы при фамилии незнакомых лиц: И. А. Иванов, Д. Г. Джонс и т. д. Но и инициалы имен остаются графическими сокращениями, не превращаются в «лексические», не становятся аббревиатурами-словами, потому что и для данного типа сокращений нормой является чтение с расшифровкой. Так, запись «А. С. Пушкин» мы прочитаем, как «Александр Сергеевич Пушкин» или, в крайнем случае, — «Пушкин». Чтение «а-эс-пушкин» и под. воспринимается как нарочито искусственное или шутливое, и это иногда используется в юмористической и сатирической литературе, например: «эн ве Гоголь и другие» [17]

И бредут рядком, скучая,
от тире до запятой
Чернышевский,
Докучаев,
В. Ключевский
плюс Толстой [18].

Только становясь эквивалентом полного имени, наименованием-псевдонимом, инициальное графическое сокращение превращается в начертание аббревиатуры-слова. Таков, например, инициальный псевдоним меньшевистского деятеля М. Я. Лукомского — *Эм-Эль*, о котором упоминает В. И. Ленин: «. . . компания либеральных писак, все эти гг. Ф. Д., Гаммы, Л. М., Эм-Эль, Ракитины и пр.» [19] Другой пример — имя персонажа из «Гранатового браслета» А. Куприна: Пе Пе Же; ср.: «И все ее мысли были прикованы к тому неведомому человеку, которого она никогда не видела и вряд ли когда-нибудь увидит, к этому смешному Пе Пе Же» [20]. Ср. также в «Повести о Марфите» А. Зиновьева: «Я решил

[13] А. С. Пушкин. Сочинения, т. 3. М., 1954, стр. 569.
[14] А. С. Пушкин. Сочинения, т. 1. М., 1954, стр. 225.
[15] М. Ю. Лермонтов. Собрание сочинений, т. 1. М., 1957, стр. 186.
[16] И. Андроников. Рассказы литературоведа. М., 1956, стр. 49.
[17] А. Флит. Таланты наизнанку. Л., 1940, стр. 100.
[18] С. Васильев. Лирика и сатира. М., 1954, стр. 24.
[19] В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 74.
[20] А. И. Куприн. Избранные сочинения. М., 1947, стр. 445.

назвать вас именем, составленным из ваших инициалов,— Рик» [21]. Во всех приведенных примерах превращение в обычное начертание слова сопровождается изменением орфографического облика: *Эм-Эль*, *Пе Пе Же*, *Рик* (вместо М. Л., П. П. Ж., Р. И. К.). Если инициалами имени названы неодушевленные предметы, то такое название выступает в качестве слова на общих основаниях с другими аббревиатурами, например: *звезда КЭЦ* (у А. Беляева), *насос АЯП*, *фотоаппарат ФЭД* и т. д. [22]

Для аббревиатур любого происхождения характерна устойчивость их звучания, хотя и не такая абсолютная, как у суффиксальных и иных новообразований. Она проявляется в тенденции сохранить без изменения звуковой комплект аббревиатуры или сложносокращенного слова, несмотря на изменения, происшедшие в составе полного наименования. Так, Московский государственный университет (МГУ) с 1940 г. стал именоваться «Московский ордена Ленина государственный университет имени М. В. Ломоносова», а сокращенно — по-прежнему МГУ. Слово *главк* возникло в 1918 г. и обозначало главный комитет при ВСНХ. В последующие годы словом *главк* стали обозначать главные управления наркоматов и министерств [23]. Изменялась неоднократно «расшифровка» таких сложносокращенных слов и буквенных аббревиатур, как *Главтоп*, *Чека*, *ЛГУ* и многих других.

Ко всему сказанному следует добавить, что буквенные аббревиатуры, в отличие от всех прочих лексических новообразований, не сразу приобретают собственное звучание в качестве постоянной и закрепленной фонетической формы. Сокращение обычно, хотя и не обязательно, проходит ряд стадий. Сначала в печати новую аббревиатуру, как тень, сопровождает расшифровка, и аббревиатура преимущественно читается полностью. Например, радиодиктор, встречая в тексте аббревиатуры ОАР или ВДНХ, на первых порах не прочитывал их как *оа́р*, *вэдээнха́*, а заменял полными наименованиями: «Объединенная Арабская Республика» «Выставка достижений народного хозяйства». В дальнейшем «тень» исчезает, опека полного наименования ослабевает или снимается, а произношение *оар* и *вэдээнха* становится господствующим. Характер произношения тоже не остается неизменным. Первоначально аббревиатура, особенно произносимая по названиям букв, вовсе не представляет единого звукового комплекса, она рассыпается на составные части, слабо скрепленные между собой ударением: *вэ́ дэ́ э́н ха́*, *вэ-дэ-э́н-ха́*. Любопытно отметить, что на первых порах по названиям букв выговариваются даже такие асббревиатуры, которые в дальнейшем явно будут произноситься по звукам: теплоход э́м-о-э́м (передача по радио 23 января 1958 г.), агентство

[21] Цит. по фельетону И. Рябова «Сорное слово». «Правда», 3 февраля 1947 г.

[22] *КЭЦ* — К. Э. Циолковский, *АЯП* — А. Я. Подопригора.

[23] См.: БСЭ, изд. 2, т. 11, стр. 459.

ю-пэ-и́ (передача по радио 15 марта 1960 г.) и т. д. Все это — лишь «предыстория» слова, полуграфическая стадия, некое эмбриональное состояние, переживаемое аббревиатурой. Только в дальнейшем аббревиатура превращается в фонетическое слово с единым ударением, с явлениями редукции и т. д.: *въдъэ^{и}нха́*.

И в грамматическом отношении буквенные аббревиатуры, а тем более сложносокращенные слова слогового типа, существенно отличаются от графических сокращений. Они обладают многими грамматическими признаками, подтверждающими принадлежность аббревиатур к лексическому составу русского языка. Из грамматических признаков аббревиатур особенно яркими, на наш взгляд, являются следующие четыре: 1) наличие собственной категории рода; 2) синтаксическая целостность и нечленимость; 3) способность к морфологическому опрощению; 4) способность служить базой для создания производных слов. Остановимся на этих признаках.

1) Сложносокращенные слова слогового типа на твердый согласный входят в словарный состав русского языка сразу же в качестве существительных мужского рода: *совнархоз*, *юннат*, *продмаг* и т. д.[24] Что касается буквенных аббревиатур, то их род на первых порах зависит от рода стержневого слова полного наименования: *ОАР* — женского рода, *ГПУ* — среднего рода, *НИИ* — мужского рода. Стержневыми словами соответственно являются: республика, управление, институт. Однако и у буквенных аббревиатур развивается тенденция к закреплению самостоятельных форм рода.

В первую очередь процесс закрепления рода распространяется на аббревиатуры с конечным согласным: *вуз*, *загс*, *ДОСААФ*, *ГОСТ*, *МХАТ* и т. д. Мужской род этих сокращений определяется уже не по стержневому слову «расшифровки», он присущ непосредственно данным звуковым комплексам, обладающим теми же структурно-фонетическими особенностями, что и обычные существительные *стол*, *дом*, *шум* и под. Несомненно также закрепление категории среднего рода за несклоняемыми аббревиатурами на *-о*: *сельпо*, *самбо* и под.: ср. также тенденции к усвоению форм среднего рода у слов *гороно*, *райфо*, *райзо*, *ЮНЕСКО*, *РОЭ*, *гезе*[25] и др. Все эти аббревиатуры на *-о*(*-е*) находятся под явным воздействием со стороны существительных среднего рода *село*, *пальто*, *поле* и т. д.

Так закрепляется род за аббревиатурами, структура которых соответствует типичным родовым моделям. Но возможно ли закрепление рода за аббревиатурами любой структуры, скажем, за такими, как *ЦК*, *СССР*, *КПСС*, *МГУ*, *НИИ* и т. д.? Пола-

[24] Подробнее см. в нашей статье «Склонение буквенных аббревиатур». Сб.: «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Куйбышев. 1961, стр. 62—82.

[25] *Гезе* — горячая заварка. Ср.: «никакое *гезе* ее не спасет» (Г. Николаева. Битва в пути. «Роман-газета», 1958, № 22, стр. 21).

гаем, что возможно. Ведь заимствованные несклоняемые существительные *такси*, *кули*, *леди*, *мадам*, *мисс* и под. распределяются по родовым группам по определенным правилам, нет никаких объективных обстоятельств, которые мешали бы распространению аналогичных правил и на рассматриваемые аббревиатуры. В современных словарях русского языка отмечается наличие собственных форм рода у некоторых несклоняемых буквенных аббревиатур и сложносокращенных слов: *га*, *Чека* (*ЧК*), *завкадрами*, *комполка* и др. Однако в тех же словарях (см., например, Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова) формы рода не отмечаются у слов *ЦК*, *ВКП(б)*, *СССР* и др., что, по нашему мнению, свидетельствует лишь о непоследовательности в решении этого вопроса.

2) Буквенная аббревиатура в предложении безусловно выступает как член предложения, выраженный одним словом. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно сравнить предложения: В части произошло *ЧП* — в части произошло *чрезвычайное происшествие*; *РТС* приступила к работе — *Ремонтно-техническая станция* приступила к работе и т. д.

Во втором и четвертом предложениях подлежащее выражено словосочетаниями «чрезвычайное происшествие», «ремонтно-техническая станция», а при некотором изменении смысла эти словосочетания можно даже расчленить на два члена предложения (подлежащее и определение к нему). Синтаксическая расчленяемость аббревиатур *ЧП* и *РТС*, разумеется, совершенно исключена. Как замечает И. А. Потапова, «при сокращении. . . составного имени и образовании буквенного слова синтаксическая членимость утрачивается. Следовательно, буквенное существительное представляет собой уже неделимое синтаксическое целое, как и простое слово»[26].

3) Буквенные аббревиатуры и сложносокращенные существительные подвержены таким морфологическим процессам, в результате которых изменяется их структура. Так, сокращенные слова нередко утрачивают способность членяться на составные части и превращаются в непроизводные существительные. Происходит «морфологическое опрощение». Ему подверглись, например, слова *комсомол*, *Коминтерн*, *кожимит*, *эскапон* [27], *линкор*, *керогаз* и многие другие. Сложносокращенные слова, в отличие от сложных, более интенсивно подвергаются опрощению, что объясняется различиями в исходной структуре тех и других. У сложных слов составными компонентами являются полные корни (основы) слов, способные в течение веков сохранять вычленяемость. Только при фонетическом разрушении компонентов вычленяемость исклю-

---

[26] И. А. Потапова. Сокращения в современном английском языке, стр. 107.

[27] *Эскапон* — синтетический каучук Л. Т. Пономарева; см.: «Сов. Россия», 5 сентября 1958 г.

чена, ср. *везде*, *всегда*, *спасибо*, *одиннадцать* и т. д.[28] Сложносокращенные слова с момента своего образования состоят из «разрушенных» компонентов, и эти компоненты — *со* (союз), *мол* (молодежь) *керо* (керосин), *имит* (имитация), *лин* (линейный) и др. — не в состоянии даже в течение нескольких лет выступать смыслоносителями и сохранять вычленяемость. Лишь те продуктивные отсечения (*вет*, *гос*, *мед*, *парт*, *прод*, *сан* и т. д.), которые превратились в некие краткие дубликаты к соответствующей полной основе, воспринимаются как значимые морфемы и сопротивляются процессу опрощения почти наравне с обычными корневыми морфемами, ср. *ветврач*, *госхоз*, *госбанк*, *медпомощь*, *партбюро*, *парторг*, *продтовары*, *санчасть* и т. д. Еще меньше смыслоносительных возможностей у инициальных отсечений, используемых для создания буквенных аббревиатур. Значимые корневые компоненты в аббревиатурах «разрушены» максимально, от них оставлено по одному звуку—инициалу: *ООН*, *ГДР*. Естественно, что вычленяемость подобных «морфем» весьма недолговечна. Например, давно существующие аббревиатуры *вуз*, *ГОСТ*, *дот*, *Чека* (*ЧК*), *ТАСС*, *загс*, *ВЛКСМ*, *ВЦСПС*, *МГУ* и десятки других безусловно утратили способность расчленяться на составные компоненты, понятны без расшифровки, представляют в произношении единые фонетические комплексы и должны рассматриваться как слова только по этимологии сложные, а по современной структуре — простые, корневые, «опрощенные» [29].

В свете сказанного нельзя признать правильным утверждение М. Д. Степановой, будто бы способ создания сокращенных слов из буквенных или слоговых компонентов, хотя и связан тесно со словосложением, но «существенно отличается от него тем, что при его помощи создаются не сложные слова, а новые корневые слова» [30] На самом деле сложносокращенное слово становится корневым обычно в процессе функционирования в речи, а не с самого момента своего создания. Это может быть доказано фактами не только русского, но и немецкого языка. Еще менее права К. А. Левковская, полемизирующая с М. Д. Степановой и впадающая в противоположную крайность: она, в сущности, отрицает самую возмож-

---

[28] Разумеется, опрощение возможно и без разрушения компонентов, ср. *лицемер*, *медведь*, *ночлег*, *прощелыга* и некоторые другие. См. об этом: Л. А. Булаховский. Деэтимологизация в русском языке. «Труды Ин-та русского языка», т. I. М.—Л., 1949, стр. 162; Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959, стр. 126.

[29] Одним из доказательств происшедшего опрощения может служить факт использования опрощенных основ для создания новых сокращений, ср. *комсорг*, где *комс* — отсечение от основы *комсомольский*, *ЛЭМЗО*, где *О* — отсечение от основы *Осоавиахим* (*ЛЭМЗО* — Ленинградский электромеханический завод Московского райсовета Осоавиахима, см.: «Весь Ленинград», адресная и справочная книга, 1935, стр. X).

[30] См.: М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953, стр. 81.

ность превращения сложносокращенных слов в корневые существительные [31].

Итак, процесс морфологического опрощения, захватывающий сложносокращенные слова и буквенные аббревиатуры, свидетельствует о тенденциях этих слов к отрыву от их исходной базы — полных наименований.

4) Буквенные аббревиатуры и сложносокращенные слова способны выступать в качестве производящих основ при словообразовании, что особенно убедительно подтверждает их принадлежность к словарному составу русского языка. Следует подчеркнуть, что производные слова образуются от самых различных категорий аббревиатурных основ. Например, производящими основами могут выступать:

основы склоняемых слов: *комсомол — комсомолец*, *вуз — вузовский*;

основы несклоняемых слов: *самбо — самбист*, *РОСТА — ростинский*;

основы нарицательных слов: *райком — райкомовский*, *ЧОН — чоновец*, *РТС — эртээсовский*;

основы собственных названий: *Осоавиахим — осоавиахимовский*; *МХАТ — мхатовец*, *Чека — чекист*;

основы аббревиатур звукового типа: *ДОСААФ — досаафовец*, *ГАЗ — газик*, *нэп — нэповский*;

основы аббревиатур «буквенного» типа: *ФЗУ — фэзэушник*, и т. д.

Заметим, что в производном прилагательном или существительном аббревиатурная основа еще более отрывается от исходного полного наименования, т. е. процесс опрощения приобретает здесь более глубокий и безусловный характер.

Обратимся, наконец, к выявлению различий в оформлении сокращений и буквенных аббревиатур. И здесь наряду с различиями имеется и много общего. Эта общность генетическая: массовое формирование буквенных аббревиатур происходило на базе текстовых графических сокращений, применявшихся в большом количестве в печати послереволюционных лет. Естественно, что при этом по наследству сохранялся без особых изменений и самый графический облик текстовых сокращений, ср. *Р.С.Ф.С.Р.* (сокращение) — *РСФСР* (аббревиатура), *Ц.И.К.* — *ЦИК*, *Ц. К.* — *ЦК*, *Р. К. П.* (*больш.*) — *РКП(б)* и т. д. Что касается господства прописных, а не строчных букв в текстовых сокращениях, то оно объясняется наличием их в самих составных наименованиях революционной эпохи; ср.: Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов (отсюда сокращение *С Р, С. и*

---

[31] См.: К. А. Левковская. Лексикология немецкого языка. М., 1956, стр. 178—179.

К. Д.)[32], Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (отсюда *В. Ч. К.*)[33], Центральный Совет Фабрично-Заводских Комитетов (отсюда *Ц. С. Ф. З. К.*)[34] и т. д. Показательно, что из текстовых сокращений, писавшихся тогда строчными буквами — *с.-р.*, *с.-д.*, *н. с.*, — и аббревиатуры возникают уже иного типа: *эсер*, *эсдек*, *энес*. Разумеется, могло встречаться также подравнивание под господствующие нормы графического оформления, например: Сестрорецкий оружейный завод, но *С. О. З.*, а не *С.о.з.*, волостные земельные комитеты, но *В.З.К.*[35] и т. д.

Однако в графическом оформлении условных сокращений и аббревиатур есть различия принципиального порядка. Так, условные графические сокращения в максимальной степени отражают правописание сокращаемого полного наименования и зависят от него. Например, в графическом сокращении, в соответствии с орфографией полного наименования, сохраняются дефисы, строчные и прописные буквы, кавычки и тире: *ю-в*, — юго-восток, *С.-д. п. Г.* — Социал-демократическая партия Германии [36], «*К. — п.*» — «Книга — почтой» [37] и т. д. Аббревиатуры по правописанию более независимы от полных наименований, ср. *ИСЗ* — искусственный спутник Земли, *СП-7* — «Северный полюс 7», *ОДН* — общество «Долой неграмотность» и т. д. Кроме того, графические сокращения характеризуются некоторыми свойственными только им условными приемами графического оформления. Сюда относится написание в виде дроби: *п/я* — почтовый ящик, *а/о* — акционерное общество; повторение начальных букв для обозначения множественного числа: *тт.* — товарищи, *гг.* — годы; употребление точек и дефисов на месте сокращения: *см.* — смотри, *к-т* — комитет; использование дефисов в условном значении: *ж.-д.* — железнодорожный (но *ж. д.* — железная дорога); использование прописных букв в условном значении: *Мм* — мегаметр (ср. *мм* — миллиметр), и т. д. В литературе 20-х годов применялся еще такой прием: *ВольФилА* — Вольная философская ассоциация, *ВоМедАк* — Военно-медицинская академия, *ИНарХоз* — Институт народного хозяйства [38] и т. д. Кстати сказать, некоторые из подобных условных сокращений позднее становятся сложносокращенными словами: *Вомедак*, *Вхутемас* и др.

В графическом оформлении аббревиатур тоже немало условного, но это уже иные условные приемы, которые служат сред-

---

[32] «Правда» («Рабочий путь»), № 174, 13 ноября 1917 г.
[33] «Правда» № 275, 18 декабря 1918 г.
[34] «Петроградская правда» № 74, 14 апреля 1918 г.
[35] «Правда» № 176, 15 ноября 1917 г.
[36] БСЭ, изд. 2, т. 40, стр. 149.
[37] БСЭ, изд. 2, т. 21, стр. 471.
[38] См.: «Наука в России». Справочник. Научные работники Петрограда. М.—Пг., 1923, стр. IX—X.

ством отграничения аббревиатур как от условных графических сокращений, так и от написаний обычных слов. К таким приемам относятся: написание по преимуществу прописными буквами (*РСФСР*, *КПСС*, *ГЭС*); написание без точек на месте сокращения; написание присоединяемых окончаний строчными буквами: *в ГУМе* (по старой орфографии — *в ГУМ'е*); присоединение цифровой части с помощью дефиса: *ГАЗ*-59, *ТУ*-104 и некоторые другие.

Процесс перехода графических текстовых сокращений в обозначения аббревиатур-слов в послереволюционные годы находит заметное отражение прежде всего в орфографии сокращений. По периодической печати 1917—1920 гг. видно, в каком направлении происходили изменения в обозначении сокращений. В 1917 г., несмотря на орфографический разнобой, наблюдаемый в газетах и журналах, сокращения весьма последовательно пишутся с точками: *Ц. И. К.*, *Р.С.-Д.Р.П.*, *С.-А. С.Ш.*, *М. И. Д.* и т. д. Характерна нестабильность сокращений. Так, только в одном номере газеты «Правда» (см. № 170, 9 ноября 1917 г.) можно обнаружить 5—6 вариантов сокращенного обозначения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов: *Совет Р. и С. Д.*, *Сов. Р. и С. Деп.*, *С. Р. и С. Д.* и др.

В течение 1918 года исчезает варьирование в обозначении наиболее популярных сокращений. На страницах «Правды» становятся стабильными написания: *Р. К. П.*, *Р. С. Ф. С. Р.*, *Ц. И. К.*, *В. Ч. К.*, *В. С. Н. Х.* и многие другие. Эти сокращения еще не осознаются как аббревиатуры-слова, они читаются не по названиям букв, а в «расшифровке»: «во В. Ч. К. поступило дело» (т. е. во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию) [39], «представитель союза во В. Ц. С. П. С.» [40] и т. д. Ср. в той же газете в последующие годы: «зарегистрированы в В. Ц. С. П. С.» (12 декабря 1919 г.), «происходит в В. С. Н. Х.» (21 ноября 1920 г.), «в В. Ч. К.» (28 декабря 1921 г.) и т. д. Не будучи цельнооформленными, сокращения легко разбиваются переносом: *Р. С.-Д. Р. П.*, *В.-Ц. И. К.*, *Р. К.-П.* Любопытно отметить, что по традиции подобные переносы сохраняются в «Правде» и в последующие годы: *Р. С. Ф.-С. Р.* (28 декабря 1919 г.). *В. Ц.-С. П. С.* (7 апреля 1920 г.), *В. С. Н.-Х.* (25 января 1921 г.) и т. п.

С 1919—1920 гг., параллельно с «точечными» написаниями, все чаще и чаще появляются написания без точек: *ВСНХ* («Правда». 5 августа 1919 г.), *МК*, *МПО* (там же, 10 сентября 1919 г.), *НКП* (2 октября 1919 г.), *ВЧК* (10 января 1920 г.), *ВЦИК* (31 января 1920 г.), *ВЦСПС*, *ЦКРКП* (12 марта 1920 г.), *ОРТЧК* (17 апреля 1921 г.) и т. д. В 1921 г. написания без точек принимают более систематический характер. В эти годы укрепляется

[39] «Правда» № 275, 18 декабря 1918 г.
[40] «Правда» № 85, 23 апреля 1919 г.

также произношение аббревиатур без расшифровки. Доказательством могут служить некоторые варианты написаний: *губчека* («Правда», 22 ноября 1919 г.), *ВЕ-ЧЕ-КА* (там же, 2 апреля 1920 г.), в стихотворении Д. Бедного), *Цепти* (19 октября 1920 г.), *Цека* (7 ноября 1920 г.), *Моно* (11 ноября 1920 г.), *Цик* (6 января 1921 г.), *Нкид* (9 февраля 1921 г.) и т. д.[41] Другим доказательством является факт склонения ранее не склонявшихся сокращений: воззвание *ВЦИКА* (22 августа 1920 г.), для *ВЦИК-а* (8 декабря 1920 г.), для курсов *ОПОР'а* (27 ноября 1920 г.), из *ЦОС'а* (8 декабря 1921 г.), *предВУЦИК'а* (28 декабря 1921 г.) и др. Нужно сказать, что написания с точками не сразу вытесняются со страниц газет, журналов и другой печатной литературы. Точки в течение многих лет продолжают употребляться по традиции. Но уже перестают быть отличительной приметой графических сокращений. Точки теперь употребляются не только в графических сокращениях, но и в аббревиатурах-словах, ср. у В. Маяковского:

Ни черту кочерга и ни богу свечка,
Ни в Совдеп посадить, ни отправить в *В. Ч. К.*

(ноябрь 1919 г.)[42];

Что ж, пожалуйте, сэр:
Да здравствует *Р. С. Ф. С. Р.!*

(10 декабря 1919 г.)[43];

Обмен производить будут только кооперативы, и то под надзором *Е. М. П. О.*

(апрель 1921 г.)[44]

Итак написание без точек, произношение без расшифровки (по названиям букв или по звукам), факты склонения — все это свидетельствует о появлении известной цельнооформленности у вновь возникающих аббревиатур-слов. Характерно, что в послереволюционный период, когда грамотность населения была еще чрезвычайно низкой и случаи искаженного произношения новых слов были массовыми[45], — буквенные аббревиатуры также иногда проникают в устную речь с искажениями, ничем не отличаясь в этом смысле от обычных слов. Например:

---

[41] См. также написания *чека*, *губчека*, *цик* в статье: А. Баранников. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. «Уч. зап. Самарского ун-та», 1919, вып. 2, стр. 77.

[42] В. Маяковский. Полное собрание сочинений, т. 3. М., 1957, стр. 20—21.

[43] Там же, стр. 32.

[44] Там же, стр. 355.

[45] Ср. примеры, записанные проф. А. Баранниковым: *ероплан* (аэроплан); *антонобиль* (автомобиль), *лицинер* (милиционер), *бургун* (буржуй) и др. (А. Баранников. Указ. соч., стр. 79).

«Куда поведешь, товарищ: в ртучеку или губчеку?» [46] Если бы аббревиатуры не обладали цельнооформленностью, искажение их было бы маловероятно.

Процесс массового формирования аббревиатур на базе текстовых сокращений, происходивший в период первых послереволюционных лет, привел к тому, что в русском языке возник новый тип слов, ранее отсутствовавший, были выработаны определенные структурные модели сложносокращенных слов и аббревиатур, по образцу которых уже вне воздействия графических сокращений в дальнейшем создавались новые сокращенные слова. Например, по образцу *НКИД*, *НКПС*, *НКЗ* и др. возникают позднее многочисленные аббревиатуры для сокращенного обозначения наркоматов, а в дальнейшем — министерств: *НКВД*, *НКВТ*, *НКАП*, *НКГБ*, *НКЛП; МИД*, *МВД*, *МГБ* и др. По образцу *РСФСР* в дальнейшем создаются: *ЗСФСР*, а также *СССР*, *УССР*, *БССР*, *ГССР* и т. д.

Таким образом, после 20-х годов воздействие графических сокращений на процесс формирования слов-аббревиатур по существу прекратилось. Наблюдаются лишь единичные примеры, ср. *б/у* (бывший в употреблении), *мэв* (миллион электроновольт), *кпд*, *эдс* и другие. Конечно, текстовые сокращения существуют и теперь. Но сфера их употребления сузилась. Так, текстовые сокращения, применяемые в энциклопедиях и словарях, действительны лишь на протяжении одной словарной статьи. Что касается сокращений, применяемых в специальной (профессиональной) литературе, то они существенно отличаются от сокращений 1917—1920 гг. Ср. пример из научной литературы: «При построении модуляционного устройства ФИМ можно воспользоваться схемой для получения ШИМ, а затем произвести преобразование ШИМ в ФИМ. Для этого импульсы, модулированные по ширине, надо подать на ДЦ, после которой импульсы, соответствующие модулированному фронту, подвергаются формированию в УО» [47]. Как видим, современные научные текстовые сокращения оформлены по образцу аббревиатур, пишутся без точек, читаются без расшифровки, отличаются стабильностью. Следовательно, это не графические сокращения, а слова-аббревиатуры, но в отличие от общеупотребительных, это — а в т о р с к и е слова-аббревиатуры. Как и всякие авторские слова, они могут получить более широкое распространение, стать общеупот-

---

[46] Л. С е й ф у л л и н а. Избранное. «Сов. писатель», 1948, стр. 153 (*Ртучека* — вместо *ОРТЧЕКА*).

[47] С. И. Е в т я н о в. Радиопередающие устройства. Связьиздат, 1950, стр. 523 (цит. по статье: Н. К. С у х о в. О применении буквенных сокращений в качестве научно-технических терминов. «Известия АН СССР. ОТН» 1953, № 7, стр. 1059. ФИМ — фазово-импульсная модуляция, ШИМ — широкоимпульсная модуляция, ДЦ — дифференциальная цепочка, УО — усилитель-ограничитель.

ребительными научными терминами; ср. замечание Н. К. Сухова: «Можно наблюдать, как отдельные буквенные сокращения, введенные первоначально как текстовые сокращения для длинных многословных терминов, в дальнейшем применяются в качестве терминологических сокращений» [48]. Таковы, например, термины для обозначения типов двигателей: *ВРД* — воздушно-реактивный двигатель, *ПВРД* — прямоточный воздушно-реактивный двигатель, *ТРД* — турбореактивный двигатель и т. д.

---

[48] Н. К. Сухов. Указ. соч., стр. 1060.

В. В. Веселитский

О РОЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА В РАЗВИТИИ И ОБОГАЩЕНИИ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР

(Обзор литературы)

Социальная и культурная революция в нашей стране вывела национальные языки на новый путь развития. Десятки прежде бесписьменных народностей получили письменность на родном языке, на многих национальных языках создана богатая литература, общественно-политическая и научная терминология. Получили дальнейшее развитие старописьменные национальные литературные языки.

Развитие национальных языков в братской семье народов СССР происходит в обстановке благотворного взаимовлияния языков. Русский язык давно стал вторым родным языком народов СССР. В русском языке трудящиеся различных народов и национальностей СССР видят средство ознакомления с богатейшей русской и мировой культурой, достижениями науки и техники. Русский язык служит средством межнационального общения народов нашей страны, обслуживает многие важные сферы общественной жизни народов. Вопросу о роли русского языка в языковом общении народов СССР посвящена многочисленная литература.

В связи с распространением русского языка среди народов нашей страны взаимодействие его с национальными языками приобрело глубокий и органический характер. Русский язык оказывает большое прогрессивное влияние на развитие отдельных национальных языков [1].

[1] Г. И. Шкляревский. Роль русского литературного языка в развитии и обогащении языков народов СССР. «Русский язык в школе», 1956, № 5; А. Н. Кожин. Русский язык — источник обогащения языков народов СССР. «Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та. Труды каф. философии», 1958, т. 62, вып. 6; Т. А. Бертагаев, Ю. Д. Дешериев, М. И. Исаев, В. И. Лыткин, С. Г. М. Хайдаков, А. К. Ша-

Контакты русского и других народов начались давно, и уже тогда в языки отдельных народов попали русские слова и выражения, обозначавшие новые для этих народов понятия и реалии. Однако до Октябрьской социалистической революции эти контакты ограничивались главным образом сферой лексических заимствований, причем в основном слов бытового, хозяйственного, военного, административного и т. п. обихода.

Так, в якутский язык до революции попали русские слова, обозначающие предметы земледелия (*оруос* — рожь, *огуруот* — огород, *капыыста* — капуста и т. д.), домашнего обихода, конской упряжи (*хомуут* — хомут, *олгуобуйа* — оглобля и т. д.) и др.[2] Русские слова, относящиеся к наименованиям пищи, одежды, жилища, орудий труда и т. д., заимствованы с XVIII в. в нанайский язык: *билэ* — вилы, *бирда* — берданка, *бэтинке* — ботинок, *гильсе* — гильза, *гуси* — гуж, *пэсэничэ* — пшеница, *сивиокола* — свекла и т. д.[3]

В основном через посредство русского языка в конце XIX — первых десятилетиях XX в. в период подъема национально-освободительной борьбы, роста классового самосознания пролетариата вливаются в национальные языки русские и интернациональные термины общественно-политического и культурного обихода. Например, в литературный татарский язык в это время из русского языка вошли, в соответствующем фонетическом оформлении, слова: *анархист*, *гласный*, *депутат*, *забастовка*, *манифест*, *парламент*, *пролетариат*, *революция*, *социалист* и т. д.; в это же время входят слова из области культуры: *газета*, *концерт*, *лекция*, *спектакль*, *театр* и т. д.[4] Через посредство передовой публицистики в литературном армянском языке появляются общественно-политические термины (даем в русском написании): *исторический материализм*, *прибавочная стоимость*, *право на самоопределение*, *международная солидарность*, *марксизм*, *большевизм*, *тактика* и др.[5]

гиров. Роль русского языка в развитии словарного состава языков народов СССР. В кн.: Вопросы терминологии (Материалы Всесоюзного терминологического совещания). М., 1961; Ю. Дешериев. Русский язык — язык межнационального общения и сотрудничества народов СССР. «Русский язык в нац. школе», 1962, № 1.

[2] В. Д. Кудрявцев. О взаимовлиянии русского и национальных языков народов Сибири. «Труды Иркутского гос. ун-та», 1948, т. 3, вып. 2(б).

[3] С. Н. Оненко. Фонетические нормы словарных заимствований из русского языка в нанайский. «В помощь учителю школ Крайнего Севера», 1956, вып. 6.

[4] А. А. Булакаева-Баранникова. Лексическое взаимовлияние русского и татарского языков. «Уч. зап. Бурят-Монгольского гос. пед. ин-та», Ист.-филол. серия. Улан-Удэ, 1957, вып. 11.

[5] С. К. Казарян. Роль русского языка в обогащении и развитии современного армянского языка. «Труды Объединенной научной сессии по общественным наукам». Баку, 1957.

Существенно изменяется характер лексических заимствований из русского языка после Октябрьской революции. Большая часть дореволюционных заимствований в бесписьменные и младописьменные языки проникала устным путем. В советское время, в связи с развитием письменности и литературы на всех языках народов нашей страны, распространением радио, газет на русском языке, переводов с русского языка и т. д., русская лексика попадает в национальные языки и в письменно-литературной форме.

Ни в какое сравнение с дореволюционным не идет количество слов и выражений, заимствованных в национальные языки из русского или через посредство русского языка в послеоктябрьский период. Если, например, в осетинском языке в XIX — начале XX в. русские заимствования насчитывались десятками [6], то в советское время количество русских и интернациональных слов, попавших в национальные языки из русского, измеряется тысячами. В современной узбекской прессе, как показывают исследования, употребляется 15—20% русских и интернациональных слов [7].

Изменяется и качественный состав заимствованной русской лексики. Новые понятия общественно-политического характера, понятия, связанные с новыми условиями социалистического, экономического, государственного, культурного уклада, потребовали языкового выражения. Во многих национальных языках с этой целью используется имеющаяся в русском языке готовая терминология.

Заимствованная из русского языка русская и интернациональная терминология образует в языках народов СССР слой новой лексики, идущей, в общем, из одного источника и являющейся в силу этого общей. Важность этого была подчеркнута на Всесоюзном терминологическом совещании (М., 1959), которое указало, что в терминологической работе следует руководствоваться принципом наименьших расхождений, с тем, чтобы возможность взаимного понимания общественно-политической и научной терминологии народов нашей страны была наибольшей [8].

Касаясь роли русского языка в развитии национальных языков народов нашей страны, акад. В. В. Виноградов писал:

«. . .Есть глубокая принципиальная разница между прежним, дореволюционным влиянием русского языка на языки соседних

---

[6] Т. А. Гуриев. К оценке влияния русского языка на осетинский до Октябрьской революции. «Уч. зап. Сев.-Осетинского пед. ин-та», Серия филол. наук. Орджоникидзе, 1958, т. 23, вып. 3.

[7] М. Мирзаев. Советско-интернациональные слова и термины в узбекском языке. В кн.: К вопросам узбекской орфографии и терминологии. Ташкент, 1952.

[8] Вопросы терминологии (Материалы Всесоюзного терминологического совещания). М., 1961.

народностей и между влиянием русского языка на языки народов СССР в наше время.

Сходства и соответствия в языках страны Советов, обусловленные воздействием русского языка, проявляются:

1) в расширении сферы влияния русских, особенно новых, советских выражений, в калькировании их;

2) в стремительном распространении советизмов, в их движении из одного языка в другой;

3) в освоении основного фонда интернациональной лексики через посредство русского языка;

4) вообще в усилившейся тенденции к языковой интернационализации, в особенности к советской языковой интернационализации».[9]

Особенно наглядно проявляется специфика русских лексических заимствований советского времени на примере младописьменных языков. В дунганский язык, например, до Октября проникало, в результате устного общения, лишь несколько русских слов преимущественно хозяйственно-бытового характера: *самавар* — самовар, *гэрмошка* — гармошка, *арэнды* — аренда и т. п.

В советский период заимствованная из русского языка в дунганский интернациональная лексика и советизмы охватывают все стороны экономической и культурной жизни дунган в условиях советского строя. Выделяются, например, следующие группы заимствований:

1) общественно-политические понятия — *совет*, *депутат*, *партия*, *съезд*, *актив*, *агитатор*;

2) административное устройство — *сельсовет*, *район*, *облздрав*, *директор*, *кассир*;

3) сельское хозяйство — *колхоз*, *бригада*, *ферма*, *план*;

4) промышленность — *завод*, *фабрика*, *цех*, *шахта*;

5) средства передвижения и сообщения — *автомобиль*, *вагон*, *телефон*, *марка*;

6) культура, спорт, здравоохранение, просвещение — *клуб*, *театр*, *кино*, *курорт*, *ясли*, *волейбол*;

7) бытовая лексика — *консерва*, *котлет*;

8) научная терминология — *грамматика*, *химия*, *философия*, *роман*, *теорема* и т. д.[10]

Такого же рода лексика появляется в советское время в языках других народов СССР, например, в якутском языке: *председатель*, *биригэдэ* — бригадир, *нуорма* — норма и т. д.[11]

---

[9] В. В. Виноградов. Великий русский язык. М., 1945, стр. 165—166.

[10] Х. Бугазов. О русских лексических заимствованиях в дунганском языке. «Уч. зап. Киргизского гос. ун-та. Филол. фак-т». Фрунзе, 1957, вып. 3.

[11] В. Д. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 9.

В разные периоды нашей страны в русском языке появлялись новые слова, выражающие новые, возникшие в социалистической действительности понятия и реалии. Соответственно можно различить хронологически разные слои лексических заимствований в национальных языках. Так, в татарском языке после Октябрьской революции в ходе социалистического строительства в обиход входят из русского языка: *актив*, *бригада*, *колхоз*, *кооперация*, *партком*, *правление*, калька *бишьеллык* — пятилетка и т. д. В период Отечественной войны в татарском языке появляются: *автомат*, *адмирал*, *атака*, *блиндаж*, *блокада* и др.[12]

Слова и выражения, попадающие в национальные языки из русского или через посредство русского языка, усваиваются, как правило, с учетом особенностей фонетической, морфологической, синтаксической системы национальных языков, приобретая звуковой облик и изменяясь по правилам этих языков.

Фонетическая ассимиляция входящих в обиход русских слов подчиняется определенным закономерностям, обусловленным спецификой данного национального языка или группы языков. Например, в русском и нанайском языках совпадают лишь следующие согласные звуки: *б*, *д*, *л*, *м*, *н*, *р*, *с*, *т*, часть звуков наличествует в обоих языках, но существенно разнится от языка к языку: *в*, *г*, *к*, *п*, *в*, *х*, *ч*. Наконец, некоторые русские звуки не находят соответствия в нанайском языке: *ж*, *з*, *ц*, *ш*, *щ*, *ы*, (поэтому, например, слово *гильза* в нанайском передается как *гилсэ*, *гуж* — как *гуси* и т. д.). Кроме того, самые нормы расположения звуков в слове в обоих языках неодинаковы (так, нанайскому языку несвойственно стечение согласных в начале слова, некоторые звукосочетания и т. д.).[13] В результате звуковой облик заимствуемых слов иногда существенно изменяется.

Иноязычные слова, входящие в состав тюркских языков, в частности татарского, подвергаются воздействию характерных для этих языков звуковых законов (прогрессивное и регрессивное влияние гласных заднего и переднего ряда на твердость и мягкость согласных, сингармонизм гласных, специфические нормы словесного ударения и т. д.).[14]

Аналогичные закономерности действуют и в области морфологии. Оформление иноязычных слов происходит с учетом особенностей морфологической структуры национального языка, а также особенностей заимствованных слов. Так, например, префиксальные образования с *без-/бес-* русского языка оформляются в киргизском языке без этого префикса, поскольку в киргизском имеется

---

[12] А. А. Булакаева-Баранникова. Указ. соч., стр. 172—173.

[13] С. Н. Оненко. Указ. соч., стр. 102—105.

[14] Э. М. Ахунзянов. Фонетическое освоение русских слов, заимствованных в татарский язык. «Известия АН СССР. Казанский филиал», Серия гуманит. наук, 1957, вып. 2.

синонимичный ему суффикс *-сыз/-суз*. Мало заимствуется в киргизский и префиксальных образований с *воз-*, *вы-*, *низ-*, *обез-*, поскольку эти значения выражаются в киргизском языке с использованием отглагольных имен и других средств.[15]

На характер фонетических и морфологических изменений оказывают влияние особенности самой заимствуемой лексики. Так, существительные на *-ист*, *-изм*, *-ация*, *-изация* и т. д. в татарском языке как правило сохраняют свое суффиксальное оформление. Однако некоторые из этих имен (имена на *-ация*, *-изация*, *-ность/-ость*, *-ество/-ство* и др.) нередко получают, иногда наряду с суффиксами *-ация*, *-изация* и т. д., татарские суффиксы *-лаштыру/-ләштеру*, *-лау/-ләү*, *-лык/-лек* и т. д. По-разному оформляются в татарском языке русские заимствованные существительные мужского, среднего и женского рода.[16]

Специальные термины, однозначные по своей природе, заимствуются обычно без особых изменений в значении. В то же время немало осваиваемых национальными языками заимствованных слов претерпевает в процессе семантической ассимиляции определенные модификации. Это видно, в частности, на примере ряда русизмов в киргизском языке. При заимствовании исходное значение в этих словах могло суживаться (ср. русск. *банк* — киргиз. *панке* 'азартная игра в карты'), расширяться (русск. *расход* — киргиз. *ыраскот* 'расход; средства для расходования'), некоторые русские слова попали в киргизский язык в одном из своих исторически сложившихся значений (русск. *билет* — киргиз. *белет* 'билет, разрешение на порубку леса'), часть слов при заимствовании существенно изменилась в значении сравнительно с оригиналом, другие вступили в синонимические отношения с существующими киргизскими словами и т. д.[17]

В ряде национальных языков под влиянием русского языка распространяются кальки некоторых слов и выражений (*самокритика*, *противогаз*, *порядок дня*,[18] *стенная газета*, *пылесос*, *легкая кавалерия* [19] и др.), фразеологические обороты и синтаксические конструкции, свойственные русскому языку (*иметь возможность*, *дать отчет*, *сделать шаг*, обороты со словом *являться*,

---

[15] И. Н. Бажина. Грамматическое оформление русских слов в киргизском языке. «Труды Ин-та языка и литературы АН Киргиз. ССР», Фрунзе, 1956, вып. 7.

[16] Э. М. Ахунзянов. Морфологическое освоение русских слов, заимствованных в татарский язык (имена существительные и прилагательные). «Известия АН СССР. Казанский филиал», Серия гуманит. наук, 1955, вып. 1.

[17] И. Н. Бажина. Семантическое освоение русских заимствований в киргизском языке. «Уч. зап. Киргизского гос. ун-та». Филол. фак-т, Фрунзе, 1957, вып. 3.

[18] Л. Чантуришвили. К вопросу о калькировании с русского на грузинский язык. «Труды Батумского гос. пед. ин-та», 1956, т. 5.

[19] С. К. Казарян. Указ. соч., стр. 781.

синтаксические сочетания типа *состоит в том, в чем дело* и т. д.),[20] изменяются или соответствующим образом осмысливаются значения слов (например, в узбекском языке слово *кураш* 'борьба' и *арбоб* 'деятель' в сочетаниях типа *кураш — коммунизм учун курижш* 'борьба за коммунизм' и *арбоб — фан арбоби* 'деятель науки') [21] и т. д.

Наряду с фактами заимствований и аналогического словообразования и фразообразования взаимодействие русского и национальных языков приводит в ряде случаев к более органическим изменениям.

Например, по аналогии с нормами русского языка в национальных языках распространяются некоторые словообразовательные модели — сложные существительные (например, в узбекском: *бешйиллик* — пятилетка), сложные прилагательные (*халқ-озодлик* — народно-освободительный), сложносокращенные (*МК*, *Марказий Комитет* — ЦК, Центральный Комитет) и т. д.[22]

Помимо отдельных пластов терминологической русской и русско-интернациональной лексики, продуктивными в национальных языках сделались многие суффиксы слов с отвлеченным значением *-изм*, *-ист* и др. В ряде языков под влиянием определенных предлогов, приставок, суффиксов русского языка активизируются соответствующие им по значению форманты национальных языков.[23]

В украинском языке в этом плане отмечалась продуктивность суффикса существительных *-ка* в технических терминах: *насічка* — насечка, *заклепка* — заклепка, *підшивка* — подшивка и др., *воронка* (ср. в нетерминологическом значении *лійка*), *баранка* (ср. *бублик*) и т. д.[24]

В ряде национальных языков в составе заимствованных слов сохраняются фонемы и звукосочетания, несвойственные этим языкам. Например, в коми языке начинают произноситься звуки *ф*, *х*, *ц*, мягкое *р'*, некоторые звукосочетания (в словах *область*, *внимание* и др.).[25] Фонема *ц* произносится в некоторых заимствованиях азербайджанского языка; отмечается при этом, что, хотя,

---

[20] С. К. Казарян. Указ. соч., стр. 775, 780.

[21] М. Мирзаев. Указ. соч., стр. 71—72.

[22] Х. А. Абдуллаев. К вопросу о лексических заимствованиях из русского языка в узбекском и таджикском языках. «Русский язык в школе», 1956, № 4.

[23] С. К. Казарян. Указ. соч., стр. 778—779.

[24] Ф. Я. Середа. Вплив російської літературної мови на суфіксальне творення іменників української мови. «Українська мова в школі», Київ, 1954, № 5.

[25] Т. А. Бертагаев, Ю. Д. Дешериев, М. И. Исаев и др. Указ. соч.; А. С. Сидоров. Влияние русского языка на грамматический строй языка коми. «Научное совещание по вопросам языкознания в г. Сыктывкаре». Тезисы докладов. М., 1952.

например, в словах *стансия*, *авиасия* пишут *с*, многие произносят вместо этого *ц* в соответствии с русским оригиналом[26].

Выдающаяся роль в обогащении и развитии национальных языков, в частности в результате творческого усвоения элементов других языков, в первую очередь русского языка, принадлежит крупнейшим национальным деятелям культуры, просветителям, писателям, революционерам. Русский язык служил для многих национальных писателей средством знакомства с богатейшей русской и мировой литературой. В своих произведениях они использовали и пропагандировали русские и интернациональные термины, слова, выражающие новые актуальные понятия.

Большое значение, например, для развития казахского языка имела деятельность И. Алтынсарина и Абая Кунанбаева,[27] Каюма Насыри и Г. Тукая для татарского,[28] К. Хетагурова и А. Коцоева для осетинского [29] и т. д.

Сейчас, когда развитие получили все языки народов СССР, когда в этих языках сформировалась лексика, обслуживающая все стороны советской экономической и культурной жизни, остро встает вопрос о нормализации в области национальных языков и путях их дальнейшего развития. Конкретный учет национальной специфики языка и условий его современного функционирования определяет в настоящее время отношение и к иноязычным заимствованиям. В работах по языкознанию ставится, в частности, вопрос о целесообразности заимствований и сознательном подходе к ним.

Например, указывается, что такие слова, как *революция*, *большевик*, *партия*, *колхоз* и др., вошли в плоть и кровь многих национальных языков и не нуждаются в переводе. С другой стороны, нет необходимости заимствовать такие, чисто обиходные слова, для которых есть в национальных языках равноценные эквиваленты, как *город*, *доска*, *звонок*, *перо* и т. д.[30]

В некоторых старописьменных языках для выражения ряда актуальных в наше время отвлеченных и специальных понятий существуют слова, издавна употребляющиеся в данных языках. Поэтому в некоторых случаях в языках не возникает потребности в заимствовании терминов и слов для выражения специальных

---

[26] Г. Г. Алекперлы. Выступление. «Труды Объединенной научной сессии по общественным наукам». Баку, 1957, стр. 802—804.

[27] Г. И. Шкляревский. Указ. соч., стр. 91—92.

[28] А. А. Булакаева-Баранникова. Указ. соч.; Р. Авзалова. Русские заимствования в языке прозы Г. Тукая. «Межвузовская научная конференция, посвящ. 75-летию со дня рожд. Г. Тукая». Казань, 1961.

[29] Т. А. Гуриев. Указ. соч.; Л. П. Семенов. К. Л. Хетагуров и русский язык. «Уч. зап. Сев.-Осетинского гос. пед. ин-та», Орджоникидзе, 1959, т. 24.

[30] В. Д. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 12.

понятий, если в этом же значении успешно употребляются слова данного языка.[31]

Высказываются соображения и против расширения круга заимствований в национальных языках путем введения искусственных или окказиональных, недолговечных образований — ка́лек, переводов и т. д.[32]

Дальнейшее развитие лексического состава, грамматического и звукового строя национальных языков связано с закономерностями функционирования этих языков в условиях тесной связи и братского союза народов нашей страны.

При советской власти получили письменность десятки прежде бесписьменных национальностей. С другой стороны, ряд народов нашей страны имеет на своих языках богатую, развивавшуюся на протяжении веков письменность, литературу и искусство. В силу этого общественно-исторические условия существования разных национальных языков неодинаковы. Различаются и общественные функции этих языков в жизни народов. В этих условиях, естественно, пути дальнейшего развития национальных языков и формы их взаимодействия с русским языком не могут быть одинаковыми.

В условиях повсеместного распространения и расширения функций русского языка в национальных республиках и областях складывается двуязычие (многоязычие), характер, формы и условия которого различны. Часто оно выражается в совершенном владении родным языком и русским литературным языком.

С точки зрения русистики первостепенным представляется выяснение условий бытования и функционирования русского языка в национальной среде, обследование «говорения» на русском языке людьми, первым родным языком которых является местный национальный язык. Каков состав словаря, репертуар и употребительность грамматических форм, элементы звукового состава русского языка, бытующего в качестве средства общения в различной национальной среде?

Думается, в определенных случаях это будет реально язык, не вполне совпадающий с литературным языком собственно русских областей, причем в отдельных национальных районах этот язык может иметь свои особенности.[33] Пока что по этому вопросу имеются лишь работы, отмечающие частные местные

---

[31] А. С. Г а р и б я н. По поводу письма П. Назаряна в редакцию журнала «Октябрь» «О лексических заимствованиях и чистоте языка». «Известия АН Армянской ССР. Обществ. науки», 1957, № 1. Ср.: П. Назарян. О лексических заимствованиях и чистоте языка. «Октябрь», 1956, № 10.

[32] Г. Г. А л е к п е р л ы. Указ. соч.

[33] Понятно, имеется в виду полноценный язык, способный служить средством общения во всех сферах общественной жизни, а не та ломаная речь, которую можно представить себе как результат слабого владения русским языком.

заимствования в русский язык, проникшие устным путем или через посредство литературы.[34]

Специфический и весьма важный характер имеет проблема культуры русской речи в национальной среде. Работа по повышению уровня владения русским языком, борьба с ошибками, обусловленными аналогией с формами местного национального языка, ведется, и ей посвящена обширная учебно-методическая литература.[35]

Однако полезная и нужная деятельность по исправлению типичных «местных» ошибок в русской речи далеко не исчерпывает проблематику культуры речи. Не совпадает эта проблематика и с теми вопросами, которые возникают обычно при изучении и нормализации русской речи в собственно русской языковой среде. Очевидно, в условиях двуязычия (многоязычия) задачи и цели работы в области культуры русской речи в национальной среде нуждаются в точном и научном определении. Во всяком случае ясно, что эта работа должна опираться на результаты детального научного сопоставительного изучения русского и других языков, на знание перспектив дальнейшего развития национальных языков в условиях социалистического общества.

Проблема взаимообогащения братских языков нашей страны имеет наиболее органический характер в отношении славянских языков — русского, украинского, белорусского — в силу близкого родства этих языков и их тесных связей в процессе исторического развития. Из русского языка и через посредство его в украинский и белорусский языки вошли, различными путями, слои терминологической и общелитературной лексики. В свою очередь, русский язык пополнился целым рядом слов украинского языка *(вареники, борщ, девчата, тысячница,* образования типа *Полтавщина* и др.*)*.[36]

В Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии, в качестве одной из задач в области национальных отношений на-

[34] С. Б. Тошьян. О некоторых заимствованиях в говорах русских переселенцев в Арм. ССР. «Уч. зап. Ереванского гос. русского пед. ин-та», 1952, т. 3; В. И. Столбунова. Изменения в системе русского говора под влиянием украинского языка. «Научн. ежемесячник за 1959 г. Черновицкого гос. ун-та. Филол. фак-т». 1960 (отдельн. отт.).

[35] Р. И. Аванесов. Культура русского литературного произношения в Марийской АССР. Козьмодемьянск, 1943; В. С. Яценко. Типичные ошибки учащихся казахов в произношении звуков русского языка. Алма-Ата, 1956; М. М. Михайлов. О классификации ошибок в письменных работах учащихся (по русскому языку). Чебоксары, 1959; К. З. Закирьянов. Пути повышения пунктуационной грамотности учащихся по русскому языку в башкирской школе. Уфа, 1960; Д. М. Шихамиров. Типичные ошибки учащихся V—VII классов и работа над их устранением. «Из опыта преподавания русского языка в школах Дагестана», вып. 3. Махачкала, 1961; П. И. Малакшинов. Предупреждение орфографических ошибок в бурятской школе, М., 1962 и др.

[36] Подробнее см.: И. К. Белодед. Русский язык — язык межнационального общения народов СССР. Киев, 1962, стр. 21—25.

мечено: «Обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков. В условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения.

Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР».[37]

Все это ставит перед языковедами задачу всестороннего изучения функционирования и развития национальных языков СССР, в частности русского языка, в условиях тесного союза и сотрудничества народов нашей страны [38].

---

[37] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М., Госполитиздат, 1961, стр. 115—116.

[38] В статье поставлены на основе рассмотренной литературы лишь некоторые вопросы, относящиеся к данной теме. Более полное и всестороннее освещение тема найдет в готовящейся Институтом русского языка АН СССР монографии „Русский язык и советское общество".— *Прим. ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

М. В. Панов. О стилях произношения 5

И. П. Мучник. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке 39

Н. А. Янко-Триницкая. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах 83

В. П. Даниленко. О словообразовании глаголов на *-ничать* в русском языке советского периода 98

Д. Н. Шмелев. Об одном случае активной аналогии в современном русском языке 103

Н. Д. Андреев, В. Л. Замбржицкий. Именное словообразование в спортивной терминологии 119

Г. С. Зенков. О словообразовательных типах с суффиксами *-щик*, *-ник* и их взаимодействии в современном русском языке 136

Д. И. Алексеев. Графические сокращения и слова-аббревиатуры 145

В. В. Веселитский. О роли русского языка в развитии и обогащении языков народов СССР 161

[Развитие современного русского языка

*

Утверждено к печати Институтом русского языка Академии наук СССР

*

Редактор Издательства *В. А. Ицкович*
Технический редактор *Т. П. Поленова*. Корректор *Б. И. Рывин*

РИСО АН СССР № 78-125В. Сдано в набор 21/I 1963 г. Подписано к печати 16/IV 1963 г. Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 10,75 Уч.-изд. л. 11,1 Тираж 8000 экз. Изд. № 1585 Тип. зак. № 33.

Цена 67 коп.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР, Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

ИРЯ
институт русского языка им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ
В КНИГЕ ЗАКАЗ № 33

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
20	4, 7, 11, 12, 14 св.	ѣ	ѣ
26	15 сн.	[тѣ́с'ьчь]	[тѣ́с'ьчъ]
79	20 св.	в профессии	и профессии
84	20 св.	соотносящиеся	соотносящееся
89	2 св.	не все	все
132	22 сн.	*рук*	*руке*
141	9 св.	продуктов	продуктивных
146	1 св.	взаимоотношений	взаимоотношения

67 к.